

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный профессионально-педагогический университет»

На правах рукописи

БИКТУГАНОВА Марина Юрьевна

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА
МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОРГАНИЗАЦИЯХ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

5.8.1 – общая педагогика, история педагогики и образования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук
Зеленов Юрий Николаевич

Екатеринбург – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	21
1.1. Молодежный экстремизм: социальная сущность, понятие, классификация.....	21
1.2. Зарубежный опыт профилактики молодежного экстремизма.....	43
1.3. Профилактика молодежного экстремизма в отечественной педагогике.....	66
Выводы по первой главе.....	87
Глава 2. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОРГАНИЗАЦИЯХ СПО В УСЛОВИЯХ НЕОГРАНИЧЕННОЙ ДОСТУПНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.....	90
2.1. Организация и проведение опытно-поисковой работы.....	90
2.2. Модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды.....	104
2.3. Результаты опытно-поисковой работы по педагогической профилактике молодежного экстремизма в организациях СПО.....	119
Выводы по второй главе.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	153
Приложение 1 – Диагностические задания по педагогической профилактике проявлений молодежного экстремизма.....	178
Приложение 2 – Проверка валидности диагностических заданий по педагогической профилактике проявлений молодежного экстремизма.....	182
Приложение 3 – Достоверность разности процентных чисел по общему сдвигу в уровнях усвоения знаний в контрольных и экспериментальных группах при педагогической профилактике проявлений молодежного экстремизма.....	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современный этап развития открытых образовательных сред информационного общества характеризуется, с одной стороны, доминирующей неограниченной доступностью систематизированного контента деструктивного характера для учащейся молодежи, с другой стороны, скоординированной экстенсивной и интенсивной, постоянно актуализирующейся вариативной пропагандой экстремизма среди обучающихся, как наиболее распространенной формой проявления тенденциозного гражданского воспитания [9, 138, 156, 194, 210]. Секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев вместе с ведущими аналитиками страны констатируют, что вследствие актуализации данной социально-педагогической проблемы уже некоторые преподаватели придерживаются фальшивых версий мировой и отечественной истории, искажают и подрывают своими ненаучными трактовками социальную ценность России, на основе ложных фактов и мифов программируют сознание учащихся, углубляют разрыв между поколениями. В результате такого негативного интегративного воспитательного воздействия, по экспертной оценке, воспитание только единиц молодых людей соответствует требованиям зрелого гражданского общества [75, 138, 203]. С 2022 г. в педагогическом преобразовании данной ситуации участвуют ведущие отечественные политики, ученые и педагоги, которые проводят учебные занятия, связанные с темами истории и обществознания, при этом понимая, что в образовательных организациях с молодым поколением должны говорить представители родного государства, а иначе их место могут занять лица, действующие по поручению других стран, что критически недопустимо [133].

Остро данная проблема касается подростков и юношей, обучающихся в профессиональных образовательных организациях, в которых, особенно в организациях уровня среднего профессионального образования (организации СПО), в последнее десятилетие произошел ряд резонансных радикальных выступлений и экстремистских деяний, оказывающих противоречивое влияние на развитие не

только педагогических и учебных коллективов, но и других сфер жизнедеятельности всего общества. Исследователи и методисты указывают на распространение среди обучающихся проявлений неприятия прямого непосредственного педагогического воздействия на их личность, взгляды и убеждения, отмечают снижение результативности индивидуализированной учебно-воспитательной работы, рост проявлений педагогической запущенности [138]. Как следствие, разработанные и внедряемые программы педагогической профилактики молодежного экстремизма ориентированы лишь на косвенное, опосредованное окружающей средой обезличенное воздействие на подростков и юношей [153].

Воспитание и развитие лояльного гражданина с устойчивым иммунитетом к экстремистской пропаганде в настоящее время рассматриваются как общая «сквозная» цель в большинстве национальных педагогических систем. Таким образом, в настоящее время сложилась социально-педагогическая потребность в педагогической профилактике молодежного экстремизма в организациях СПО.

В то же время, данное положение усугубляется терминологической неупорядоченностью, существующей в зарубежных и отечественных исследованиях, в интерпретации содержания понятия «экстремизм». Существуют несколько десятков определений данного понятия, противоречащих друг другу [198, 206, 213, 214]. Это отмечается не только научными экспертами, но и политическим руководством: президент России подчеркнул необходимость выработки единого подхода к данному термину.

Отметим, что в научных источниках до настоящего времени терминологически не упорядочены понятия «экстремизм» и «радикализм». Их одновременно используют не только как синонимы, но и как два различных термина, не раскрывая при этом сущность каждого.

Вместе с тем, ряд исследователей отмечают устойчивый тренд на радикализацию учащейся молодежи, что объективно может привести к снижению качества среднего профессионального образования в стране [207]. Следует указать на неразработанность принципов отбора содержания и признание в литературе отсут-

ствия эффективных методик проведения прямой педагогической профилактики экстремизма в организациях СПО.

В *социально-педагогическом аспекте* актуальность исследования определена потребностями общества в формировании у студентов организаций СПО устойчивого иммунитета к целенаправленной вариативной экстремистской пропаганде.

В *научно-теоретическом аспекте* актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска теоретико-методологических подходов к цели, структуре и содержанию педагогической профилактики экстремистских проявлений студентов организаций СПО, основанных на интеграции процессов обучения и воспитания.

В *научно-методическом аспекте* актуальность исследования определяется потребностью в методиках педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде, интегрирующих прямое и косвенное воздействие на обучающихся.

Актуализация данной проблемы проявилась в утвержденной в 2020 г. политическим руководством страны «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», в которой не только особо отмечается, что руководители экстремистских организаций планируют свою деятельность, ориентируясь, как правило, на учащуюся молодежь, но и подчеркивается необходимость разработки и внедрения новой системы учебно-воспитательных мероприятий, направленных на повышение эффективности профилактики экстремистских проявлений в образовательных организациях и вовлечения в этот процесс педагогических работников и обучающихся.

Ключевые понятия исследования:

Педагогическая профилактика молодежного экстремизма в организациях СПО – это систематическое педагогическое воздействие на идейно-теоретическое развитие направленности личности студента, предупреждающее или устраняющее воздействие факторов социально-психологического риска, которые определяют становление ее идейной ориентации на экстремистскую деятельность, а также со-

циально-психологическая реабилитация обучающихся, попавших под такое влияние.

Иммунитет личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде – это научно обоснованная индивидуальная неподверженность обучающегося насаждаемым субъективным ненаучным эклектичным идеям и аргументам, догматически отвергающим закономерно сложившиеся в обществе духовные, культурные, правовые, политические, социально-экономические традиции, ценности и принципы социального устройства на основе реализации содержания, форм и методов педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО при внедрении педагогами принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму в едином последовательном взаимозависимом учебно-воспитательном процессе на учебных занятиях.

Экстремизм студента организации СПО – это социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы и догматическую абсолютизацию практической возможности неправового насильственного ее изменения.

Радикализм студента организации СПО – это социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы при формальной практической лояльности к ней; в то же время в условиях объективного или субъективного кризиса, он может допускать возможность неправового изменения системы, что может являться исходным этапом детерминированного становления экстремистских воззрений.

Степень разработанности проблемы

Сущность молодежного экстремизма, его социально-психологические, социокультурные и педагогические причины исследованы в работах

С. А. Алексеева, Ю. М. Антоняна, Э. Б. Гаязовой, Я. И. Гилинского, М. И. Еникеева, Р. И. Зинуровой, А. Р. Тузикова, M. Crenshaw, P. G. Steinhoff, R. M. Fields, D. Greaves.

Базовые концептуальные подходы к групповой и индивидуальной педагогической профилактике экстремизма среди учащейся молодежи проанализированы в работах Ю. М. Антоняна, Н. Б. Бааль, А. И. Долговой, Ю. Н. Зеленова, П. А. Кабанова, А. Ф. Минекаевой, J. V. Bell, Ab. Kaplan.

Особенности региональных, этнических, религиозных и гендерных аспектов проявлений экстремизма, как дестабилизирующих факторов системы общественной безопасности государства, представлены в работах Ю. М. Антоняна, Дж. Арнд, Г. Б. Балаян, М. И. Безбородова, А. В. Вахрамеева, С. И. Гирько, Дж. Пост, А. В. Ростокинського, А. В. Серикова, И. Ю. Сундиева, В. В. Энгеля, L. Weinberg, L. E. William.

Анализ психолого-педагогических теорий и практик педагогической дерадикализации учащейся молодежи рассмотрены в исследованиях Ю. Н. Зеленова, Н. С. Морова, И. А. Мухаметзарипова, В. А. Смирнова, Т. В. Талановой, P. G. Steinhoff.

Вместе с тем, оценка отечественных и зарубежных исследовательских работ, связанных с проблемой реализации программ педагогической профилактики молодежного экстремизма, а также изучение педагогической деятельности организаций СПО показывают недостаточную разработанность проблемы как в педагогической теории, так и в учебно-воспитательной практике.

Анализ современных исследований и педагогического опыта в указанной области деятельности организаций СПО позволил выявить следующие **противоречия**:

- в *социально-педагогическом аспекте* – между потребностями личности, общества и государства в формировании у студентов организаций СПО устойчивого иммунитета к экстремистской пропаганде и нереализованным потенциаль-

ным возможностям проводимой в этих организациях педагогической профилактики экстремистских проявлений у студентов;

- в *научно-теоретическом аспекте* – между необходимостью педагогической профилактики и теоретической неразработанностью такой профилактики, основанной на интеграции обучения и воспитания;

- в *научно-методическом аспекте* – между педагогической потребностью организаций СПО в методике педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде, интегрирующей прямое и косвенное воздействие на обучающихся и недостаточным ее обеспечением научно-методическими рекомендациями в этих организациях.

На основе указанных противоречий обозначена **проблема исследования**, заключающаяся в научном обосновании педагогических условий формирования педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде в организациях СПО. Актуальность рассматриваемой проблемы, ее недостаточная научная и практическая разработанность обусловила выбор **темы исследования**: «Педагогическая профилактика молодежного экстремизма в организациях среднего профессионального образования».

Цель исследования – научное обоснование, разработка и апробация комплекса педагогических условий, обеспечивающих педагогическую профилактику молодежного экстремизма и формирование у студентов организаций СПО иммунитета к экстремистской пропаганде.

Объект исследования – учебно-воспитательный процесс в организациях СПО, направленный на профилактику молодежного экстремизма среди студентов.

Предметом исследования являются принципы, содержание и средства развития педагогической профилактики молодежного экстремизма среди студентов организаций СПО.

Данное исследование имеет ограничение: оно выполнено на примере преподавания общеобразовательных дисциплин – истории и обществознания, которые позволили использовать учебно-воспитательный ресурс

в педагогической профилактике молодежного экстремизма среди студентов организаций СПО.

Гипотеза исследования: эффективность педагогической профилактики молодежного экстремизма и процесса формирования у студентов организаций СПО иммунитета личности к экстремистской пропаганде повысится при соблюдении педагогических условий, которые будут построены с учетом следующих положений:

- педагогическая профилактика экстремизма среди студентов будет организована в соответствии с моделью, состоящей из трех основных компонентов: целевого, организационно-содержательного и результативного;

- при реализации организационно-содержательного компонента педагогами будут учитываться принципы вариативности профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму;

- будут использованы методические подходы, стимулирующие самостоятельную познавательную активность студентов и создающие для них ситуации взаиморазвития, взаимообучения и взаимовоспитания;

- целью профилактики будет формирование иммунитета личности студента к экстремистской пропаганде, под которым будет пониматься научно обоснованная индивидуальная неподверженность студента к насаждаемым ненаучным идеям и аргументам, догматически отвергающим закономерно сложившиеся в обществе традиции, ценности и принципы социального устройства, через реализацию содержания, форм и методов педагогической профилактики молодежного экстремизма согласно принципам вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму;

- эффективность профилактической деятельности среди студентов будет раскрываться по показателям и критериям трех уровней проявления иммунитета обучающихся к экстремистской пропаганде: методологического, методического и практического.

Сообразно цели настоящего исследования и выдвинутой гипотезе сформирован следующий перечень **задач**:

1. Проанализировать психолого-педагогические и социологические работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные феноменологии, теоретическим и практическим подходам к профилактике молодежного экстремизма, применяемым в организациях СПО.

2. Определить цели и установить сложившиеся принципы, методические подходы и модели организации и обеспечения функционирования педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО, выявить их существенные достоинства и недостатки.

3. Разработать специфическую цель и основные взаимосвязанные принципы профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в современных условиях.

4. Разработать модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО, создать систему педагогических условий ее реализации.

5. В процессе опытно-поисковой работы проверить эффективность педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО.

Методологической основой исследования явились:

- системный подход (Л. М. Андрюхина, И. В. Блауберг, Н. И. Бондаренко, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин), применение которого позволяет рассматривать процесс педагогической профилактики молодежного экстремизма как целостную воспитательную систему в диалектической взаимосвязи, развитии и преемственности всех ее компонентов;

- проблемно-развивающий подход (И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, М. И. Махмутов, В. Оконь), предполагающий усвоение студентами научного знания через освоение способов познания;

- личностно-ориентированный подход (Е. В. Бондаревская, Н. О. Вербицкая, Л. Н. Духанина, Э. Ф. Зеер, В. В. Сериков, И. С. Якиманская), направленный

на индивидуальный опыт обучающихся, проявления их субъектности и потребности в самоопределении, гуманистической самореализации, саморазвитии, и обеспечивающий формирование критических личностных качеств, способствующих формированию иммунитета к экстремистской пропаганде;

- концепции и теоретические идеи интегративного подхода к элементам педагогического процесса (О. Б. Акимова, Б. Н. Гузанов, Е. А. Казаева, А. Г. Кислов, А. Н. Леонтьев, Г. М. Романцев, Ф. Т. Хаматнуров, Н. К. Чапаев), ведущие к синергетическому социокультурному воспитательному эффекту и позволяющие сформировать у обучающегося способность к осознанию личной иерархии мотивов, личностного смысла и свободы выбора действий;

- компетентностный подход (Б. Н. Гузанов, Э. Ф. Зеер, П. Ф. Кубрушко, Дж. Равен, Р. Стернберг), способствующий преодолению неадекватных убеждений, ценностей и установок.

Теоретическую основу исследования составили концептуальные представления социально-философских аспектов экстремизма, раскрытых в научных трудах Дж. Гринберга, А. А. Козлова, М. Креншоу, М. Милкулинцера, А. И. Муминова, В. Н. Томалинцева, В. Флориана, А. А. Хоровинникова и др. Политологические вопросы экстремизма раскрыты в работах П. Вилкинсона, Е. Н. Гречкиной, С. К. Маккоя, И. А. Сазонова, А. А. Тюканько, С. Н. Федорко, Г. Хесс и др. Социально-психологический и психолого-педагогический анализ экстремизма как одного из проявлений социальной девиации отражен в трудах Ю. М. Антоняна, Дж. Гринберга, Ю. Н. Зеленова, О. В. Кнителъшота, А. В. Ростокинского, Е. Я. Тищенко, А. Р. Тузикова, Е. Н. Юрасовой.

Проверка и подтверждение выдвинутой рабочей гипотезы обеспечивались использованием на каждом этапе научной работы адекватных аппарату исследования **теоретических методов**, позволяющих выявить характерные особенности и противоречия рассматриваемых нами явлений и процессов, установить их причины, предложить обоснованный конструктивный комплекс средств педагогической профилактики экстремистских проявлений среди учащейся молодежи

жи организаций СПО (анализ, систематизация, типологизация, обобщение, моделирование); частных и общих **методов эмпирического познания**, применяемых для изучения педагогического процесса организаций СПО и ВПО, проведенных учебных занятий и продуктов деятельности (наблюдение, тестирование, беседа и интервью, анкетирование, оценивание и рейтинг, экспертиза, изучение, педагогический эксперимент, анализ документации).

База исследования. Основная часть опытно-поисковой работы проводилась в ГАПОУ СО «Екатеринбургский экономико-технологический колледж», ГАПОУ СО «Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В.М. Курочкина», ГАПОУ СО «Свердловский областной педагогический колледж», ГАПОУ СО «Нижнетагильский торгово-экономический колледж», ГАПОУ СО «Нижнетагильский педагогический колледж», ГАПОУ СО «Каменск-Уральский политехнический колледж», ГАПОУ СО «Ирбитский гуманитарный колледж», ГБПОУ СО «Красноуфимский педагогический колледж».

В опытно-поисковой работе принимали участие 349 педагогов и 5067 студентов 8 организаций СПО.

Исследование выполнялось в течение 2017–2022 гг. и в соответствии с логикой решения поставленных задач включало три **этапа исследования**:

Первый этап (2017–2018) – *подготовительный* – необходимый для формирования понятийного аппарата настоящего исследования, анализа тематически близких проблематике нашего исследования психолого-педагогических и социологических работ отечественных и зарубежных авторов, разработки согласующихся с целями и задачами исследования экспериментальных материалов, реализации констатирующего и пилотажного экспериментов для апробации основной гипотезы, создания общего плана дальнейшей экспериментальной работы.

Второй этап (2018–2020) – *формирующего эксперимента* – выполнялся основной педагогический эксперимент, направленный на установление причин и факторов, определяющих изучаемые явления в целях проектирования наиболее эффективного комплекса средств педагогической профилактики экстремизма

в организациях системы СПО, осуществлялся сбор экспериментальных данных в образовательных организациях.

Третий этап (2020–2022) – *обработки эмпирических данных* – обеспечивались систематизация и обобщение полученных в ходе исследования эмпирических данных, которые были подвергнуты различным видам количественно-качественного анализа; осуществление теоретического обоснования всего массива исследовательского материала.

Научная новизна исследования состоит в представленном автором специфическом решении значимой для развития теоретических основ и практики педагогической деятельности задачи – педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды, и заключается в следующем:

1. Конкретизированы понятия: *«радикализм студента организации СПО»*, который определяется как социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы при формальной практической лояльности к ней; *«экстремизм студента организации СПО»* как социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы и догматическую абсолютизацию практической возможности неправового насильственного ее изменения.

2. Определены концептуальные принципы: *вариативности профилактики экстремизма*, основанной на возможности рассмотрения студентами потенциально рискованных социально-психологических ситуаций с учетом амбивалентного подхода и *нулевой терпимости к экстремизму*, которая обоснована объективным научным системным подходом к возможности формирования однозначно нетерпимой реакции студентов на проявления субъективного ненаучного бескомпромиссного идейного неприятия элементов закономерно сложившейся обществен-

но-политической системы и стремления неправомерного насильственного ее изменения; данные принципы в совокупности определяют общие требования к отбору содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО.

3. Разработана модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды, состоящая из трех основных компонентов: целевого, организационно-содержательного и результативного.

4. Определена и апробирована система педагогических условий для реализации модели педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО: дидактические, организационно-педагогические и психолого-педагогические условия, позволяющие поэтапно формировать у студентов развитие иммунитета к эклектичному пропагандистскому влиянию экстремизма.

5. Разработана и апробирована система критериев и показателей методологического, методического и прикладного уровней развития иммунитета студентов организаций СПО к пропагандистскому влиянию экстремизма.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется полученными научными результатами:

1. Расширены теоретические представления о процессе педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды, в том числе в обосновании системы педагогических условий, содействующих эффективному осуществлению данной деятельности.

2. Разработана модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды, включающая три взаимосвязанных компонента: целевой, организационно-содержательный и результативный.

3. Выявлена и обоснована система педагогических условий (дидактических, организационно-педагогических и психолого-педагогических) эффективности поэтапной реализации модели.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты выполненной научной работы нашли воплощение в разработанной рабочей программе учебной дисциплины «Основы профилактики молодежного экстремизма в организациях среднего профессионального образования» и учебном пособии «Практикум по профилактике молодежного экстремизма в организациях среднего профессионального образования», которые были использованы в образовательном процессе организаций СПО Свердловской области.

Полученные результаты исследования, выдвигаемые научные положения и конкретизированные понятия расширяют методический аппарат педагогических работников, позволяют обеспечить реализацию процесса педагогической профилактики молодежного экстремизма в образовательных организациях СПО и могут быть применены в организациях среднего общего и высшего образования на основе использования предложенных принципов, содержания, форм и методов профилактической работы, что будет способствовать эффективной профилактике экстремистских проявлений в среде учащейся молодежи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Педагогическая профилактика молодежного экстремизма в организациях СПО – это систематическое педагогическое воздействие на идейно-теоретическое развитие направленности личности студента, предупреждающее или устраняющее влияние факторов социально-психологического риска, которые определяют становление ее идейной ориентации на экстремистскую деятельность, а также при необходимости социально-психологическая реабилитация обучающихся, попавших под такое влияние.

2. Профилактику экстремизма следует осуществлять на основе модели педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды. Данная мо-

дель состоит из трех основных компонентов: целевого, организационно-содержательного и результативного. Каждый компонент при этом включает в себя три следующих этапа последовательных стадий единого процесса профилактики экстремизма со своими специфическими проявлениями педагогических условий, результатом которых является достижение соответствующего уровня (показателя) развития иммунитета к экстремистским идеям: 1) методологический этап – дидактические условия, способствующие формированию у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на функционирование и развитие Российской Федерации и международного сообщества; 2) методический этап – совокупность определенных организационно-педагогических и дидактических условий, позволяющих формировать у студентов убеждения о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма и радикализма на регионально-национальную жизнедеятельность субъектов Российской Федерации; 3) прикладной этап – совокупность организационно-педагогических и психолого-педагогических условий, содействующих формированию у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на индивидуальную жизнь студента, окружающих его товарищей и педагогических работников. Интегративным результатом реализации данных этапов является саморазвитие студентов (развитие у них предрасположенности к усвоению системного научного знания и поэтапное формирование иммунитета к эклектичному пропагандистскому влиянию экстремизма).

Последовательность и интенсивность профилактической работы зависит от квалификации, профессионального опыта и личностных качеств преподавателей, вовлеченных в данный процесс. С позиций организационно-педагогических условий от этого зависит характер и содержание интеграции усилий не только с другими педагогами, но и с привлекаемыми психологами, сотрудниками МВД и родителями; с другой стороны, с позиций психолого-педагогических условий, студенты в процессе реализации активных методов обучения (например, во время учебных дискуссий) объективно оказываются в ситуации взаимообучения

и взаимовоспитания. В совокупности указанные факторы педагогических условий приводят к синергетическому эффекту и повышают результативность профилактической работы.

3. Обоснованность и эффективность профилактики молодежного экстремизма зависит от целенаправленной реализации педагогами в едином последовательном взаимозависимом педагогическом процессе на учебных занятиях принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму. Принцип вариативности профилактики экстремизма детерминирует классификацию обучающимися множества внешне разнородных аргументов различных социальных позиций лишь на две противоположные группы – научные и ненаучные. А принцип нулевой терпимости к экстремизму, требуя сопоставления в процессе занятия обеих групп аргументов, полностью нейтрализует ненаучные субъективные аргументы, оставляя в качестве интегративного учебно-воспитательного результата инвариант научных аргументов и объективного системного подхода. В единстве данные принципы носят для процесса профилактики концептуальный характер, детерминируя систематизированное формирование у студентов иммунитета к пропагандистскому влиянию экстремизма.

Принцип вариативности профилактики экстремизма определяет требование к отбору содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО. Данное требование основано на возможности рассмотрения студентами потенциально рискованных социально-психологических ситуаций с учетом амбивалентного подхода, включающего в себя, во-первых, субъективный ненаучный эклектичный подход; во-вторых, объективный научный системный подход.

Принцип нулевой терпимости к экстремизму также определяет требование к отбору содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО. Но здесь оно обусловлено объективным научным системным подходом к возможности формирования однозначно нетерпимой реакции студентов на проявления субъективного ненауч-

ного бескомпромиссного идейного неприятия элементов закономерно сложившейся общественно-политической системы и стремления неправомерного насильственного ее изменения.

4. Система взаимосвязанных критериев и показателей поэтапного формирования иммунитета личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде – это научно обоснованные признаки индивидуальной неподверженности студента насаждаемым субъективным ненаучным эклектичным идеям и аргументам, догматически отвергающим закономерно сложившиеся в обществе духовные, культурные, правовые, политические, социально-экономические традиции, ценности и принципы социального устройства на основе реализации содержания, форм и методов педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО согласно принципам вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму.

5. В последние годы проявляется тенденция к снижению среди студентов организаций СПО некоторых разновидностей рационального экстремизма: религиозного, национального, социального, спортивного, криминального, правого и левого идейно-политического экстремизма.

Личный вклад автора диссертационного исследования состоит в выполнении основного объема теоретических и экспериментальных исследований: в выдвижении научной проблемы и положений рабочей гипотезы; постановке цели и определении задач; анализе научной проблемы; разработке ведущих идей исследования: в уточнении понятий «иммунитет личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде», «экстремизм студента организации СПО», «радикализм студента организации СПО», разработке и апробации модели педагогической профилактики экстремизма в среде студентов организаций СПО, обосновании дидактических, организационно-педагогических и психолого-педагогических условий ее реализации; в создании специализированного критериально-оценочного инструментария и учебно-методического обеспечения.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Представленные в исследовании теоретические положения о педагогической профилактике молодежного экстремизма в организациях среднего профессионального образования наиболее соответствуют п. 11 («Потенциальные возможности самоопределения и саморазвития человека средствами образования в современном мире»), п. 20 («Педагогические условия обеспечения безопасности в образовательных учреждениях»), п. 24 («Дидактические возможности открытой образовательной среды; педагогические условия обеспечения безопасности среды»), п. 33 («Педагогические модели профилактики асоциального поведения детей и подростков, в том числе в открытых образовательных средах») паспорта специальности 5.8.1. – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись в процессе выполнения настоящего исследования, обсуждения его результатов и основных положений в академическом сообществе, в ходе реализации опытно-поисковой работы среди студентов очной формы обучения в ГАПОУ СО «Екатеринбургский экономико-технологический колледж», ГАПОУ СО «Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В. М. Курочкина», ГАПОУ СО «Свердловский областной педагогический колледж», ГАПОУ СО «Нижнетагильский торгово-экономический колледж», ГАПОУ СО «Нижнетагильский педагогический колледж», ГАПОУ СО «Каменск-Уральский политехнический колледж», ГАПОУ СО «Ирбитский гуманитарный колледж», ГБПОУ СО «Красноуфимский педагогический колледж».

Результаты исследования докладывались на международных (Уфа, 2021; Пенза, 2022;) и всероссийских (Екатеринбург, 2022) научно-практических конференциях по проблемам профилактики молодежного экстремизма.

Всего по проблеме исследования опубликовано 18 научных работ, включая 5 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для публикации основных научных результатов диссертационного исследования.

Структура диссертации. Диссертация включает в себя введение, две главы, заключение, список литературы, состоящий из 217 источников (из них 31 на иностранном языке) и три приложения. Текст диссертации содержит 3 таблицы и 9 рисунков.

Глава 1. МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Молодежный экстремизм: социальная сущность, понятие, классификация

Прежде чем рассматривать экстремизм как социальное явление и социально-педагогическую проблему, необходимо определиться с содержанием базовых понятий, связанных с данным феноменом [65, 70, 190].

Первоначально генезис различных концепций экстремизма был связан с постепенным становлением понятия «радикализм» в Англии в середине XVIII в., когда к «радикалам» относили приверженцев «крайней оппозиции» [84].

Исходя из этимологии данного слова, в настоящее время среди английских университетских преподавателей сложилась традиция понятием «радикализм» (англ. *radical* от лат. *radix* – корень, позднелат. *radicalis* – коренной) именовать политическую позицию, характеризующуюся склонностью к коренному переустройству существующего социального строя [101, с. 376]. Определяющим в данном случае является интерпретация радикализма как предельной «оппозиционной ориентации» в рамках определенной системы правления [101, с. 89, 283]. Как следствие, *радикализм в английском историческом контексте, с точки зрения внутренней политики данного государства, не взаимосвязан с насилием*. При этом, как показывает историческая практика, английские радикалы по отношению к международной политике могли быть и нередко являлись сторонниками насильственных действий.

С другой стороны, Г. Н. Канинская, анализируя распространение данного понятия за пределы британского общества, верно отмечает, что слово «радикал» «впервые появилось во Франции в 1820 г.» и означало приверженцев ненасильственных преобразований государственных и общественных институтов в демократическом и светском духе [84]. Данный подход в течение XIX в. стал устойчивой

традицией и в 1901 г. привел к возникновению радикальных партий – республиканской и радикал-социалистов [85]. Аналогичный подход к теории и практике радикализма сложился в Италии и других странах с парламентскими системами [84].

В России XIX в. сложилась иная традиция теории и практики радикализма. В условиях самодержавия, отсутствия парламентаризма и жесткой цензуры радикализм с 1829 г. стал постепенно распространяться в форме молодежного (студенческого) нигилизма как умонастроение, связанное с установкой на отрицание общепризнанных социокультурных ценностей, официально культивируемых в обществе идеалов, нравственных принципов и этических норм [182, 192]. И до настоящего времени в отечественной философской литературе понятие «радикализм» выражает бескомпромиссное стремление добиваться коренных изменений и безусловных результатов средствами кардинальных реформ и любой преобразовательной деятельности [182].

Бескомпромиссность и безусловность, равно как и насилие в той или иной форме, это неотъемлемые атрибуты такого социального феномена, как экстремизм.

Возникшая позднее, в середине XIX в. дефиниция «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайность) трактуется практически однозначно как российскими, так и зарубежными исследователями и квалифицируется как приверженность к крайним взглядам и радикальным мерам [142, 143]. Анализ генезиса данного понятия детально проведен Ю. Н. Зеленовым [68, 70]. Здесь лишь отметим, что с середины XX в. понятие «политический экстремизм» стало все чаще применяться вместе с понятиями «радикализм» и «фундаментализм» [1, 3, 18, 19, 204]. Политический экстремизм стал устойчиво ассоциироваться со сторонниками насильственных взглядов и мер, нетерпимых к любому иному идейному воззрению и практической позиции [2, 7, 9, 205, 208].

В современной научной литературе доминирует точка зрения, что среди экстремистов, вне зависимости от идейно-политической ориентации, присутству-

ют представители всех возрастных групп [32, 65, 68]. Однако масштабные исследования, проведенные Ю. Н. Зеленовым, выявили, что педагогическими работниками установлена более высокая вероятность стать экстремистом у молодого поколения: в 8,3 раза выше, чем у человека пожилого возраста, почти в 2,6 раза выше, чем у человека зрелого возраста и в 1,9 раза выше, чем у представителей детской возрастной группы [68, с. 14].

Для объективизированного педагогически значимого определения существенных признаков молодежного экстремизма и выделения его научного содержания следует рассмотреть данный феномен вне связи с демографическими особенностями экстремистской деятельности [8, 153].

Наиболее детально понятие «экстремизм» представлено в актах законодательства.

В качестве юридического термина понятие «экстремизм» впервые появилось в подписанной и ратифицированной Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», в которой данное явление определяется как какое-либо деяние, нацеленное на насильственный захват власти или насильственное ее удержание, объективно ведущее к насильственному преобразованию конституционного строя государства, а равно насильственное покушение на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них [180].

Правовое регулирование отношений в сфере противодействия идеологии экстремизма в нашей стране обеспечивается важнейшими базисными документами: Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму», «О прокуратуре Российской Федерации», «О полиции», «О свободе совести и религиозных объединениях», «О средствах массо-

вой информации», «Об общественных объединениях», «О политических партиях», и др. [68, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167].

В уголовном законодательстве (согласно ст. 282 УК РФ) под преступлениями экстремистской направленности рассматриваются преступные деяния, совершенные по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также преступления, совершенные по признаку пола, языка, происхождения [159].

В данных трактовках термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность» применяются как синонимы. Данный взгляд не является однозначно обоснованным, т.к. деятельность понимается как целенаправленное *действие* в конкретных направлениях, а экстремизм – это в то же время и направленность определенных идей, склонностей, т.е. это также и проявление специфицированной идеологии. Отсюда, можно согласиться с позицией тех ученых, которые соотносят данные дефиниции как часть и целое, т.к. экстремизм предполагает определенное направление мыслей и соответствующих им действий [71, 135, 160].

Большинство отечественных исследователей, продолжая традиции зарубежных аналитиков, определяют экстремизм как приверженность к предельным взглядам и мерам, отрицание сложившихся социальных правил и норм в государстве отдельными лицами или объединениями (группами) людей [11, с. 457; 29, с. 254; 30]. Вместе с тем, некоторые эксперты, например, В. В. Бирюков отмечают, что в этом понятии под взглядами следует предполагать идейные убеждения, как правило, не относящиеся не только к практическим, но и к незаконным поступкам [20, с. 66-69; 142]. В данной трактовке только понятие «мера» подразумевает совершение конкретных действий, включая, насильственные, сознательно сопряженные с дестабилизацией или даже свержением конституционного режима в стране [20, с. 66–71].

При этом большинство авторов руководствуются тем, что в экстремизме абсолютно доминирует безжалостное мировоззрение, первоосновой которого явля-

ется архетип «чужого», существенными показателями проявления которого традиционно считаются тревожность и страх перед «другими» по любому произвольному (цвет кожи, культура, язык, цвет кожи, социальное происхождение и положение и т.д.) признаку [9, 182, 183].

На основе сказанного, экстремизм определяется как групповое или индивидуальное мировоззрение и осуществляемая на его основе практика, заключающаяся в насаждении радикальной идеологии, распространяющей агрессивное и непримиримое отношение к лицам, различающимся с носителями данной идеологии по произвольно указанным ими показателям, либо предлагающей насильственное уничтожение существующего конституционного режима [6, 68, 189, 196, 198].

Изложенные подходы к определению содержания термина «экстремизм» мы принимаем в качестве логической основы для рассмотрения молодежного экстремизма как социального явления.

Молодежный экстремизм обладает своими особенностями при сравнении с экстремизмом людей других социально-демографических групп.

Сразу отметим вторичность данного феномена: он произведен от экстремизма зрелых людей. Кроме того, он более стихийен и, как следствие, менее организован. И наконец, идеологически в значительной степени неглубок и слабо разработан [62, 80, 204, 153, 187, 206]. Заметим, что юные экстремисты еще менее предрасположены к любым компромиссам, тогда как значительная часть зрелых экстремистов в сложные моменты отчасти может видоизменять свое идейно-политическое воззрение и предпринимать попытки ситуативно прийти к временному соглашению с более могущественным соперником [62, 212, 213].

Молодые экстремисты часто не имеют достаточного опыта для полноценного проведения своих акций [81, 82, 211]. Существенная часть молодежных акций являются неэффективными. В то же время, по сравнению с более опытными активистами, процессуально действия молодежи отличаются большей жестокостью. Как правило, причина этого кроется в том, что ввиду возрастных особенностей юноше-

ству в меньшей степени, чем представителям старших возрастных групп, свойственно опасаться таких эффектов, как лишение свободы, физические травмы и даже летальный исход. Именно поэтому молодые люди наиболее склонны к совершению не только необдуманных, но и небезопасных поступков и действий [18, 95, 97, 104, 153].

Необходимо учитывать, что для многих молодых экстремистов действуют возрастные ограничения в наступлении уголовной ответственности и это делает невозможным возбуждение уголовного дела и назначение наказания в рамках закона. Причем, если несовершеннолетний молодой человек отстает в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, но во время совершения экстремистской деятельности это не позволяло адекватно оценивать реальный характер и общественную угрозу совершаемых им действий (бездействия) либо управлять ими, то данный молодой человек не подлежит ответственности в уголовном порядке [11, 26, 27, 154].

Молодых радикалов, как правило, опытные кураторы-экстремисты убеждают ассоциироваться с каким-либо действующим экстремистским объединением. Вместе с тем, формирование радикальных воззрений у молодого человека происходит поэтапно, в процессе деятельности в данной организации и целенаправленного овладения ее идеологией [44, 200, 201, 202].

Иногда, как показывает практика, возможна самостоятельная организация экстремистской молодежной группировки без участия на начальном этапе взрослых радикалов [150, 173, 174, 182, 188]. Одним из примеров самоорганизации является формирование группировок скинхедов, расистов неонацистского толка – российских «бригоголовых» [10, 31, 42].

Таким образом, изучение работ отечественных и зарубежных авторов дает возможность рассматривать молодежный экстремизм как идеологию и практику, осуществляемую индивидуально или коллективно в рамках антисоциальной организации (партии) молодыми людьми в возрасте от 14 до 30 лет, проповедующую враждебное и нетерпимое отношение к лицам определенной соци-

альной группы либо призывающую к насильственным изменениям конституционного строя, что выражается в совершении насильственных и иных антиобщественных действий [6, 68].

Невозможно понять сущность молодежного экстремизма и разработать механизмы его педагогической профилактики без классификации, выявления основных форм и видов этого общественного явления [45, 82]. Следует отметить, что первоначально исследователями было предложено различать три основных вида экстремизма: политический, национальный и религиозный [70, 78].

В истоках формирования *политического экстремизма*, представляющего собой общественно обусловленное явление, находится широкий спектр причин личностного (мировоззренческого, психологического), социального и экономико-демографического характера.

Конечной целью политического экстремизма, как правило, является изменение политической системы государства или ключевых ее составляющих. Поэтому насильственные действия, ориентированные на изменение политического курса и стратегической позиции руководства страны, являются отличительной чертой политического экстремизма [46, с. 57].

Политический экстремизм как тип политической активности граждан принято разделять на «левый» и «правый», однако в действительности это достаточно обобщенное и упрощенное представление всего многообразия его проявления [87, 103].

Идеологической основой этого явления служат всевозможные, утопические по своей сути, концепции общественного и государственного устройства: от псевдореволюционной до фашистской. Имея целью масштабную дестабилизацию социально-политической ситуации в стране, политический экстремизм использует насильственные методы политического воздействия на общество и государство в целом: теракты, нападения на политических оппонентов, организация массовых акций [26, 28, 102, 186, 215].

Приведем важнейшие признаки этого социально-политического явления, которые наиболее полно и точно его характеризуют:

1) жесткая, иерархическая структура внутренней организации субъектов политического экстремизма, включающая образования, различные по функциональному назначению и идеологической направленности, финансовой, информационной и технической обеспеченности, которым свойственен централизованный и строго регламентированный характер деятельности [65, 111, 114, 175];

2) нелегитимная политическая деятельность, ориентированная на борьбу за государственную власть. При этом политический экстремизм не отличается конечной целью (захват власти) от других видов политической борьбы, но отличается от них способом достижения цели [43, 45, 52, 122];

3) различные формы насильственного воздействия по отношению к политическим и государственным структурам и (или) членам социума, безудержное стремление к достижению намеченных целей всеми доступными мерами и средствами [44, 47, 124, 180];

4) категоричный отказ от любых компромиссов и соглашений с политическими оппонентами, упорство в достижении намеченных целей и насильственная стратегия их реализации, что вызвано абсолютистским и иррациональным характером мировоззрения, отсутствием объективности в мировосприятии, нетерпимостью к сторонникам иных политических, экономических, этнических, конфессиональных взглядов [71, 113, 131].

В силу того, что политический экстремизм представляет собой сложное социально-политическое явление, исследователям не удалось выработать для него однозначного теоретического определения, как и единого перечня существенных признаков. Политический экстремизм нередко отождествляется исследователями с радикализмом (правым или левым), шовинизмом или фашизмом, которые в действительности представляют собой лишь частные вариации политического экстремизма [128, 129, 133, 134, 135, 150]. Очевидно, что данная проблема возникла в связи с релятивностью самого понятия, многообразием идеологических

концепций (от ультралевых до ультраправых), вариативностью субъект-объектных комбинаций.

Варианты классификаций политического экстремизма, предложенные исследователями, опираются на результаты сущностного анализа данного явления.

Классификация, в основу которой положена идеологическая составляющая, предполагает деление экстремизма на религиозный: по признаку отношения к религии; национальный (националистический): по признаку отношения к нации. Исследователи считают эти формы экстремизма наиболее опасными, а с учетом наличия в религиозном экстремизме этнического компонента, общество чаще всего сталкивается с наиболее взрывоопасной комбинацией в виде национально-религиозного экстремизма. [88, 112, 199].

Для решения целей и задач настоящего исследования наиболее близка классификация, основанная на экспликации его мотивов, выделяющая экстремизм рациональный и иррациональный. Рациональный экстремизм ориентирован на радикальные формы преодоления социальных противоречий, формирующихся чаще всего в результате бездействия исполнительной или законодательной власти (например, экологический экстремизм). Иррациональный экстремизм часто не имеет четко выраженной социальной или политической цели, которая в значительной мере ситуативна и персонализирована (психопатический, спортивный экстремизм).

В настоящем исследовании в качестве самостоятельной категории мы будем рассматривать молодежный экстремизм, акцентируя внимание на политизированности большей части современных молодежных объединений антисоциального характера [62, 82, 108, 151, 173] и придерживаясь того мнения, что именно иррациональный экстремизм является ведущим мотивирующим фактором в деятельности экстремистских молодежных объединений.

Обоснованность данного тезиса подтверждает обзор молодежных объединений экстремистской направленности, содержащий ретроспективные

данные об их деятельности в Российской Федерации с учетом целевых установок и мотивации. [73].

Практические действия представленных в нашем обзоре экстремистских формирований и их участников ориентированы на различного масштаба акции физического и психического насилия, предполагающие причинение физических увечий и нравственных страданий определенным или произвольным группам людей, частным лицам, медийным персонам. В соответствии с размером реального или потенциального ущерба такие действия можно разделить на две категории: акции условно «минимального» формата – это своеобразные «рейды» по заранее спланированным маршрутам, проводимые регулярно и, соответственно, акции «максимального» формата – организация в местах массового скопления людей беспорядков, сопровождающихся погромами, насилием, уничтожением имущества [58, 62].

Идеология экстремистских молодежных объединений зачастую основана на социальной неудовлетворенности, ксенофобии (неприязни и нетерпимости к чему-либо чужому, незнакомому), расизме. Их деятельность предполагает реализацию мер по изменению существующего порядка: участие в публичных акциях, выпуск ксенофобской литературы, сочетающиеся с возможностью применения насилия по отношению к иным членам общества [53, 157, 209].

Одно из частых проявлений экстремистских группировок – создание военизированных формирований, что в значительной мере носит имиджевый, а не идеологический характер. Такие объединения привлекают подростков дисциплиной, внутренней субординацией, неукоснительным исполнением решений формальных лидеров.

Деятельность значительной части молодежных экстремистских объединений опирается на финансовую, организационную и информационную поддержку зарубежных кураторов [55, 68, 112, 172].

В нашем обзоре считаем необходимым прежде всего отметить экстремистские молодежные объединения, открыто пропагандирующие

насильственные методы воздействия на власть и общество и имеющие различную периодизацию представленности в федеральных округах Российской Федерации: Национал-большевистская партия (НБП) [168, 169, 170]; националистическое объединение «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), движение «Русское национальное единство» (РНЕ, др.: «Баркашовцы», «Гвардия Баркашова», «Чернорубашечники»); «Союз русских националистов революционное движение России» (прежнее название – организация «Коричневая Пора»), движение скинхедов.

Среди перечисленных экстремистских формирований наибольшую известность получили представители молодежной маргинальной субкультуры скинхедов (др. «бритоголовые», см. англ.: *skinhead*). Это молодежное движение ультраправого, крайне агрессивного националистического толка, возникло в конце 1960-х гг. в бедных рабочих кварталах Великобритании. [68, 87, 89]. В России, по разным данным, подобные группировки с учетом представителей близких по атрибутике экстремистских организаций насчитывали до 50 тыс. человек. Появление первых группировок скинхедов отмечено в Москве в 1991 г., затем в Санкт-Петербурге и других крупных городских агломерациях России.

Идеологические убеждения скинхедов, являющихся сторонниками псевдопатриотической идеи, близки к неофашизму и расизму. Хотя изначально идеология этого движения не была националистической, поскольку среди его участников были молодые люди разных национальностей.

Скинхедов отличает чрезвычайная дерзость, они легко поддаются на провокации, инициируют драки, организуют массовые побоища. Ими совершаются антиобщественные силовые акции, сопровождающиеся насилием в крайне жестокой форме, масштабными разрушительными действиями. Неслучайно скины одновременно являются футбольными фанатами [68, 91].

Существует множество направлений этой молодежной субкультуры: «скины-анархисты», «шарпы», «боны-скины», «раши», «треды», «наци-скины», «зеле-

ные» скины. Известны, хотя и были малочисленны, даже женские скин-группы [68, 69, 70, 90, 125]. Скинхедкультура не является однородной с точки зрения мировоззренческих и идеологических установок.

Часть объединений отличается наличием устойчивой идеологии – так называемые идеологизированные группы скинхедов, различающиеся своим миропониманием, принципами и взглядами на устройство общества. Если анархисты являются представителями антифашистских молодежных объединений и отрицают националистические идеи, то наци-скины, напротив, приветствуют ксенофобные настроения и допускают возможность открытой агрессии по отношению к представителям иной веры или народности. При этом «наци» позиционируют себя как патриотическое движение, отстаивающее идею чистоты русской расы, могущества и величия России.

Леворадикальное крыло движения скинхедов – «красные скинхеды-анархисты», (*R.A.S.H.*, англ. *Red & Anarchist Skinheads*, раши), достаточно агрессивно выступает против различных проявлений процесса глобализации и социальной дискриминации [68, 126]. В отличие от правых скинов, массово и нарочито демонстрирующих атрибутику в виде элементов национальной, религиозной и политической символики, «красные» и анархистские скинхеды используют атрибутику той организации, в которой состоят, символику Советского Союза, нашивки с «анархией», «серпы-молотки». [70, 125].

Отдельной, довольно разнородной, группой скинхедов в России являются «боны-скины», транслирующие политику противодействия представителям иных национальных групп, активно демонстрирующие образ «санитаров» общества.

Среди различных идеологических вариаций скинхедов особняком выделяется небольшая, но сплоченная группировка «Старые скинхеды». Ее формируют наиболее активные и стойкие скины старше 20 лет, имеющие стаж пребывания в движении от 3 до 10 лет, которые являются носителями традиций и принципов движения. Это своего рода «ядро» скинхедов, которое определяет их

политику, направления деятельности и стимулирует распространение идеологии скинхедкультуры.

Другим полюсом скинхедкультуры являются внешне деидеологизированные группы, использующие возможности движения для выражения протестных настроений против экономического и социального неравенства или эксплуатирующие имидж скинхедов в противоправной деятельности.

К этому блоку относятся объединения традиционных скинхедов, «треды», возникшие как реакция на появление политизированных ответвлений от первичной субкультуры. Это полностью аполитичные группировки, часто ассоциированные с музыкальной и танцевальной культурой регги, ска, панк-рока. Наиболее значительная часть «тредов» – это «модники» – аполитичные, инертные группы, использующие символику скинов как дань моде, посещающие скин-концерты фанаты. В основной своей массе – тихие и неагрессивные, не склонные к «серьезным», «геройским», с точки зрения основной массы скинхедов, поступкам.

Мимикранты – группировки, использующие имидж и атрибутику скинхедов для реализации криминальной деятельности. Аргументация их противоправных действий лишена какой-либо идеологической основы, а само явление возникло на фоне сформировавшегося в определенных кругах мнения о негласной поддержке скинхедов со стороны правоохранительных органов.

Активное использование коммуникационных возможностей интернет-пространства поддерживает взаимодействие между группировками скинхедов и различными националистическими структурами внутри страны и за рубежом. Однако попытки создания сколь-нибудь устойчивого альянса не имели успеха, за исключением объединения скинхедов и футбольных фанатов [68, 90].

Гейм-движение, геймари (англ.), ролевики (русс.) – движение участников ролевых игр. Общение ролевиков строится на постановке театрализованных представлений и частичной реконструкции сюжетов книг, мифов, военно-

исторических событий. [76, 125, 137]. Движение выступает своеобразной формой ухода от социальной реальности, подверженной эффектам глобализации, формой протеста против обыденности и рутины, формой альтернативной самореализации.

В начале 2000-х гг. основой массовых игр стала организация поединков и групповых баталий, романтический антураж использовался в криминальных целях, а силовое взаимодействие нередко заканчивалось массовыми побоищами и увечьями. Именно по этой причине движение ролевиков рядом исследователей было отнесено к категории деструктивных антисоциальных молодежных формирований [68].

«Сатанисты» – религиозное молодежное движение, идеология которого основана на поклонении злу, насилию. Исследователи выделяют в нем ряд самостоятельных течений [70, 125, 126], в том числе:

1) фанаты тяжелого, «сатанинского», рока, легко узнаваемые по характерной атрибутике сатанистов: различные изображения козлиной морды, чертей, черепов, перевернутые кресты и т. д. Движение имеет протестный характер, его последователи склонны к совершению акций агрессивного и деструктивного характера, особенно в отношении священнослужителей. В своей деятельности сатанисты нередко сотрудничают с различными экстремистскими организациями и преступными сообществами. Наиболее опасно, по мнению представителей правоохранительных органов и социологов, создание коалиций сатанистов и скинхедов.

2) дьяволопоклонники классифицируются обществом и СМИ как вандалы, обладающие неоправданной жестокостью из-за устраиваемых ими погромов на кладбищах, ритуальных пыток и издевательств над животными. Как правило, последователями этого течения являются 13–15-летние подростки с ярко выраженными садистскими наклонностями и неустойчивой психикой. Из-за разрозненности групп масштаб движения оценить затруднительно.

В общественном сознании и средствах массовой информации укоренилось неверное представление о том, что дьяволопоклонники и сатанисты – представители одного религиозного движения. Сатанисты, однако, наделяют дьяволопо-

клонников чертами примитивизма и считают, что последние опустошают саму идею движения. [68, 125].

Молодежная субкультура «готы» (англ. goths – готы, вандалы, варвары) сформировалась на базе панк-движения, которую отличают специфически мрачные, депрессивные эстетические образы его представителей. Идеологической основой движения является «пассивный» эстетический протест против сложившихся традиционных культурных стереотипов. Несмотря на негативное отношение к окружающему социуму, готы вполне способны успешно в него интегрироваться [68, 74, 115, 136].

Во второй половине XX века в молодежной среде США, а позже в Европе возникло панковское движение, которое стало реакцией молодежи на невозможность самореализации и достойного самовыражения, ухудшение условий жизни. Протестная форма движения активно эксплуатируется в провоцировании различных столкновений, разжигаемых на идеологической, социальной, религиозной, экономической почве. Будучи приверженцами социально направленных идеологий и прогрессивизма, панки являются сторонниками различных политических взглядов. Объединяющая черта их мировоззрения – это нонконформизм, стремление к личной свободе и полной независимости. Отметим несколько наиболее известных внутренних направлений этого движения: движение «уличных панков» – подростковый андеграундный панк, классический английский панк, фанаты панк-рока [70, 126].

К агрессивным молодежным группировкам принято относить радикальное движение мимикрантов-псевдоэкологов, сплотившихся вокруг неформального объединения «Грибные эльфы», получившего известность в 90-е годы прошлого века. «Грибные эльфы» известны не только как одиозная экологическая организация, но и как творческая группа, публикующая собственные музыкальные и литературные произведения, как представители ролевого движения. В группе широко практикуется употребление легких наркотиков, выделяемых из галлюциногенных грибов, что и нашло отражение в названии

группы. С деятельностью группировки ассоциируются протестные акции, разбои, уличные беспорядки, которые организация устраивала под прикрытием борьбы за экологическое благополучие [68, 125].

Гопники (шпанá) – это представители неформальной части молодежного контингента с низкой образованностью и социальным статусом, без сформированных нравственных качеств, отрицающих ценности доминирующей культуры и самоутверждающихся через антисоциальные, деструктивные, чаще групповые, действия. Как правило, представляют собой малочисленные разрозненные группировки хулиганствующей молодежи, обыкновенно формирующиеся по месту жительства и происходящие из наименее обеспеченных слоев населения. [70, 126].

Термин происходит от названия «Городское общество призора» (позднее – «Городское общежитие пролетариата»), сокращённо – ГОП. Общество было создано в конце XIX века в Санкт-Петербурге для перевоспитания занимавшихся грабежами и хулиганством беспризорников и подростков.

Футбольные фанаты – субкультура досуга молодежи, живущей обычной жизнью, периодически или регулярно объединяющейся во время футбольных матчей. Являются наиболее массовыми и активными молодежными объединениями, часто оппозиционными по отношению к социуму и имеющими весьма значительный потенциал агрессии. Специфические коллективные практики (выезды на матчи, фанатский фольклор), которые очень привлекательны для молодежи, часто сопровождаются столкновениями и фанатскими боями, переходящими в массовые беспорядки и погромы [68, 70, 126].

К антиобщественным молодежным объединениям исследователи относят и объединения компьютерных фанатов – хакеров (с англ. *hacker* – взломщик). Важнейшая черта субкультуры хакеров – представление о собственной исключительности, миссийности по созданию нового общества, основанного на ценностях глобального киберпространства. В конце XX века хакерское движение перешло от новаторства в сфере информационных технологий к несанкционированным втор-

жениям в чужие информационные системы и характерной чертой этого молодежного движения стало повышение агрессивности, использование знаний в целях протеста (против общества взрослых). Визитной карточкой хакеров стал «киберсаботаж»: удаление или изменение важных данных, распространение компьютерных вирусов, взлом, обрушение или блокирование информационных сетей, распространение угроз, мошенничество, кража финансовых средств, персональных сведений и различных баз данных. Идейные хакеры работают под общим красноречивым лозунгом «Взломай планету!» («*Hack the Planet*»). [55, 68, 125]. В настоящее время хакерский саботаж является заметной и активно используемой формой политической борьбы, в основе которой могут быть самые разные идеологические установки и призывы. [55, 70].

Не меньшую социальную опасность представляют иные молодежные объединения, отличающиеся меньшей массовостью, но проявляющие антисоциальные черты [54, 77, 142, 171]. Рассмотрим некоторые из них.

Революционный коммунистический союз молодежи (РКСМ (б)) – молодежная коммунистическая организация, идеологической основой которой является исторический опыт мирового коммунистического движения (прежде всего большевистский). Деятельность партии связана с развитием теории и практики марксизма, что не исключает организацию протестных мероприятий, в том числе антиобщественного, деструктивного и террористического характера. [70, 125]. Необходимо отметить, что Российской коммунистической рабочей партией, в структуру которой входит РКСМ (б), предпринят ряд мер по ослаблению радикальных настроений молодежного блока, что отразилось на дальнейших заявлениях представителей РКСМ(б), осуждающих терроризм. [55, 68, 126].

Молодежное движение «Весна» получило известность за счёт организации и проведения политизированных акций, дестабилизирующих социальную обстановку. В 2022 году на фоне проведения РФ специальной военной операции

на Украине движение стало одним из организаторов антивоенных протестов в России.

Относительно новое молодежное движение экстремистской направленности, оформившееся в 2011 г. на территории постсоветского пространства – АУЕ. Аббревиатура этой криминальной субкультуры имеет несколько толкований: «Арестанский уклад един», «Арестантское уголовное единство» или «Арестантское уркаганское единство» [58, 88].

АУЕ является хорошо структурированной и управляемой организацией, пропагандирующей систему ценностей и модели поведения, присущие организованным преступным сообществам [58]. Деятельность неформальных объединений, состоящих из подростков и молодежи, представлена исключительно криминальными деяниями: разбои, грабежи, кражи, мошенничество, организация беспорядков и сопровождается причинением вреда здоровью граждан различной степени тяжести [58, 88].

В августе 2020 г. Верховный суд Российской Федерации удовлетворил заявление Генеральной прокуратуры о признании АУЕ экстремистской организацией [58]. Объединение представляет особую опасность для общества тем, что активно вовлекает в свои структуры подростков, чья психика наиболее подвержена деструктивному воздействию.

Аббревиатура АУЕ внедрилась в молодежный социум российских школ, интернатов, детских домов. Именно несовершеннолетний возраст дает ощущение безнаказанности подросткам, стремящимся жить по блатным понятиям и видящим в этом образе жизни особую криминальную романтику и протестную альтернативу законопослушному миру [58, 88]. Неподсудность, глубокая преданность идеалам уголовного мира, готовность к «преступным» подвигам ради признания среди членов сообщества делают из детей очень удобных и управляемых подручных.

Ответственный секретарь Совета по правам человека в Российской Федерации (2015–2019 гг.) Яна Лантратова в 2016 г. отмечала, что АУЕ контролирует

образовательные организации как минимум в 18 регионах России [58, 88]. Следует отметить, что, субкультура АУЕ представлена как в столичных регионах (Москва, Санкт-Петербург), так и на периферии (Урал, Сибирь, Поволжье), а наиболее массовым явлением она стала в Забайкальском крае, лидирующем по уровню детской преступности и суицидам среди несовершеннолетних. Хотя не исключаем, что ситуация с Забайкальем стала своего рода клиническим проявлением проблемы значительно большего масштаба.

Факты вербовки подростков для совершения различных криминальных деяний отмечены еще со времен Древнего Рима и Средневековья. Существовала подростковая преступность и в Российской империи, и в эпоху СССР, и в 1990-х гг.

Характерной чертой этого явления в текущий период стал способ продвижения его идеологии, ориентирующейся преимущественно на интернет. На группы и паблики в соцсетях с соответствующим контентом подписаны сотни тысяч пользователей сети, а их содержание варьируется от интернет-мемов до пропаганды уголовного мировоззрения, направленной на привлечение новых последователей [37].

Активному распространению АУЕ способствовали как собственно социальные сети, где криминальные понятия представляются неким модным трендом, так и идеологические пустоты в информационной среде государства, особенно в части ее ценностного контекста. По данным Генпрокуратуры, количество преступлений среди несовершеннолетних в 2016 году составило 53,7 тыс. эпизодов. Наиболее тревожная ситуация отмечается в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, что связывают с развитием в указанных регионах криминальной субкультуры [88].

Ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Д. Громов считает, что проблема распространения АУЕ представлена двумя разными группами процессов: формирование реальных сообществ (в т.ч. и через интернет-среду) и интернет-фольклор, не связанный с криминальной деятельностью. Поэтому, по его мнению, не следует придавать излишней гласности деятельность

этой молодежной субкультуры, т.к. попытка начать громкую кампанию по борьбе с ней способна создать ненужную рекламу и увеличить количество ее поклонников [58, 88].

К настоящему времени исследователями описано немало молодежных организаций и объединений Российской Федерации, различающихся своей идеологической направленностью, численностью, возрастным и социальным составом, территориальной представленностью и уровнем активности, подпадающих под определение экстремистских [43, 45, 434, 152, 196, 198]. Возникают и развиваются новые неформальные молодежные объединения, которые отличает высокая способность к самоорганизации и экспансии при определенных социально-экономических и политических условиях [62, 66, 70, 82].

Молодежные группировки, обладающие повышенной протестной ориентацией и агрессивностью, зачастую хорошо организованы, политизированы, нередко управляются криминальными сообществами и совершают противоправные действия различной степени тяжести [68, 125].

В силу того, что деятельность любой организации или объединения предполагает определенные затраты, лидеры неформальных группировок практикуют различные формы добывания денег. Если предложенные членам группировки формы заработка окажутся неприемлемыми для них, они могут быть вытеснены из данного сообщества, что является значимым рычагом давления и создает условия для криминализации молодежи [119, 123, 126, 130, 198].

На основе анализа условий, определяющих процессы формирования и развития экстремистских движений, объединений и организаций, представленного нами обзором наиболее известных молодежных объединений, имеющих выраженную антисоциальную направленность, считаем возможным отметить следующее:

1. Экстремистская и антисоциальная организация – бесспорно, явления неотждественные. Несмотря на деструктивный, антисоциальный характер деятельности и правонарушения, которые периодически совершают их участники, не все

неформальные молодежные организации или объединения являются экстремистскими. В большинстве случаев они не выдвигают каких-либо политических требований, не имеют идеологии, базирующейся на принципах национальной исключительности или неприязни, расовой, религиозной, социальной нетерпимости. Соответственно, неформальные молодежные объединения, действия которых не предусматривают достижение тех или иных политических целей и не направлены против какой-либо социальной группы, не могут быть признаны экстремистскими, как не обладающие адекватными этому понятию ведущими признаками. На основании этого предлагаем следующую классификацию неформальных антисоциальных молодежных объединений: асоциальные (для данных объединений не характерно совершение уголовно наказуемых деяний), криминальные и экстремистские. Обозначим в заключение данного тезиса, что в контексте настоящего исследования для нас представляют интерес молодежные неформальные объединения, отнесенные к последней категории [15, 69, 70].

2. Экстремистские объединения молодежи в соответствии с присущим им уровнем автономности можно разделить на два типа:

– 1 тип – молодежные объединения, сформировавшиеся как результат самоорганизации молодежи, группирующейся без специфического воздействия извне на основе идеологии нетерпимости по отношению к тем или иным социальным группам и являющиеся самостоятельными структурами;

– 2 тип – молодежные объединения, которые представляют собой фракции «взрослых» экстремистских организаций, движений или политических партий, действующие под их управлением.

Отметим, что представленные в научной и учебной литературе многочисленные варианты классификаций всего многообразия экстремистских организаций, существующих в настоящее время, затрудняют их изучение в образовательном процессе. Для выявления разновидностей экстремизма, рекомендуемых к изучению в организациях профессионального образования, нами

проведено исследование, в ходе которого было опрошено 329 педагогов СПО и ВПО.

На основе полученных результатов опроса был составлен ранжированный перечень разновидностей экстремизма, необходимость изучения которых была указана педагогами (рисунок 1). Лишь незначительная часть респондентов (6,1 %) указала, что изучать экстремизм не следует, также небольшая часть (9,7 %) не продемонстрировала сформированного отношения к этому вопросу. Подчеркнем, что подавляющее большинство участников исследования (84,2 %) однозначно согласились с тем, что изучение различных форм экстремизма необходимо.

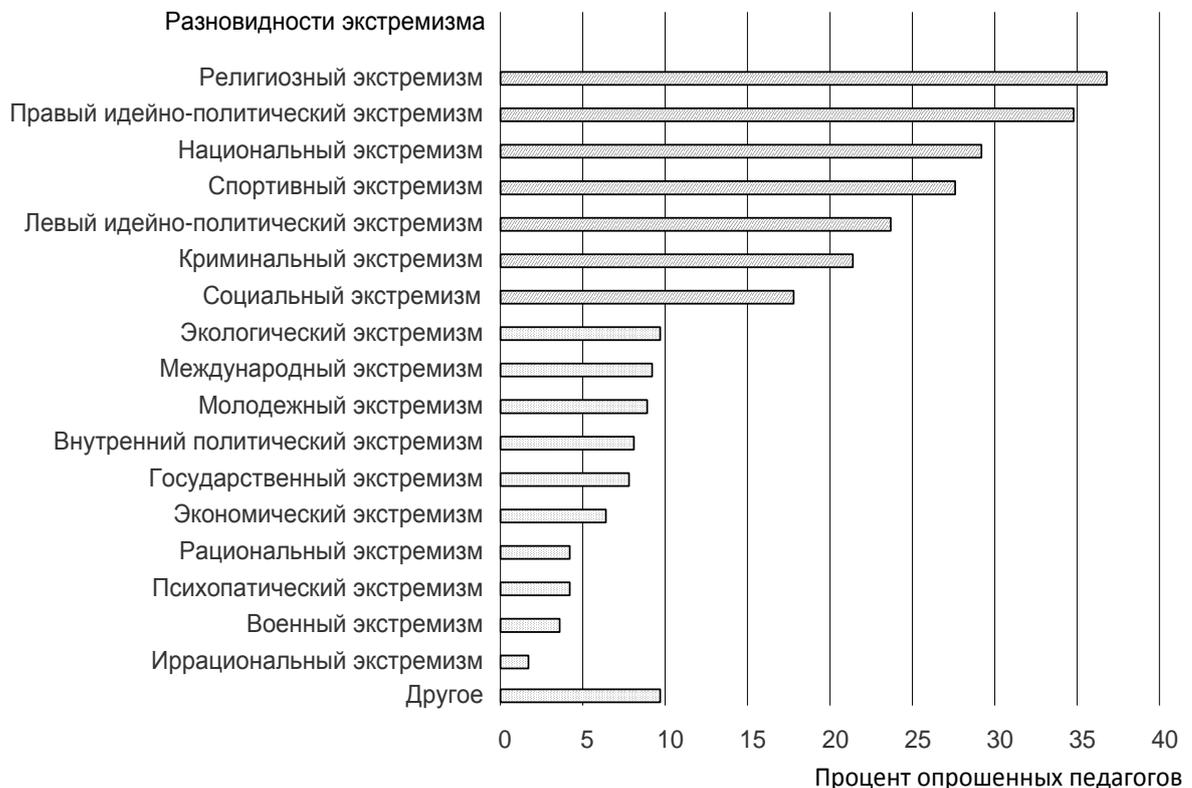

Рисунок 1– Ранжированные результаты оценки педагогами необходимости изучения тех или иных разновидностей экстремизма

□ – не менее 15 % респондентов; □ – менее 15 % респондентов

Всего педагогами выявлено 24 разновидности экстремизма, при этом к категории «другое» участники опроса отнесли такие разновидности экстремизма, как «музыкальный», «живописный», «литературный». [25, 70]. Из сформиро-

ванного перечня нами выделены те, значимость которых была отмечена в анкетах не менее, чем 15 % респондентов: религиозный экстремизм (36,8 %); правый идейно-политический экстремизм (34,8 %); национальный экстремизм (29,2 %); спортивный экстремизм (27,6 %); левый идейно-политический экстремизм (23,7 %); криминальный экстремизм (21,4 %); социальный экстремизм (17,8 %).

В учебную классификацию включена именно эта группа наиболее значимых видов экстремизма [68, 69, 70].

Указанные формулировки форм проявления экстремизма, несмотря на внешнюю универсальность, ведут к отсутствию единого подхода к определению содержания данного понятия и к терминологической неупорядоченности, которая признается отдельными исследователями. Так, П. Т. Коулман и А. Бартоли, отмечая существование скрытых «сложностей» в определении сущности экстремизма, указывают на относительную «простоту» фиксации его проявлений, которые сводятся к деятельности, убеждениям, отношениям, чувствам, действиям и стратегиям, «далеким от общепринятых» в четко определенной социальной среде [191, р. 2]. При этом, американские исследователи отмечают, что одно и то же «экстремистское действие» будет считаться в одном случае антисоциальным «терроризмом», а в другом – просоциальной «борьбой за свободу», в зависимости от ценностных отношений самого «наблюдателя», влияния на него мнения «мирового» сообщества, «исторических отчетов», характера субъективных отношений к «действующим лицам», «различиям во власти» [191, р. 2, 8].

1.2. Зарубежный опыт профилактики молодежного экстремизма

Несмотря на длительную историю развития экстремистской идеологии и масштабность отдельных ее проявлений (прежде всего в молодежной среде), вопросы педагогической профилактики экстремизма среди молодых людей интенсивно стали изучаться лишь с начала XXI в. [38, 40, 41].

Следует отметить, что учебно-воспитательная среда России находится в сложном атрибутивном взаимодействии с мировыми центрами учебно-

воспитательного воздействия [39, 51, 59]. Так, президент России, анализируя трагедию 2018 г. в политехническом колледже г. Керчи, в которой погибло более 20 и пострадало около 50 студентов и педагогов, подчеркнул, что данное событие – один из эффектов глобализации. Все началось с массовых убийств в конце XX в. В одной из образовательных организаций США, а уже в начале XXI в. были сформированы многочисленные интернет-сообщества. Ученики с неустойчивой психикой стали создавать для себя лжегероев, появились многочисленные последователи возникшего суррогата героизма.

В обстановке значительной пространственной мобильности населения и высокого уровня миграционных потоков, нестабильности межэтнических отношений и эволюции экстремизма необходимо исследование международного опыта противодействия экстремизму, переосмысление и изменение образовательного пространства нашей страны, без чего невозможно развитие системы комплексной профилактики девиантного поведения молодежи в образовательной среде. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время противодействие экстремизму и терроризму во всех странах мира является одной из приоритетных общегосударственных задач [16, 117, 118, 149, 193].

Сегодня одним из наиболее действенных механизмов борьбы с экстремизмом является глобальная сеть Интернет и ассоциированные с ней СМИ. Молодые люди проводят в Сети значительную часть свободного времени. По данным соцопросов, 98 % молодых людей использует интернет ежедневно: серфинг по страницам веб-сайтов, общение в социальных сетях, онлайн-игры, просмотр фильмов и т.п. Считается, что пользователи от 13 до 24 лет – это первое цифровое поколение, чье взросление происходит одновременно с развитием технологий. Однако необходимо учитывать, что размещенная в интернет-пространстве информация, как правило, не подвергается критическому отбору со стороны молодых пользователей, что несомненно может представлять опасность в свою очередь. *В настоящее время во всех развитых государствах действует практика введения запретов на функционирование экстремистских СМИ.* Коми-

тет по правам человека ООН в замечаниях общего порядка № 34, применительно к статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, указал на допустимость ограничения деятельности экстремистских систем распространения информации, основанных на интернет-технологиях, персональных веб-сайтов и блогов в том числе. Необходимость согласованной политики национальных правительств по борьбе с экстремистским контентом в сети Интернет отмечена в декларации Комитета министров Совета Европы о правах человека и о правовом государстве (СМ (2005)56) [32, 50, 149].

Впервые масштабная контртеррористическая стратегия была разработана и формально принята в *Великобритании* еще в 2003 г. Но в действительности, только после террористического акта, произошедшего 7 июля 2005 г. в Лондоне, был детализирован план контррадикализации «*Contest*», первый вариант программы которого состоял из 4 компонентов (условно названные «четыре «Р»») [117, 118, 193]:

- 1) предотвращение терроризма (*Prevent*);
- 2) преследование террористов, а также финансирующих их физических и юридических лиц (*Pursue*);
- 3) защита британского общества и государства (*Protect*);
- 4) подготовка к ликвидации последствий террористических атак (*Prepare*).

Анализ результативности программы выявил ее *недостаточную эффективность в части предотвращения экстремизма*, поэтому в модернизированной версии «*Contest-2*», принятой в марте 2009 г., был сделан акцент на первом пункте программы – «*Prevent*» (Предотвращение), предусматривающем [117, 118, 193]:

- 1) установление тесной кооперации между государственными структурами, местными органами власти и неправительственными организациями по противодействию радикальному исламизму;
- 2) изоляцию от общества проповедников экстремизма;

- 3) сопровождение лиц, склонных к радикализации или вступивших на путь экстремизма;
- 4) активное привлечение мусульманских общин к работе по борьбе с радикализмом;
- 5) снижение негативного потенциала или устранение тех социальных явлений, которые используются в экстремистской пропаганде.

Цель первого компонента «Prevent» – предотвращение радикализации большого числа людей через противодействие радикальному исламу и поддержку умеренной исламской идеологии. Для реализации этого раздела программы было создано 7 рабочих групп, состоявших из авторитетных мусульман и объединенных общим названием «Предотвратим экстремизм вместе» («*Preventing Extremism Together*»). В сентябре 2005 г. были подготовлены первые рекомендации по борьбе с распространением насильственного экстремизма в стране, которые содержали следующие предложения [117, 118]:

- создание государственного консультативного совета для рассмотрения вопросов и подготовки предложений по вопросам, относящимся к деятельности мечетей и имамов;
- организация и проведение учебно-образовательных видеотрансляций «Радикально умеренный путь» (*Radical Middle Way*) с участием приглашенных теологов;
- организацию образовательных форумов для проведения дискуссий по вопросам исламофобии и экстремизма.

Второй компонент «Prevent» направлен на ограничение возможностей коммуникации с лицами, способствующими распространению радикальных взглядов в образовательных организациях, культурных центрах, пенитенциарных учреждениях, местах для совершения религиозных обрядов и в сети Интернет. Для этого предусмотрен мониторинг информации о заключенных из числа радикальных мусульман, введена регламентация поведения в мечетях, криминализация деятельности, связанной с поддержкой терроризма.

Третий компонент программы ориентирован на превентивную поддержку лиц, восприимчивых к пропаганде радикальных взглядов, через реализацию образовательных программ для молодых мусульманских лидеров по их обучению противодействию радикализму. С этой целью был разработан проект «Канал» (*Channel Project*), который предполагает взаимодействие местных общин и органов власти по выявлению лиц, склонных к радикализации (проявляющих интерес к террористическим сайтам, выражающих поддержку актов насилия и т.п.), для организации работы с ними по изменению их взглядов и убеждений [60, 117]. Указанная категория лиц в соответствии с материалами проекта «Канал» разделена на две группы: потенциальных единомышленников и пособников насильственного экстремизма и активистов, идеологов, оказывающих негативное влияние на других людей.

Суть проекта первоначально заключалась в предупреждении распространения идей, способствующих проявлениям насильственного экстремизма, однако в дальнейшем был усилен профилактический аспект проекта в связи с расширением трактовки понятия экстремизма. В случае если человек считается избравшим путь радикализма, разрабатывается план воздействия, учитывающий широкий спектр факторов радикализации и предусматривающий работу с семьей, местными общинами и полицией [117, 118].

Четвертый компонент программы «*Prevent*» направлен на укрепление позиций умеренных мусульманских лидеров, прежде всего – учащейся молодежи. Одна из программ, созданных в рамках проекта для содействия молодым мусульманам в противостоянии экстремизму – «Объединение сообществ» (*Bringing Communities Together*), по замыслу разработчиков, ориентирована на подготовку и реализацию ряда молодежных образовательных проектов по дискредитации исламофобии и экстремизма. В рамках программы предлагались меры для развенчания стереотипов об образе мусульман, в т.ч. – распространение постеров, разработанных мусульманской молодежью. Были организованы онлайн-курсы для мусульманских женщин, воспитывающих или обучающих детей,

которые знакомили с первичными признаками радикализации, опасностями ее распространения в сети Интернет, разъясняли правила беседы с детьми об экстремизме [117, 193].

Пятый компонент программы предусматривает административное ограничение и снижение негативной информации о социально-экономической обстановке в стране и внешней политике государства, опровержение информации о нарушениях прав мусульман и их притеснении, разъяснение решений, принимаемых органами власти [117, 118].

Ключевой частью британского антитеррористического подхода является организация эффективной коммуникации с целевой аудиторией, воздействие на нее через нахождение значимых и актуальных объединяющих тем [117, 193]. И важным аспектом является не только тематика обсуждаемых вопросов, их содержание и способы доведения информации, но и участие в этом процессе, наряду со СМИ, авторитетных лидеров местных общин, которым *доверяет государство* [117].

Считалось, что кооперация властей с популярными мусульманскими организациями создает условия для получения и распространения необходимой информации, расширяет возможности мер, предпринимаемых для противодействия радикализму [72, 117, 118].

Критики этого подхода настаивали, в свою очередь, на том, что подобное взаимодействие с исламистами и салафитами, при отсутствии четко определенных неизменных критериях идентификации экстремизма, создает условия для распространения радикальных взглядов и только способствует усилению групп, транслирующих ценности идеологии, чуждой интересам британцев. Это привело к существенным изменениям в политике государства и поддержке ориентированных на ассимиляцию либеральных мусульманских организаций и суфийских групп. Следствием этого стала декларация скорректированной цели программы «*Contest-2*», ориентированной не только на борьбу с пропагандой насилия, но и с идеологиями, противоречащими ценностям британского общества

и способными нарушить его единство. Правительство Великобритании устанавливает новое понимание задачи государства, которое должно равным образом противодействовать и группам, формально не нарушающим его законы, но, тем или иным образом, способствующим распространению идеологии этнической и религиозной исключительности, непримиримости и ненависти [64, 117, 193].

В Великобритании действует ряд умеренных мусульманских организаций, представители которых под влиянием воздействия государственных и общественных структур формально поддерживают европейские ценности и институты. Наиболее либеральной считается организация «Прогрессивные британские мусульмане» (*Progressive British Muslims*), возникшая после террористических актов в Лондоне (2005 г.). Целевые ориентиры организации состоят в содействии социальной интеграции мусульман (в т.ч. через распространение идей уважительного отношения к правам человека, к другим религиям, свободе слова, равенству полов), в сотрудничестве с органами власти в сфере противодействия радикальному экстремизму [117, 118, 193].

Наиболее активным участником правительственных программ Великобритании по борьбе с экстремизмом является Фонд «Квилльям» (*Quilliam Foundation*), который основан в 2007 г. бывшими членами международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» Эдом Хусайном и Мааджидом Наувазом. Фонд проводит исследования, внедряет образовательные программы, организует различные мероприятия, посвященные проблемам исламского радикализма и ценностям традиционного ислама. Свою главную задачу представители фонда видят в продвижении идеи формирования специфической британской мусульманской идентичности, содействию в борьбе с исламофобией, акцентуации различий между исламизмом – политической идеологией и исламской религией [117, 193].

Деятельность фонда «Квилльям» в сфере противодействия радикализации организована по нескольким направлениям [117, 118, 193]:

- 1) система образования – специальная подготовка работников государственных институтов;
- 2) академическая сфера – реализация совместных проектов с организациями высшего образования по продвижению и развитию идей плюрализма, противодействию экстремизму;
- 3) медиасреда – публикация информационных материалов (печатных и электронных) в ведущих СМИ Великобритании;
- 4) работа с социумом – организация встреч с лидерами местных общин, представителями государственных институтов;
- 5) конфессиональная сфера – участие в публичных дебатах с представителями мусульманских организаций.

Некоммерческие негосударственные организации (НКО) Великобритании пытаются оппонировать исламистам в идеологическом противостоянии, но фактически дерадикализация не является их приоритетом. В этом отношении исключением стал Фонд Активного Изменения (*Active Change Foundation (ACF)*), работающий с молодыми людьми в мусульманских общинах на уровне личных контактов. [117, 118, 193]. Фонд использует методику «управления хаосом», который включает три элемента [117]:

- 1) признание индивидом реальности проблемы;
- 2) разработка стратегии изменений, учитывающей природу проблемы и потребности вовлеченных лиц;
- 3) трансформация убеждений вовлеченных индивидов средствами различных техник (убеждающая коммуникация, депрограммирование, персональное воздействие и др.).

Технологически деятельность фонда можно представить следующей последовательностью действий [117, 193]:

- для идентификации молодежи, склонной к радикализации, фондом используются социальные организации, создаваемые и курируемые им же (спортивный зал, боксерский клуб, социальный центр);

– специальная группа фонда, состоящая из специалистов различного профиля, собирает сведения о личности конкретного молодого человека из группы риска (о его друзьях, убеждениях, мотивации и т.д.);

– на основе подготовленной информации группа организует серию целенаправленных учебно-воспитательных мероприятий, в которых среди приглашенной молодежи обязательно участвуют друзья молодого человека, чтобы обеспечить его активную вовлеченность. Серия мероприятий длится несколько дней и включает физические и интеллектуальные практики, направленные на формирование взаимопонимания и солидарности в группе. Одновременно собирается и обобщается дополнительная информация о взглядах, склонностях и убеждениях молодого человека, которого обязательно знакомят с результатами выполненного анализа и информируют об экстремистском характере его взглядов (при объективном их наличии), их социальной опасности и возможных последствиях.

Аргументы для определения логики и содержания беседы с молодыми людьми группы риска могут быть различными (теологические, культурные, интеллектуальные, эмоциональные) и зависят от выявленной причины радикализации. Модераторы диалога подбирают необходимые доводы для построения беседы в логике «тезис – контртезис», не вступая в прямое противоречие со сложившейся системой взглядов молодого человека, а лишь раскрывая недостоверность или недостаточность их аргументации. При невозможности изменения стойкой системы убеждений спикер мероприятия задействует элементы психологической методики построения образа будущего, демонстрируя возможные последствия выбора, сделанного молодым человеком, совместно с ним выработывая наиболее безопасную траекторию реализации его воззрений [117].

Представители фонда принимают во внимание, что не все религиозные молодые люди находятся в «зоне риска» и подвержены радикализации. Но из-за убеждения, что «Западом» объявлен крестовый поход против ислама, даже молодежь из благополучных семей вполне способна присоединиться

к экстремистским группировкам, чему способствуют необдуманные заявления политических и общественных лидеров, негативные примеры военных кампаний и их последствия. Пропагандисты от радикальных групп умело манипулируют богословскими аргументами, иллюстрируя их видеосюжетами о насилии (в том числе постановочными) против мусульман в Ираке, Палестине или Сирии, подстрекая молодежь к экстремизму и терроризму [117].

Приведенные примеры НКО Великобритании показывают, что они используют разные формы и методики работы, различаются масштабами целевых групп, могут быть как религиозными, так и светскими. Если деятельность фонда «Квильям» предполагает активную работу в публичной сфере, то *ACF* занимается адресной реабилитацией молодежи из группы риска. Такая вариативность подходов государственной политики, очевидно, лучшим образом способствует целям дерадикализации и повышению ее эффективности.

Результативность программ «*Prevent*» оценивается общественниками и государственными деятелями неоднозначно. Критики программы указывают на то, что действия по борьбе с насильственным экстремизмом и предотвращению терроризма слабо согласуются между собой, слабо задействованы в мероприятиях программы и принятии решений мусульманские общины, недостаточен уровень взаимопонимания между органами власти и общинами, за чем следует неприятие со стороны последних контртеррористических мер, предпринимаемых государством [117].

Недостаточное ограничение деятельности «ненасильственных» экстремистов негативно сказывается на эффективности программ противодействия радикализации, поскольку не препятствует пропаганде исламистских идей со стороны радикальных групп, деятельность которых остается значимым фактором радикализации молодежи. Однако *далеко* не всегда возможно дифференцировать «насильственного» исламиста и «ненасильственного», а на этапе перехода к насильственным действиям государство не успевает предпринять необходимые меры по их предотвращению. Комплекс программных мероприятий по борьбе

с радикализмом «*Contest-2*» ориентирован не только на насильственных экстремистов, но и на лиц, пропагандирующих исламистскую идеологию, не призывая открыто к насильственным действиям.

Однако правительству страны не удалось в полной мере реализовать идеи данной стратегии вследствие целого ряда причин: межведомственной разобщенности и конкуренции, недостаточной компетентности чиновников, значительного сопротивления политической оппозиции программе «*Prevent*» и противодействия со стороны исламистского лобби, недостаточной активности государственных структур и в особенности местных органов власти [117, 118, 193]. Были выявлены недостатки в ходе реализации мероприятий программы: использование чиновниками консультационных услуг исламистских групп и идеологов, недостаточная информированность местных органов власти о действующих мусульманских и исламистских организациях и их лидерах, неумение отличать радикальных исламистов от либеральных мусульман. Не был привлечен к участию в программе Национальный Консультативный Совет имамов и мечетей, недостаточно вовлечены в мероприятия программы образовательные организации, хотя именно университеты являются потенциальным местом проявления активности экстремистов [117].

Необходимо констатировать тем не менее, что в сравнении с другими контртеррористическими программами, разработанными в странах Европы, программа Великобритании отличается относительно комплексным характером и стремлением к системности.

Попытки обвинения разработчиков программы в ее исключительной направленности против мусульман являются частью дестабилизирующей политики исламистских групп, недовольных возрастающим присутствием государства и прогосударственных структур в мусульманской среде [117, 118].

Значительным шагом по координации действий и воздействия британского правительства на этносоциум стало создание Отдела исследований, информации и коммуникаций (*Research, Information and Communications Unit (RICU)*), целевой

аудиторией которого являются мусульмане возрастной группы 15–39 лет. Отдел стал стратегической частью системы коммуникаций правительства Великобритании в рамках программы дерадикализации, деятельность которого предусматривает воздействие на систему отношений и поведение представителей мусульманских общин для достижения целей национальной безопасности [117].

В *Нидерландах* в период 1945 – конца 1960-х гг. получила развитие мультикультурная модель общества, выделяющая несколько социальных групп – «столпов общества», на которых опиралась эта модель: социалисты, католики, протестанты, либералы. Каждая группа располагала собственными СМИ, организациями и учреждениями (профессиональные, образовательные, спортивные, досуговые и культурные организации, политические партии, пенсионные фонды). Модель «столпов общества» начала распадаться в 1960-х и прекратила существование в 1990-х гг., но была вновь возрождена усилиями академических и политических деятелей левого толка при попытке интегрировать мусульман в качестве параллельного сообщества в стране. Предполагали, что, наряду с культурой большинства, мусульманская община станет одним из новых «столпов» [117].

В 2011 г. политика мультикультурализма была признана провальной, так как вместо интеграции привела к образованию крупных, изолированных от голландского социума, сообществ. Молодежь в этих группах оказалась агрессивно настроена не только к внешнему окружению, но и к членам собственного сообщества. Важнейшей причиной процесса радикализации была названа произошедшая поляризация общества, которая проявилась в обострении противоречий между социальными группами и возросшей обособленности по религиозно-этническим признакам. Несмотря на это, власти страны рассматривают радикализацию как исключительно молодежный феномен, истоки которого видят в проблемах самоидентификации, самореализации социально изолированных групп молодежи и поиске ими своего места в обществе [117, 118]. Именно в силу этого обстоятельства программы противодействия радикализации оказались нацелены в первую очередь на социальную интеграцию и усиление процессов кон-

солидации голландского общества. Разработанный план по противодействию поляризации и радикализации 2007–2011 гг. закреплял ответственность за определение стратегических принципов, подготовку кадров по борьбе с радикализмом и частичное финансирование различных инициатив за центральными правительственными структурами. В их же зоне ответственности и решение ряда социальных проблем, которые могут использоваться радикалами в их пропаганде: повышение уровня жизни, трудоустройство, снижение дискриминации, доступность контактов с представителями власти и т.д.

На уровне местных институтов власти план предусматривает ответственность за верификацию информационных сообщений об экстремизме, реализацию мягких и жестких методов предотвращения радикализации, участие в реализации трех основных компонентов плана [117, 118, 193]:

1) выполнение задач по предотвращению, оповещению и вмешательству (воздействию), которые осуществляются работниками отделов образования и полиции, социальными работниками по делам молодежи, другими уполномоченными муниципальными служащими [117, 118, 193];

2) реализация на национальном уровне специальной политики по поддержке местных инициатив против радикализации;

3) участие в программах по противодействию радикализму в Европейском Союзе и за его пределами, с учетом согласованности внутривнутриполитических целей и интересов страны во внешней политике [117, 118, 193].

Вмешательство государственных институтов предполагается как на начальном этапе радикализации членов общества, так и после совершения ими противоправных поступков экстремистского характера.

Суть мягких методов предотвращения радикализации, предусмотренных планом, заключается в организации общественных слушаний, открытых дискуссий (в т.ч. – в мусульманских СМИ, финансируемых правительством), адресной поддержке молодых людей, имеющих трудности с обучением или трудоустройством. Этот метод напоминает британский подход как в общей концепции, так

и в том, что государство подбирает квалифицированных модераторов для взаимодействия с проблемными группами, не полагаясь исключительно на полицию.

Жесткий метод предусматривает различные меры административного и уголовного воздействия, вплоть до лишения свободы членов экстремистских групп и радикально настроенных отдельных личностей, что предполагает усиление правовой ответственности за поддержку экстремизма и подготовку террористических актов, увеличение штата спецслужб и расширение их полномочий, выделение дополнительного финансового обеспечения [93].

Особое внимание уделяется обучающимся, пропускающим занятия в образовательных организациях без уважительной причины, поскольку значительная часть таких подростков оказывается вовлеченной в деятельность криминальных сообществ и наиболее подвержена радикализации. С целью реинтеграции подростков в образовательную систему местная власть создает дополнительные образовательные организации, предпринимает попытки по трудоустройству молодежи группы риска. Сторонники совмещения мягкого и жесткого подходов предлагают использовать возможности профилактической работы, системы раннего выявления признаков радикализации в сочетании с репрессивными мерами воздействия [117, 118, 193].

Недооценка со стороны государства религиозных установок исламистских радикалов и религиозной составляющей мусульманских сообществ стала причиной того, что первоочередной целью программ противодействия радикализации является координация взаимодействия между социальными группами и реализация общей стратегии управления мультикультурным пространством. Ее основные компоненты – решение проблем изоляции и маргинализации, установление и укрепление связей между контингентом группы риска с остальной частью социума, помощь молодым людям в самоидентификации и полноценной интеграции в голландское общество. Правительство декларирует создание надежной демократической системы в рамках гражданского общества, обладающей высоким потенциалом доверия [93, 117, 118, 193].

В процессе реализации общих планов действий, утвержденных правительством, местные власти, как уже было отмечено ранее, располагают возможностью применения различных подходов. Выбор муниципальной властью мягких методов предполагает глубокое знание местных условий и диспозиции элементов социума, способность анализа ситуации и проектирования политики, адекватной конкретным потребностям. В целях консолидации общества и противодействия распространению идей радикализма, местные власти взаимодействуют с НКО и другими организациями, общественными лидерами.

Группа ученых Института миграционных и этнических исследований (Университет Амстердама) пришла к выводу о том, что склонность человека к радикализации объясняется следующими обстоятельствами: *1) жесткая, ортодоксальная интерпретация веры и 2) убежденность в дискриминации мусульман и наличии угрозы идеологии ислама.* В тех случаях, когда слабо развито взаимодействие с молодыми людьми либеральных религиозных деятелей, их место занимают активисты исламистских групп. Исследователями рекомендовано распространение информации об опасностях радикализма среди имамов и организация работы с молодежью на уровне мечетей [117, 118, 193]. Один из первых муниципальных планов, созданный в 2008 г., предусматривал ознакомление молодежи группы риска с сущностью процесса радикализации и способами противодействия его идеям.

На основании этого исследования в плане были предусмотрены не только соответствующие мероприятия по развитию системы образования и служб по делам молодежи, но и активизация взаимодействия с местными религиозными организациями по предотвращению распространения идеологии радикализма. Результатом обсуждения проблемы экстремизма с духовными лидерами мусульман, проведенного в целях достижения соглашения между ними и местными органами власти, стали предложения по организации совместной работы в этом направлении и признание частью имамов необходимости в приобретении компетенций в сфере противодействия радикализации.

Определенный локальный результат в регулируемом информационном поле имело проведение «религиозно-светских круглых столов» с участием различных этнических и религиозных групп, которые, по мнению лояльных экспертов, способствовали развитию взаимного понимания и толерантности между объединениями верующих и неверующей частью сообщества [117, 118, 193].

Многие европейские проекты и муниципальные программы типа Слотерварта рассматривали дерадикализацию, как реабилитацию антиобщественных элементов, лишь в качестве сопутствующего результата, решая ряд других важных задач по реинтеграции молодых правонарушителей в общество (профессиональная подготовка, трудоустройство, сокращение сроков наказания для прошедших обучение в местах заключения) [117].

Департаментом общественного порядка, безопасности и охраны Амстердама была разработана программа дерадикализации «Информационный Дом» (*Informatiehuishouding*), как промежуточный вариант общих программ по контррадикализации и жестких методов спецслужб по борьбе с терроризмом. План предусматривал работу с лицами, подверженными радикализации, но еще не совершившими правонарушений [117, 193].

Созданное в рамках программы «Информационный Дом» учреждение работало в тесном контакте с представителями мусульманского сообщества и получало необходимую информацию для оперативного реагирования и разработки оптимальных мер по борьбе с распространением идей радикализации [117]. Интересным является тот факт, что лица, предоставлявшие информацию, несли определенную ответственность за реализацию совместного плана действий, а сотрудники учреждения выступали в роли консультантов.

Как правило, рекомендации сводились к установлению связей между обществом и конкретными лицами через их обучение, трудоустройство, социальные контакты. На ранних стадиях радикализации достаточным считалось сформировать у человека чувство востребованности со стороны общества. В более сложных случаях необходимым становилось идеологическое вмешательство, для

которого назначался спикер, знающий исламскую теологию и одновременно придерживающийся демократических ценностей. В его задачи входило выдвижение теологических контраргументов для опровержения политических и социальных постулатов исламизма. План действий предусматривал и меры по улучшению социально-экономического положения лиц, но в сочетании с идеологическим воздействием. Теологическое вмешательство использовалось для усиления способности индивида к сопротивлению радикальной идеологии и применялось даже к молодым людям, не обладавшим глубокими познаниями в идеологии исламизма [117, 118, 193].

Для объективного анализа эффективности методик программы «Информационный Дом» в настоящее время недостаточно данных в силу того, что проект был внезапно прекращен в конце 2009 г. из-за опасений о нарушении законов по защите персональных данных.

В Роттердаме, где сосредоточена значительная часть мигрантов, местные власти также пытались использовать элементы «мягких» и «жестких» методов дерадикализации, что нашло отражение в проекте «Включайся или оставайся позади». Цель проекта заключалась в активном вовлечении граждан в жизнь общества и элиминацию из общественной повестки лиц, отрицающих интеграцию [117, 118, 193].

«Мягкий» подход заключался в поиске и реализации легитимных альтернатив для интеграции в общество представителей группы риска, усилении продуктивного взаимодействия между муниципалитетом и лидерами местных сообществ. «Жесткий» подход предполагал через взаимодействие с полицией выявление лиц, склонных к насилию. Дополнительным источником информации для местных властей был проект «Точка включения радикализации» (*Information Switch Point Radicalization*), в рамках которого создана группа для обработки информации, поступающей от заинтересованных лиц и выполнявшая консультационные функции. При этом взаимодействие между двумя источниками информации было ограничено [117, 193].

Достаточно сложно дать оценку приведенных программ, так как не было разработано четких критериев для оценки их эффективности. Отчет о реализации программы Слотерваарта (2008 г.), округа Амстердама, представлял собой собственную оценку разработчиков плана [117, 118]. Деятельность главы округа А. Маркуша, предлагавшего объединить несколько районов Амстердама с мусульманским населением и ввести в муниципальных образовательных организациях обучение исламу, подвергалась критике за непрозрачность в распределении финансовых средств, выделенных государством для реализации проекта. Кроме того, в округе активизировалась деятельность религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане», а взаимодействие с сообществами мигрантского населения в значительной мере было ориентировано на марокканскую общину в ущерб другим этническим группам [117, 118, 193].

В Дании в 2009 г. была запущена реализация проекта «Общее и безопасное будущее: план мероприятий по предотвращению экстремистских взглядов и радикализации среди молодежи» [117]. Экстремизм определялся его разработчиками следующим образом: «тоталитарные и антидемократические идеологии, нетерпимость к взглядам других, создание негативных образов и разделение общества на своих и чужих».

Аналогично Нидерландским программам, радикализм в этом проекте рассматривался как следствие недостаточной социальной интеграции представителей группы риска. Соответственно, в первую очередь внимание было уделено решению социальных вопросов на местном и национальном уровнях. Большая роль в развитии социального единства отводилась организации системы образования и процессам социализации [117, 118, 193].

План состоит из 7 основных элементов, направленных на развитие толерантности и демократических принципов в процессах социального взаимодействия, не выделяя, как особо значимые практики, проведение теологических дискуссий и работу с мусульманскими организациями [117, 118, 193]:

1) организация целенаправленного взаимодействия с молодыми людьми из группы риска или подверженных радикализации с целью реинтеграции в общество средствами учебно-воспитательных наставнических программ и других мер воздействия;

2) реализация комплекса мер по усилению социальной интеграции, преодолению всех видов дискриминации, правовой безграмотности и укреплению семейных связей средствами информационно-просветительских программ и проектов;

3) распространение информации об общих демократических ценностях и гражданских ценностях Дании, развитие диалога и предоставление достоверной информации о целях внутренней политики и об опасностях экстремизма.

4) снижение напряженности в мусульманских сообществах, особенно восприимчивым к экстремистским идеям;

5) противодействие радикализации в пенитенциарных учреждениях, включая дополнительную подготовку и переподготовку персонала, привлекая к работе религиозных деятелей;

6) организация сбора информации, проведение опросов, выполнение научных исследований для получения новых данных о процессах радикализации;

7) развитие долгосрочного партнерства с международными, национальными и местными институтами власти и организациями; реализация программы информационного освещения внешнеполитического курса Дании для преодоления критического отношения граждан (в том числе в мусульманских сообществах) к зарубежной политике государства.

Результаты исследований, проводившихся в Дании, свидетельствуют о том, что часть мусульманских сообществ не владеет информацией о программах правительства. Другая часть мусульман дала положительную оценку инициативам правительства, отметив при этом их недостаточную эффективность в борьбе с радикализмом. Третья и самая многочисленная часть представителей мусуль-

манских общин воспринимает действия властей негативно, истолковывая их исключительную направленность на мусульман как элемент дискриминации. [117].

Эффективность этой программы в настоящее время также недостаточно изучена, однако признанным считается ее основной недостаток, который заключается в отсутствии плана прямого противодействия радикальной идеологии. К тому же, достаточно сложно побудить молодых людей к участию в программе наставничества, что признают и представители власти [117, 193].

Еще одной проблемой современного общества является возрастающая популярность антииммигрантских групп, поэтому ислам и религия вообще, становятся значимым инструментом в политической борьбе. В этом, отчасти, заключается нежелание правительства противостоять экстремизму на идеологическом фронте. В общении с молодежью педагоги и тьюторы не затрагивают идеологических аспектов радикального исламизма, тем самым предоставляя это проблемное поле в распоряжение исламистских группировок их духовных лидеров [117, 118].

Одна из самых больших мусульманских общин Европы находится на территории Франции и объективно представляет собой обширное поле деятельности для исламистов. Однако длительный период времени французское правительство и силовые структуры не придавали значение формирующимся этноконфессиональным анклавам, выходцы из которых и составили основу сторонников группировки «Исламское государство», взявшей на себя ответственность за террористические акты, произошедшие во Франции в 2015–2016 гг., назвав их «11 сентября по-французски». Они стали крупнейшими по числу жертв за всю историю государства и потребовали корректировки внутренней политики и разработки программ дерадикализации.

Эти события стали в значительной мере результатом проблем, накопленных французской системой образования, утратившей такую важную функцию, как формирование единой государственной идентичности через воспитание общих ценностей и чувства патриотизма. Следует отметить, что 06 сентября 2013 г.

во Франции была принята Хартия светскости школы (*Charte de la Laïcité à l'École*), содержащая 15 статей, декларирующих основные принципы поведения обучающихся и работников образования. Именно в этом документе раскрывается конституционный принцип светскости и постулируется нейтральность государства по отношению к религиозным или духовным убеждениям [117, 214].

Оказавшись перед фактом радикализации значительной доли молодого поколения, власти Франции приняли комплекс мер для возрождения воспитательного процесса в школах. В 2015 г. с этой целью была принята «Программа распространения в школах республиканских ценностей», предусматривающая [117, 214]:

- организацию обучения и переподготовки 300 000 учителей-методистов, подготовку и распространение инструктивных и информационно-методических материалов с описанием возможных признаков вовлеченности обучающихся в радикальные религиозные организации и рекомендациями по нейтрализации пропаганды радикализма;

- организация управляемого взаимодействия образовательных организаций с национальными СМИ, в т.ч. интернет-ресурсами, развитие системы школьных СМИ;

- организацию и проведение мероприятий патриотического характера, учреждение в календаре тематических дней, посвященных вопросам развития гражданственности, этнической и расовой толерантности.

Дополнительные меры, принятые 1 апреля 2015 г.:

- 1) усиление подготовки педагогов и иных специалистов по применению методик выявления радикального поведения;

- 2) организация работы круглосуточной телефонной линии;

- 3) широкое ознакомление населения с признаками радикализации;

- 4) обучение критическому восприятию информации из интернет-ресурсов;

- 5) активное использование возможностей сети Интернет для противодействия пропаганде радикальной идеологии;

- б) поддержка развития «французского ислама»;
- 7) изучение курса религиозной культуры в школах;
- 8) формирование контингента индивидуальных менторов (наставников) для обучающихся группы риска.

9 мая 2016 г. правительством Франции утвержден «План действий против радикализации и терроризма» (*PART*), содержащий ряд мер образовательного, разъяснительного, социального и репрессивного характера. В рамках реализации этого плана предполагалось создание 13 центров для реинтеграции неблагонадежных лиц.

Каждый центр был рассчитан на 25–30 человек обучающихся от 18 до 30 лет и такое же количество сотрудников, на финансирование работы каждого центра было выделено по 1 000 000 евро. [117]. Центры должны были работать в закрытом режиме со сроком пребывания примерно 10 месяцев, но комплектоваться на добровольной основе молодыми людьми, подверженными радикализации или находящимися в группе риска [117, 214].

Программа пребывания в центрах заключалась в «деиндоктринации» и профессиональной подготовке и предполагала занятия с психологами, общение в дискуссионных группах различной тематики (в т.ч. религиозной и политической), а также работу, направленную на дистанцирование воспитанников от влияния радикальных взглядов. В образовательную программу были включены уроки обществоведения, патриотизма, профориентации и трудового воспитания. Регламент работы в центрах предписывал использование внутренней атрибутики, элементов этикета и ритуалов по военному образцу (утреннее построение, отдавание чести флагу и т.п.) [96, 214].

В сентябре 2016 г. был открыт первый экспериментальный центр закрытого типа для подростков, замеченных в радикальных взглядах и симпатиях к террористам. Однако эксперимент был признан неудачным, и в 2017 г. центр был расформирован.

Еще до открытия центра высказывались опасения, что подобные учреждения могут превратиться в «джихадистские академии», критике был подвергнут и радикальный характер предложенных подходов к воспитанию [117, 214].

Результатам проверки 5 месяцев работы экспериментального центра стали выводы о явной неэффективности его деятельности [117, 214, 96]:

1) интерес к проекту проявили лишь 59 человек, 17 из них заполнили анкету, приехали в центр только 9, а на момент проверки в нем находился всего 1 человек;

2) одна из воспитанниц оказалась в центре ошибочно, т.к. не была связана с экстремизмом, а замеченный в контактах с террористами воспитанник сбежал из центра;

3) в штате центра числилось 27 человек, среди которых девять преподавателей, пять психологов и психиатр. Однако их профессиональная компетентность оказалась крайне недостаточной, кроме того, персонал, содержание которого обошлось в 2,5 миллиона евро в год, был замечен в подделке отчетности.

Неэффективность французских программ противодействия радикализации в плане расходования бюджетных средств, соответствия заявленных целей и реальной деятельности особенно проявилась в марте 2017 г., когда организатору финансируемой государством частной организации «Дом профилактики и семьи» (*Maison de la prevention et de la famille*) было предъявлено обвинение в фальсификации отчетных документов, растрате и хищении бюджетных средств [96, 117, 214].

Предпринимаемые меры противодействия экстремизму и радикальной идеологии часть политиков и экспертов Франции считает недостаточными. По их мнению, они не должны ограничиваться решением проблем социальной и культурной интеграции. К примеру, доктор экономических наук и профессор политологии, Иван Бло, который являлся личным советником президента Франции Н. Саркози, предлагал восстановить всеобщее патриотическое воспитание и изучение французской истории, отмененный ранее призыв в армию и создать

национальную гвардию с участием добровольцев, чтобы обеспечить возможность участия населения в защите внешних границ и охране общественного порядка [96, 117].

Обобщая изложенное в данном параграфе, следует отметить, что, несмотря на ряд интересных с педагогической точки зрения методических приемов, сложных, дорогостоящих и длительных по процедурам программ дерадикализации молодежи, периодически внедряемых в среде учащейся молодежи стран Северной Америки и Евросоюза, все они, так или иначе, как было показано выше, демонстрируют свою несостоятельность. Это связано с сущностной системной ошибкой – антинаучным подходом к идентификации экстремизма. Как указывают ведущие эксперты США П. Т. Коулман и А. Бартоли признание любого конкретного явления как экстремистского «всегда» носит субъективный и конъюнктурно-политический характер [191].

1.3. Профилактика молодежного экстремизма в отечественной педагогике

Молодежный экстремизм является многогранным по своим проявлениям и полифакторным по условиям возникновения социальным явлением. Часть исследователей представляет молодежный экстремизм как вариант социальной девиации, связывая его с несформированностью эмоциональной сферы личности молодых людей, маргинализацией их сознания. Другая группа авторов рассматривает его как форму протестной активности молодого поколения, подчеркивая наличие у неформальных движений экстремистской направленности признаков неорганизованного политического движения [190, 192]. При этом трансформация экстремистских настроений в экстремистскую деятельность происходит не столько под влиянием эволюции собственных идейных убеждений или психологических особенностей личности, сколько под влиянием внешних факторов: значимых агентов первичной социализации, агитационной активности радикальных организаций, углубление социальных и экономических проблем и т.д.

Бесспорно, построение эффективной системы профилактической деятельности, направленной на предотвращение и нейтрализацию процессов, связанных с формированием молодежных экстремистских объединений, невозможно без комплексного исследования рассматриваемого социального явления, включающего объективные и достоверные данные изучения личностных особенностей участников неформальных объединений.

Системность профилактической деятельности предполагает установление требований к совокупности субъектов взаимодействия на основе учета внутренних связей и отношений между ними и функционального потенциала. В системе профилактики экстремизма субъектами взаимодействия мы рассматриваем лиц молодого возраста, членов их семей, работников государственных институтов власти, предприятий и организаций, представителей различных институтов гражданского общества.

Представим краткое описание основных мер профилактики и противодействия экстремизму в молодежной среде, которые общеизвестны и имеют широкую практику применения.

- *Общая антиэкстремистская профилактика* направлена на снижение социальной напряженности и конфликтного потенциала в обществе, управление ценностно-нормативной системой общества; информационное сопровождение государственной политики по противодействию идеологии экстремизма (социологический мониторинг в целях измерения показателей и оценки состояния социального пространства, популяризация социально значимых и безопасных для общества видов молодежного досуга, демонстрация позитивных результатов борьбы с проявлениями экстремизма и его распространением).

- Комплекс мер *специальной профилактики* ориентирован на конкретные процессы или категории лиц и предусматривает реализацию мероприятий по предупреждению экстремистских действий в конкретных ситуациях, противодействие процессам, обладающим противоправным потенциалом, в том числе контроль деятельности неформальных молодежных движений.

- *Групповая и индивидуальная профилактика* – профилактика противоправных действий экстремистски настроенных молодежных групп и отдельных лиц: профилактический учет, социальная адаптация, правовое просвещение, беседы и т.д.

- *Профилактическое воздействие* – применение мер воздействия к лицам, совершившим противоправные деяния в целях предупреждения совершения новых правонарушений.

Для разработки согласованных подходов, учитывающих передовой отечественный и зарубежный опыт профилактики правонарушений, в том числе экстремистской направленности, консолидации усилий и координации действий органов исполнительной власти всех уровней была создана Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, действующая на основании постановления Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 [70].

Основными задачами Комиссии являются [125]:

- изучение и контроль деятельности государственных институтов, связанной с профилактикой правонарушений несовершеннолетних, подготовка информационно-аналитических материалов об организации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в субъектах Российской Федерации;

- обобщение и распространение положительного опыта работы органов и учреждений системы профилактики, выработка предложений и рекомендаций по совершенствованию системы профилактики правонарушений несовершеннолетних;

- организация проведения комплексных межведомственных мероприятий, взаимодействие с уполномоченными должностными лицами органов исполнительной власти, с общественными объединениями и иными организациями, со средствами массовой информации;

– участие в разработке и проведении экспертизы проектов нормативных правовых актов и федеральных целевых программ, связанных с решением вопросов профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Обеспечение функционирования системы взаимодействия государственных органов и негосударственных институтов по профилактике и предупреждению в молодежной среде преступлений экстремистской направленности позволяет:

1) обеспечить успешное противодействие противоправной деятельности подростков и молодежи за счет общего целеполагания, согласованности действий, рационального использования информационных, кадровых и иных возможностей субъектов взаимодействия;

2) обеспечить эффективную и своевременную государственную поддержку общественным институтам и инициативам, реализующим мероприятия антиэкстремистской направленности (гранты, конкурсы, материально-техническая поддержка подготовки и распространения информационных материалов и др.).

3) своевременно выявлять факты склонения несовершеннолетних к совершению преступлений, побуждение их к экстремистской деятельности, предотвращать попытки вовлечения молодежи в криминальные сообщества;

4) развивать конструктивные практики социальной активности граждан (взаимный обмен информацией, участие в работе общественных советов и проведении общественной экспертизы, инициирование подготовки нормативных правовых актов и т. д.).

В сложившейся в нашей стране структуре субъектов системы профилактики правонарушений экстремистской направленности необходимо отметить особую значимость деятельности органов внутренних дел МВД России, каждому подразделению которых соответствует определенный участок профилактической работы и подлежащие профилактическому воздействию специфические объекты и категории лиц. Успешность выполнения задач по предупреждению правонарушений и преступлений экстремистской направленности обеспечивается присущим ком-

плексом профессиональных компетенций в административно-юрисдикционной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и иных видах деятельности, наличием в их составе специализированных подразделений, а также широким арсеналом используемых средств и методов работы.

Содержание деятельности, направленной на предупреждение правонарушений и преступлений экстремистской направленности молодежи, реализуется в приведенных далее по тексту формах взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами системы профилактики [58, 68].

1. Совместная организация и проведение мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи, формированию толерантных отношений к различным социальным группам, информационно-психологическому воздействию на несовершеннолетних с целью предупреждения конфликтов между различными молодежными группировками, нейтрализации экстремистской и террористической пропаганды.

2. Активное сотрудничество с организациями службы занятости и работодателями для решения задач профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи, формирование специализированного банка вакансий для несовершеннолетних.

3. Организация совместной работы с образовательными, спортивными, досуговыми и ветеранскими организациями, политическими, религиозными деятелями и лидерами гражданского общества для проведения социально значимых акций и мероприятий, в повестку которых включается гражданско-патриотическая и антитеррористическая тематика. Проведение диалоговых и дискуссионных мероприятий, различающихся по формату, территориальному масштабу и охвату целевой аудитории, с участием субъектов системы профилактики, представителей религиозных конфессий и общественных объединений.

4. Профилактическая работа в образовательных организациях, включающая в себя совокупность специальных мер:

– проведение бесед с административно-управленческим персоналом и педагогическими работниками о недопустимости к работе с молодежью лиц, разделяющих и пропагандирующих экстремистские идеи, склоняющих молодежь к участию в противоправной деятельности, созданию экстремистских или криминальных объединений;

– проведение бесед с обучающимися по вопросам социальной толерантности, недопустимости экстремистских проявлений в отношении иностранных обучающихся, трудовых мигрантов, представителей иных этносов и религий; разъяснительных мероприятий по вопросам правовой ответственности за совершенные правонарушения экстремистской направленности; ознакомление с правилами и техниками обеспечения личной безопасности в ситуациях, связанных с пропагандой экстремистской идеологии;

– выявление на основе использования специализированного диагностического инструментария интересов и склонностей обучающихся, вовлечение их в спортивные секции, работу научных и творческих объединений, социально одобряемые виды досуговой активности;

– разработка и распространение информационного контента, проведение встреч с родителями по вопросам толерантного отношения к представителям других культур и социальных групп, дискурсивного управления социальными процессами, социальных последствий распространения экстремистской идеологии;

– изучение на основе использования специализированного диагностического инструментария личностных характеристик обучающихся и установление групп, склонных к агрессивному поведению, выявление группировок экстремистской направленности, отдельных лиц, провоцирующих экстремистские настроения в обществе и распространяющих дискриминационные идеи по национальному, религиозному или иному признаку;

– закрепление за конкретными образовательными организациями сотрудников, курирующих вопросы предупреждения преступлений экстремистской направленности молодежи.

5. Организация сотрудничества с религиозными конфессиями:

– разработка механизмов взаимодействия субъектов профилактики с организациями, представляющими ведущие религиозные конфессии Российской Федерации, заключение с ними соглашений, участие глав и представителей христианских, мусульманских, иудейских и иных общин в обсуждении вопросов мультикультурной толерантности, профилактики экстремизма в молодежной среде;

– подготовка и проведение совместных мероприятий (информационно-методических, дискуссионных, просветительских и т.д.), направленных на противодействие распространению идеологии экстремизма и формирование социальной, религиозной и этнической толерантности, с участием религиозных и национальных общин, общественных объединений;

– привлечение представителей религиозных конфессий к проведению занятий с молодежью по вопросам толерантного отношения к другим культурам, формирования социально одобряемой системы ценностей, деструктивных последствий распространения экстремистской идеологии;

– организация коммуникативного взаимодействия в целях информирования работников правоохранительных органов о нахождении на территории культовых сооружений потенциально неблагонадежных лиц, предположительно причастных к экстремистской деятельности.

6. Сотрудничество с общественными молодежными объединениями и движениями в целенаправленной деятельности по формированию у молодого поколения конструктивной гражданской позиции, социально одобряемой системы ценностей и неприятию идеологии экстремизма и терроризма (различные формы социальных практик, волонтерское движение, дискуссионные мероприятия и патриотические акции и т.д.).

7. Сопровождение деятельности организаций инфраструктуры отдыха и оздоровления (загородные лагеря отдыха, оздоровительно-образовательные центры, специализированные лагеря, туристические и оборонно-спортивные базы для детей и молодежи и пр.), участие в создании досуговых центров (клубов), в том числе патриотической и правовой направленности.

8. Проведение комплексной индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними группы риска (с отклоняющимся поведением, участвующими в деятельности молодежных неформальных организаций, из неблагополучных семей), реализация адресной социальной, правовой и психолого-педагогической помощи их семьям.

9. Создание и поддержание актуального состояния специализированных банков данных, содержащих обновляемую информацию, востребованную для организации деятельности по борьбе с экстремизмом и терроризмом: сведения об экстремистских группировках, участниках неформальных молодежных объединений, активных членах футбольных фанатских объединений.

10. Организация информационных каналов обмена данными в сфере противодействия экстремизму и терроризму:

- о планирующихся и проведенных мероприятиях по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних;
- об общественных и религиозных структурах и политических движениях, деятельность которых ассоциирована с совершением деструктивных, противоправных действий или с побуждением к их совершению;
- о местах концентрации антиобщественных групп, динамике развития обстановки в регионах, подверженных террористической опасности;
- об участниках неформальных молодежных объединений и направленности таких объединений, молодых людях, причастных к экстремистской и антиобщественной деятельности;

– о лицах, склоняющих несовершеннолетних к совершению правонарушений, иных антиобщественных действий, вовлекающих молодежь в деятельность террористических и экстремистских организаций;

– о выявленных медиаресурсах и печатных изданиях, имеющих экстремистский контент.

11. Участие в разработке и реализации межведомственных программ и проектов различного уровня, ориентированных на профилактику правонарушений, в том числе экстремистской направленности, в совместной разработке и реализации мер, направленных на переориентацию и дезорганизацию антиобщественных молодежных объединений, нейтрализацию информационных угроз и пропагандистской деятельности их активистов, распространяющих идеологию экстремизма и терроризма.

12. Обеспечение реализации комплекса совместных оперативно-профилактических мероприятий в целях обнаружения среды активности и наличия экстремистских групп, установления их лидеров и участников, выявления фактов подготовки к совершению правонарушений в подростковой и молодежной среде, нейтрализации планирования и проведения несанкционированных общественно-политических акций (в том числе в сети Интернет), ограничения доступа к экстремистским сайтам и материалам.

13. Организация совместных проверок контингента прибывающих мигрантов, туристов и выявленных нелегалов (во взаимодействии с Федеральной миграционной службой и органами внутренних дел на транспорте), привлечение общественности к участию в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий и патрулированию проблемных участков населенных пунктов.

14. Организация взаимодействия со средствами массовой информации в целях:

– информирования общественности об опасностях распространения экстремистской идеологии, признаках экстремистских организаций,

индивидуальных техниках защиты от агитационного воздействия лиц экстремистской направленности;

– разъяснения норм и практики применения действующего законодательства Российской Федерации по вопросам правовой ответственности за правонарушения экстремистской направленности, важности государственной задачи в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом и демонстрации успешных примеров ее решения;

– освещения массовых мероприятий воспитательного и культурно-просветительского характера, в том числе социально ориентированных, направленных на патриотическое воспитание, формирование гражданственности, интернационализма.

15. В целях повышения эффективности системы взаимодействия проведение межведомственных консультативных, информационно-методических, практических и тренинговых мероприятий, посвященных рассмотрению вопросов профилактики преступлений экстремистской направленности.

Средствам массовой информации (СМИ) принадлежит важная роль в противодействии экстремизму и ксенофобии среди подростков и молодежи. Важно учитывать, что использование возможностей СМИ доступно обеим противоборствующим сторонам, т.к. они одновременно могут быть средством информационно-пропагандистского противодействия терроризму или использоваться для медийной поддержки деятельности экстремистских и террористических организаций [31, 137]. Сегодня одним из общепринятых требований к публикациям в СМИ является необходимость отражения позиции той части социума, которая является или может стать объектом дискриминации по тому или иному признаку (социальному, этническому, расовому, религиозному).

Ключевая роль в структуре СМИ в настоящее время принадлежит сети Интернет, которая представляет собой глобальное средство коммуникации, получения и обмена информацией, обладающим не только мощным информационным потенциалом, но и чрезвычайно высокой мобильностью. Именно в силу этого

глобальная сеть является активным инструментом распространения ксенофобских воззрений и экстремистских идей [37]. Контент интернет-ресурсов, продвигающих идеологии экстремизма и терроризма, носит откровенно наступательный, агрессивный характер, отличается убедительной теоретической базой, выверенным спектром методов информационно-психологического воздействия на аудиторию пользователей.

Рациональным решением обозначенной проблемы видятся организация комплексного противодействия экстремистским и ксенофобским интернет-ресурсам. Одна из мер, успешно применяемая в некоторых странах, – это ограничение доступности экстремистских материалов в интернете, путем блокирования, замещения или удаления соответствующего контента [28]. Однако исследователи полагают, что этот путь борьбы с экстремизмом в сети Интернет недостаточно эффективен и нуждается в значительной корректировке.

Другим направлением является антиэкстремистская информационная экспансия в тех сегментах Сети, которые используются в целях пропаганды экстремизма, с применением контента контрпропагандистской направленности и элементов информационно-психологического воздействия на интернет-аудиторию. Экстремистские материалы недостаточно блокировать, их необходимо обсуждать, оспаривать, дезавуировать. Обеспечивая избирательную направленность информационного «шума», перекрывающего именно вредоносную часть информационного контента, подобная форма контрпропаганды не создает эффекта табу.

Тот же принцип избирательной направленности должен быть выдержан и при работе с целевой аудиторией: ее адресатом должны быть не лидеры экстремистских группировок или активисты неформальных объединений, а сочувствующие их идеологии члены общества. Устранив приток новых приверженцев и лишив подобные движения сторонников, можно разрушить подпитывающую их среду.

Современная ситуация диктует необходимость внесения корректив в концепцию идеологической работы на уровне государственных институтов и усиления вектора целенаправленной контрпропаганды [9, 13, 28]. Требуется всестороннее, основательное и детальное изучение идеологии экстремизма, профессиональная дискуссия с носителями идеологии в целях ее сепарации, доказательного опровержения или перевода в конструктивное русло на основе консенсуса, объединяющего разные точки зрения по обсуждаемым вопросам [34, 39, 40].

Подавляющее число отечественных исследований, посвященных проблеме молодежного экстремизма, принадлежит научному полю юриспруденции и философии, в то время как недостаточна изученность этого явления с позиций социологии, позволяющей получить системные представления о его сущности [36, 90, 126, 172], психологии и педагогики, обеспечивающих указанную область диагностическим инструментарием и технологиями комплексного направленного воздействия. В частности, необходимо выявление максимально полного спектра факторов, способствующих вовлечению молодежи в неформальные объединения экстремистской направленности и уже на основе объективных данных построения эффективной системы противодействия процессам радикализации молодежи.

Согласимся с мнением ряда исследователей – А. В. Вахрамеева, С. И. Гирько и К. Х. Ипполитова, считающих, что только согласованная по целям, задачам, формам и методам работа государственных институтов и общественных организаций может принести ощутимые положительные результаты не только в укреплении общественной безопасности в стране, но и в формировании гражданского правосознания молодых людей, обеспечить невосприимчивость к идеологии различных движений экстремистского толка [33, 48, 81].

Принимаемые меры должны быть системными и охватывать основные жизненные сферы детей и молодежи, создавать условия для всестороннего развития представителей этой возрастной группы.

Для создания эффективной системы профилактики молодежного экстремизма видится необходимой реализация следующих направлений:

1) объединение усилий уполномоченных государственных органов и структур, всех заинтересованных субъектов этой системы (педагогических работников, членов семей, сотрудников правоохранительных органов, служб социальной защиты и занятости и т.д.);

2) активное вовлечение в совместную деятельность органов и структур общественного управления: педагогических и наблюдательных советов, структур студенческого самоуправления, представителей профессиональных сообществ, национальных общин и диаспор, других гражданских институтов;

3) разработка и внедрение технологии управления процессом формирования у обучающихся культуры гражданской солидарности, ослабляющей действие факторов дезинтеграции общества и снижающей риски распространения экстремистской идеологии.

Процесс формирования культуры гражданской солидарности обучающихся, предполагающий внедрение и последовательную реализацию в деятельности образовательных организаций практик конструктивного взаимодействия государственных и социальных институтов может быть построен на основе следующих моделей.

1. *Модель разноуровневого взаимодействия* реализуется через организацию сотрудничества субъектов воспитательного процесса в соответствии:

– с уровнями образования (дошкольное, начальное общее (1–4 класс), основное общее (5–9 класс), среднее общее (10 и 11 классы), среднее профессиональное, высшее – бакалавриат, специалитет, магистратура);

– с присущими субъектам взаимодействия уровнями ответственности (уровень индивидуума, уровень образовательной или общественной организации, муниципальный, региональный, федеральный уровни управления).

Цель данной модели заключается в повышении эффективности процесса формирования гражданской ответственности обучающихся (гражданского сознания и гражданских качеств), культуры гражданской солидарности, толерантности,

в усилении воспитательного потенциала конкретной образовательной организации и муниципального образования в целом.

Концептуальная, структурная и функциональная целостность образовательного (воспитательного) пространства должна обеспечиваться преемственностью содержания гражданского воспитания на каждой ступени образования, единством педагогических, психологических и методических подходов.

2. *Координационная модель* ориентирована на расширение и консолидацию воспитательного пространства, что достигается наращиванием и эффективным согласованным использованием воспитательного потенциала семьи, образовательных организаций и гражданского общества, и в свою очередь, является необходимым условием успешности процесса становления и развития культуры гражданской солидарности, а также фактором стабилизации и направленной эволюции системы образования в целом.

3. *Модель партнерских отношений* нацелена на развитие социального партнерства в сфере решения задач по социализации и самореализации детей, подростков и молодежи, формированию культуры гражданской солидарности обучающихся и предусматривает обеспечение целенаправленного взаимодействия семей обучающихся, государственных органов, предприятий, организаций и общественных структур, имеющих на территории муниципального образования.

Последовательная реализация представленных моделей обеспечивает соблюдение принципов непрерывности, комплексности и согласованности воспитательного воздействия с целью формирования у обучающихся культуры гражданской солидарности.

Безусловно, разработка содержания и организационных механизмов системной работы по профилактике экстремизма должны осуществляться с учетом того, что прямое воздействие, каким бы содержанием оно ни было наполнено, обладает, по мнению методических работников, низкой эффективностью. Главным принципом воспитательной работы вообще, и касательно рассматриваемой про-

блемы и указанной возрастной группы, в частности, должен стать принцип управляемой социализации, в соответствии с которым специалистами, обладающими необходимыми компетенциями, обеспечивается корректное и ненавязчивое сопровождение социально-психологических процессов.

Примером может служить модель, которая разработана МВД России совместно с Министерством спорта и туризма, ФСБ и изложенная в «Методических рекомендациях по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде». Мы приводим несколько конкретизированный ее вариант, в котором представлено авторское видение направлений оптимизации системы профилактической деятельности, предполагающее распределение совокупности действий между объектами и предметами профилактики в соответствии с группами факторов (таблица 1).

Таблица 1 – Модель взаимодействия объекта и предмета деятельности по профилактике экстремизма в молодежной среде

Предмет профилактики	Объект профилактики	
	Молодежь (социально-демографическая группа в целом)	Кризисные социальные группы молодежи
Воздействие на внешние факторы (макро-, мезо- и микросреда)	Оптимизация молодежной среды в целом, обеспечивающей потребности молодежи в самовыражении, саморазвитии и самореализации	Разработка и внедрение методов разрушения (замещения) экстремистского пространства, создание конструктивных социальных зон для легитимных видов деятельности молодежи
Воздействие на внутренние факторы (индивидуальные свойства личности)	Создание условий для успешной социализации молодежи, развития толерантной, ответственной, проактивной личности, ориентированной на ценности жизни, гражданственности и патриотизма	Разработка системы психологической коррекции (групповой и индивидуальной), ориентированной на профилактику агрессии и снижение экстремистского потенциала и экстремистской активности, обеспечивающей реинтеграцию молодежи в общество

Анализ прогнозируемых соотношений и вариантов взаимодействия элементов модели (предмет-объектные отношения) позволяет сформулировать цели профилактической работы и определить совокупность приоритетных задач:

- создание условий для формирования социально ответственной, успешной, патриотичной, толерантной и обладающей социальной эмпатией личности;
- развитие широкого спектра практик конструктивной и легитимной социальной активности подростков и молодежи;
- создание условий для снижения социальной напряженности, немотивированной и реактивной агрессии, экстремистского потенциала и его проявлений в молодежном социуме;
- создание условий для успешной социализации молодых людей, оказавшихся в кризисной жизненной ситуации, инклюзивной интеграции молодежи групп риска;
- содействие развитию социально ориентированных молодежных субкультур, социально значимых движений и общественных объединений;
- создание условий для реализации личностного потенциала молодежи, управляемого развития социально безопасных альтернативных форм досуговой, творческой, спортивной деятельности.

Изучение педагогических исследований и практики деятельности в сфере профилактики молодежного экстремизма позволяет нам утверждать, что при построении целостной системы профилактической работы является возможным, а часто и необходимым, использование нескольких вариантов или комплекса моделей, повышающих эффективность планируемых действий. При этом в первом случае используемые модели могут иметь различные базовые гипотезы в своей основе.

Считаем необходимым в данном разделе еще раз подчеркнуть важность соблюдения трех ключевых принципов, которых следует придерживаться при проектировании системы профилактики экстремизма:

- профилактическая деятельность предполагает опосредованный характер реализации, акцент на косвенное, непрямое воздействие, создание воспитывающей ситуации и среды [109];
- центральное место в профилактической работе принадлежит наиболее уязвимому для возникновения кризисных ситуаций возрасту (от 14 до 22 лет), для которого характерна наибольшая подверженность стрессовым состояниям, кризис идентичности и активный поиск собственной системы ценностей [197, 207, 210];
- фундаментом организационной конструкции системы профилактической работы является идея управляемой социализации, когда при определяющей роли внешних факторов социализации, содержание деятельности наставников смещается в сторону сопровождения процесса выбора молодыми людьми той или иной модели поведения.

Рассматриваемые методические рекомендации содержат еще два возможных варианта организации деятельности по профилактике экстремизма [109, 194]. Обе представленные далее модели могут быть примером нормативного моделирования, поскольку определяют конструктивные элементы и регламенты ожидаемых «образов» проектируемых систем профилактики.

1. *Модель организации профилактической работы, использующая потенциал традиционных институтов социализации* [109].

В основу данной модели заложена идея проектирования и управления пространством социализации молодежи, направленная на снижение его неконтролируемой части. Действия государственных структур должны обеспечивать консолидацию усилий воспитательных институтов: семьи, образовательных организаций учреждений культуры и спорта, общественных объединений, СМИ. Авторы модели предлагают создание специально организованных позитивных сред, в рамках которых происходит развитие подростка или молодого человека, формирование мировоззрения и приобретение социальных навыков. Система образования рассматривается здесь в качестве ведущего ресурса, который является наиболее организованным институтом, сопровождающим жизнедеятельность молодого

поколения на всех этапах взросления и профессионального становления (развития) [109].

Модель опирается на средовой подход, при котором задача государственных институтов заключается в создании специальных условий молодежной среды, нейтрализующих или существенно ограничивающих возможности проявления экстремистской активности подростков и молодых людей. Исключительно важная роль в этом отношении отводится коммуникационным и информационным ресурсам сети Интернет. Предполагается развитие и создание новых, востребованных в молодежной аудитории средств коммуникации и информационного воздействия, способных выполнять воспитывающую, развивающую и социализирующую функцию [23, 176].

По мнению авторов модели важным звеном профилактической работы выступают молодежные общественные объединения, роль которых заключается в организации актуального развивающего и социализирующего досуга детей, подростков и молодежи. Эффективность работы таких объединений обеспечивается реализацией мер комплексной поддержки со стороны органов власти, направленных на развитие их ресурсной обеспеченности [153].

Предполагается, что эта модель может быть использована при обострении экстремистских проявлений в молодежной среде и необходимости оперативного регулирования профилактической работы со стороны государства.

2. *Модель профилактической работы, ориентированная на снижение деструктивного потенциала молодежных субкультурных общностей.*

Модель предполагает использование стабилизирующего, социализирующего и развивающего потенциала молодежных сообществ, являющихся репрезентантами тех или иных субкультур, присутствующих в российском социуме.

Молодежные субкультуры рассматриваются исследователями как общественное явление, обладающее значительным экстремистским потенциалом и высокой экстремистской активностью. Именно поэтому в системе профилактических мер по предотвращению экстремизма среди молодежи предусматривается

комплекс действий по снижению деструктивного потенциала молодежных субкультур [109, 125].

Для реализации модели могут быть использованы две базисные стратегии.

В соответствии с первой стратегией приоритетом является переориентация молодежных субкультур, разрушение их «управленческого ядра», перевод деятельности молодежного сообщества в новое функциональное русло позитивной (творческой, спортивной, социальной) направленности. Это возможно за счет создания альтернативных пространств (сфер) приложения избыточного эмоционального потенциала и (или) физической активности для снижения агрессивности и экстремистских проявлений подростков и молодежи, что обеспечит их сохранение в рамках правового поля и социальных норм жизнедеятельности. Авторы справедливо считают наиболее перспективными формами реализации стратегии развитие экстремальных видов спорта, связанных с высокой степенью риска (паркур, боулдеринг, спидвэй, сноубординг, скейтбординг, дайвинг, флоубординг и др.), к которым добавим социально ориентированную волонтерскую деятельность. [125, 174, 148].

Вторая стратегия предполагает внедрение в молодежное поле новых, социально позитивных субкультур. При финансовой и организационной поддержке государственных институтов создаются объединения, имеющие привлекательный для подростков и молодых людей вид деятельности, имидж, стиль взаимоотношений. Целесообразно создание молодежных движений, ориентированных на интересы различных целевых аудиторий и объединяющих возможно большее число участников.

Часто трансляторами экстремистских настроений становятся фанатские объединения спортивных болельщиков, что делает эту категорию молодежных объединений объектом повышенного внимания и особой тактики взаимодействия. [17, 70, 125].

Рассмотренные модели представляют собой формы организации профилактической работы и инструменты социально-педагогического воздействия на

большие массы молодежной аудитории. В организациях системы среднего профессионального образования могут быть использованы отдельные элементы представленных разработок.

Обобщая изложенное, типизированную систему мероприятий по педагогической профилактике экстремизма в молодежной среде можно представить следующим комплексом действий:

1) совершенствование механизмов системного взаимодействия государственных институтов власти, предприятий и организаций, органов и структур общественного управления, представителей различных институтов гражданского общества для развития форм общественно-государственного управления воспитательным пространством в области профилактики молодежного экстремизма (на основе использования общего информационного пространства с единым нормативно-методическим компонентом, осуществления конструктивного диалога между партнерами, реализации целеориентированной совместной деятельности);

2) разработка и распространение тематических информационных материалов для обучающихся, осуществление образовательной, адаптационно-социализирующей работы с учащейся молодежью в целях формирования этнической и религиозной толерантности, ознакомления с правовыми и социальными аспектами действий экстремистского характера, техниками противодействия экстремистской пропаганде; реализация в образовательных организациях комплекса гражданско-патриотических мероприятий, направленных на формирование культуры гражданской солидарности;

3) развитие сети молодежных досуговых площадок, обеспечивающих условия самореализации обучающихся и включения их в социально одобряемые и значимые виды деятельности: развитие популярных у молодежи видов творческой активности, волонтерская, экспедиционная и туристическая деятельность, создание современных мультимедийных продуктов на основе гражданско-патриотического контента, проведение форумов, фестивалей,

посвященных культурному многообразию России и акций, направленных на противодействие этнической, религиозной и расовой дискриминации;

4) формирование системы воспитательной работы с молодежью по месту жительства через развитие организованного досугового пространства (развитие досуговых центров, придомовых спортивных площадок, дворовых клубов), проведение досуговых и социально значимых мероприятий в популярных у молодежи форматах (в том числе *online*), организация профилактической деятельности непосредственно в среде уличных и дворовых молодежных объединений; проведение системной работы по сохранению (улучшению) эстетического облика дворовых территорий и зданий, своевременному удалению экстремистских лозунгов, призывов и символов;

5) направленное управление развитием экстремальных видов спорта, использование социализирующего потенциала субкультуры «экстремалов» через проведение фестивалей и открытых соревнований, организацию специализированных спортивных смен в лагерях отдыха, строительство сети контролируемых площадок для развития наиболее востребованных социально безопасных экстремальных видов отдыха;

6) разработка научными и образовательными организациями образовательных программ, информационно-методических и инструктивных материалов для педагогов, родителей по вопросам патриотического и интернационального воспитания, формирования гражданской солидарности, профилактики экстремизма и формирования устойчивости молодежи к экстремистской пропаганде;

7) использование возможностей СМИ и сети Интернет для размещения информации, направленной на решение задач гражданско-патриотического воспитания молодежи и противодействия распространению идеологии экстремизма, информационного освещения мероприятий по профилактике экстремизма, информирования общественности о положительном опыте проведения мероприятий по противодействию экстремизму; повышение

ответственности СМИ за содержание публикуемых материалов и информационное освещение тематики терроризма и экстремизма;

8) внедрение в профессиональной среде системы тренингов, способствующих ознакомлению с эффективными техниками и технологиями противодействия экстремизму, приобретению практических навыков работы в кризисных ситуациях, в том числе в условиях террористической опасности.

При рассмотрении проблемы профилактики молодежного экстремизма в современных российских условиях приходится признать, что не может быть единственного (пусть и основополагающего) фактора, запускающего в обществе реализацию экстремистских установок, и, соответственно, нет общего, универсального метода борьбы с этим негативным социальным явлением.

Представленный перечень содержит, по мнению многих экспертов, достаточно перспективный комплекс мероприятий, составляющих основу системы профилактической работы по противодействию экстремистской идеологии. Однако следует учитывать, что эскалация социально-экономического неравенства российского общества, рост социальной и этнической дезинтеграции, нетерпимость или равнодушие в семьях, где начинается социализация молодого поколения граждан России, нивелируют усилия системы образования и управленческих структур государства. Большинство экспертов считают, что значимого успеха в борьбе с распространением идеологии экстремизма невозможно достичь без духовного обновления российского общества и преодоления системных социальных проблем, представляющих угрозу для национальной безопасности страны.

Выводы по первой главе

1. Экстремизм, понимаемый значительной частью отечественных исследователей как приверженность к крайним взглядам и мерам, отрицание сложившихся в обществе общепризнанных правил и норм в государстве отдельными лицами или объединениями (группами) людей, – явление многофакторное, имеющее глубокие исторические корни, глобальный характер распространения, характери-

зующееся многообразием идеологических концепций и поливариативностью в своем проявлении.

2. Молодежный экстремизм как социальный феномен обладает рядом особенностей: вторичностью идеологического происхождения по отношению к экстремизму старших социально-демографических групп; иррациональным характером мотивации, крайней нигилистичностью взглядов и убеждений, стихийностью и значительной степенью экстремальности конкретных действий.

3. Изучение работ отечественных и зарубежных авторов дает возможность рассматривать молодежный экстремизм как идеологию и практику, осуществляемую индивидуально или коллективно в рамках антисоциальной организации (партии) молодыми людьми в возрасте от 14 до 30 лет, проповедующую враждебное и нетерпимое отношение к лицам определенной социальной группы либо призывающую к насильственным изменениям конституционного строя, что выражается в совершении насильственных и иных антиобщественных действий.

4. Противодействие распространению молодежного экстремизма, учитывая его глобальный характер, реально и потенциально высокую опасность для общества в целом и отдельных социальных групп, является приоритетным направлением деятельности государства. Значительная часть неформальных организаций экстремистской направленности представляет собой перманентно существующее, легко трансформирующееся и активно распространяющееся в обществе явление.

5. Характерной чертой современного этапа распространения идеологии экстремизма стало широкое использование интернет- и медиаресурсов для получения и обмена информацией, создания организованных сообществ и эффективной коммуникации. Высокая скорость процессов информационного взаимодействия, доступность и мобильность делают интернет универсальным инструментом многостороннего воздействия на целевую аудиторию.

6. Имеющийся зарубежный и отечественный опыт реализации антиэкстремистских, контртеррористических планов и программ свидетельствует о необ-

ходимости системного подхода к их проектированию и осуществлению, включения в качестве обязательного компонента комплекса целенаправленных, обладающих целостным характером и операциональной вариативностью мер педагогической профилактики молодежного экстремизма.

7. Содержательно критерии идентификации экстремизма в разработанных и внедряемых в зарубежных развитых странах антиэкстремистских планах и программах в основном носят конъюнктурный идейно-политический характер, т.е. доминирует субъективный динамичный подход.

8. В отечественных антиэкстремистских планах и программах прослеживается тенденция выработки критериев идентификации экстремизма на основе более стабильных во временном аспекте и менее конъюнктурных правовых норм.

9. Как следствие, в настоящее время наблюдается антагонизм между подходами в определении сущности различных форм экстремизма, культивируемыми в развитых зарубежных странах и Российской Федерации.

Глава 2. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОРГАНИЗАЦИЯХ СПО В УСЛОВИЯХ НЕОГРАНИЧЕННОЙ ДОСТУПНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

2.1. Организация и проведение опытно-поисковой работы

Опытно-поисковая работа, осуществляемая по теме настоящего исследования, выполнялась с 2017 г. по 2022 г. и была распределена на три этапа: подготовительный, формирующий и этап обработки эмпирических данных.

Задачи проведенной опытно-поисковой деятельности:

1. Выполнить анализ психолого-педагогических и социологических работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных феноменологии, теоретическим и практическим подходам профилактики молодежного экстремизма применяемых в образовательных организациях СПО.

2. Выявить цели и установить сложившиеся принципы, методические подходы и модели к организации и обеспечению функционирования педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО, выявить их существенные достоинства и недостатки.

3. Разработать специфическую цель и основные взаимосвязанные принципы профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды.

4. Разработать модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО, выявить систему педагогических условий ее реализации.

5. В процессе опытно-поисковой работы проверить эффективность педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО.

Состав участников опытно-поисковой работы представлен выборкой из 349 педагогов и 5067 студентов 8 организаций СПО Свердловской области – ГАПОУ

СО «Екатеринбургский экономико-технологический колледж», ГАПОУ СО «Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В. М. Курочкина», ГАПОУ СО «Свердловский областной педагогический колледж», ГАПОУ СО «Нижнетагильский торгово-экономический колледж», ГАПОУ СО «Нижнетагильский педагогический колледж», ГАПОУ СО «Каменск-Уральский политехнический колледж», ГАПОУ СО «Ирбитский гуманитарный колледж», ГБПОУ СО «Красноуфимский педагогический колледж».

Среди педагогических работников, принимавших участие в опытно-поисковой работе, 31,8 % мужчин и 68,2 % женщин. Распределение участников по возрастным категориям и стажу педагогической работы представлено на рисунках 2, 3.

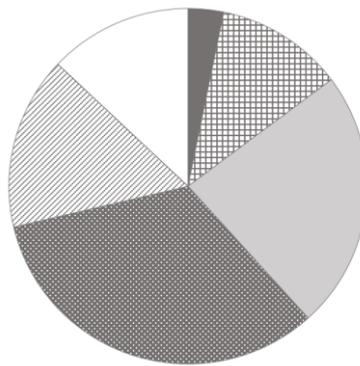

Рисунок 2 – Возрастные группы участников исследования

■ – до 25 лет; ▣ – 26–30 лет; □ – 31–40 лет;
 ▤ – 52–55 лет; ▥ – 54–60 лет; □ – 61 год и старше

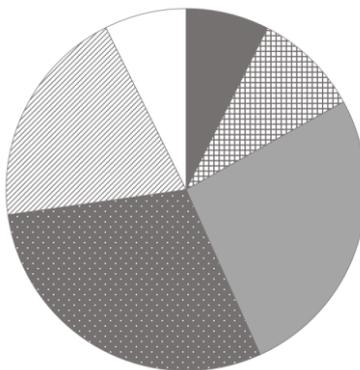

Рисунок 3 – Стаж педагогической работы участников исследования

■ – до 3 лет; ▣ – 4–9 лет; □ – 10–15 лет;
 ▤ – 16–20 лет; ▥ – 20–25 лет □ – 26 лет и старше

Выборочная совокупность студентов организаций СПО представлена возрастным диапазоном от 14 до 22 лет и является репрезентативной для обучающихся I–IV курсов по полу (мужчины – 30,9 % и женщины – 69,1 %), возрасту – от 14 до 22 лет (в том числе: 16 лет – 9,5 %, 17 лет – 30,9 %, 18 лет – 29,2 %, 19 лет – 19,3 %, 20 лет – 7,6 %, остальные возрастные группы – 3,5 %), уровню образования и успеваемости. Предельная ошибка выборки не превышала 5 %.

Специализированные анкеты для студентов и преподавателей стали инструментариями опросов. Анонимность выполняемого исследования позволила получить объективные ответы респондентов на предложенные в анкетах вопросы.

Наблюдению и анализу в процессе проведенной исследовательской деятельности подвергнуто 74 занятия по обществознанию и истории.

Опытно-поисковая работа выполнялась с целью анализа учебных занятий с точки зрения методики их проведения и содержательной ориентированности на профилактику экстремизма; исследования уровня сформированности личностных и метапредметных компетенций обучающихся (познавательных, регулятивных, коммуникативных навыков, определения способности использовать универсальные учебные действия в познавательной и социальной практике, в том числе в нестандартных ситуациях); а также оценки сформированности их социальных компетенций, правосознания, выявления ценностно-смысловых установок и т. д.

Для участвующих в исследовательской деятельности педагогических работников образовательных организаций СПО проведено 86 консультаций, в ходе которых оценивались показатели сформированности устной речи, навыки аргументации, степень индивидуальной активности и самостоятельности педагогов. Занятия для педагогов имели интегративный характер.

Фиксация всего комплекса материалов педагогического наблюдения: характеристик проведенного экспериментального учебного или консультационного занятия, специфики деятельности обучающихся на различных его этапах, изменений в работе конкретных групп обучающихся и т.д. осуществлялась экспертами в виде текстовой записи в дневнике наблюдения для последующей интерпрета-

ции, обобщения и оценивания результативности предложенной системы профилактики экстремистских проявлений студентов.

В качестве экспертов для проведения консультаций и наблюдения за занятиями привлекались социальные педагоги и работники МВД, специализирующиеся на профилактике молодежного экстремизма.

Независимой переменной при проведении опытно-поисковой деятельности, являлась система подготовки преподавателем учебных занятий по профилактике молодежного экстремизма среди обучающихся. Умения студентов организаций СПО на данных занятиях, а также уровень усвоения научных антиэкстремистских знаний являлись зависимыми переменными.

Обе группы переменных тщательно контролировались преподавателями, чтобы исключить значение дополнительных переменных на результаты выполненной опытно-поисковой работы (переменных, определенных такими факторами, как особенности: личности преподавателя, обучающихся, учебно-воспитательного процесса, мониторинга результатов – объективность, валидность, форма контроля, уровень проблемности заданий и др.) [98, с. 88–94].

Количественный состав студентов в контрольных (КГ) и экспериментальных группах (ЭГ), принимавших участие в опытно-поисковой работе, представлен примерно одинаковыми совокупностями обучающихся (общее количество составило 1029 и 1047 человек соответственно), с практически равнозначной степенью обученности студентов.

Перед началом и после прохождения каждого этапа опытно-поисковой работы для фиксации объективных результатов производилось определение уровня усвоения научных знаний антиэкстремистской направленности у обучающихся КГ и ЭГ.

Контрольные диагностические задания позволяли достоверно определять уровни усвоения научных знаний данной направленности. Задания разработаны таким образом, чтобы их было возможно использовать также для проведения спе-

циально организованных учебных дискуссий, соответствующих проблематике исследования (приложение 1).

В процессе подготовки комплектов диагностических заданий по обществознанию и истории педагогическим работникам рекомендовалось выбрать из содержания изученного студентами учебного материала один-два принципиально важных вопроса, каждый из которых затем формулировался в соответствии с вероятными уровнями продуктивной деятельности и усвоения знаний в трех вариантах: копирующая, репродуктивная, творческая деятельность [98, с. 122–123].

Данные задания обследовались по стандартной процедуре на объективность, валидность и диагностическую ценность. Проверка на валидность по ранговой корреляции Спирмена выявила, что коэффициент порядковой корреляции (ρ) равен 0,949 – это показатель высокой валидности заданий (приложение 2).

Ключевой проблемой опытно-поисковой деятельности являлась апробация разных форм проведения учебных занятий, в ходе которых мы определяли приемлемые и вариативные уровни научных знаний антиэкстремистской направленности до и после опытно-поисковой работы.

Выявленные изменения в уровнях усвоения научных знаний респондентов представлялись в процентах, поскольку учебные группы студентов, участвовавшие в исследовании, были неравнозначны по количественному составу.

Для обоснования изменений результатов опытно-поисковой работы, выраженных в процентах, применялся показатель разности процентных чисел (критическое отношение) [98, с. 282].

Выполненное нами определение ошибки процентных чисел продемонстрировало «абсолютно доверительное» различие между зафиксированными показателями экспериментальных и контрольных групп студентов (приложение 3).

В процессе формирующего этапа исследовательской деятельности с целью анализа результативности учебных дискуссий и практикумов проводилось контрольное анкетирование обучающихся. Содержательно в анкетах были отражены ведущие идеи, определяющие процесс формирования иммунитета личности сту-

дента к экстремистским идеям, что дало возможность зафиксировать в ходе опытно-поисковой деятельности динамику отношений к ним студентов.

С другой стороны, разработанная и апробированная в ходе опытно-поисковой работы модель педагогической профилактики проявлений экстремизма среди студентов предполагала последовательную реализацию трех ее этапов – методологического, методического и практического, каждый из которых был ориентирован на соответствующие по уровню обобщения ведущие идеи. Поэтому анкета студента содержала, наряду с инвариантной, «сквозной» для всех этапов частью, еще и небольшую вариативную часть, ориентированную только на конкретный этап. Это позволило выделить прямое и косвенное воздействие различных этапов педагогической профилактики.

Применение разнообразных методов опытно-поисковой работы предоставило возможность существенно повысить достоверность полученных эмпирических сведений. Были рассмотрены проблемы методологических вариаций исследования механизма радикализации политического поведения студентов, тенденции развития молодежного радикализма в организациях СПО, корреляция гражданских установок и различных проявлений радикализации правового сознания обучающихся, анализ активного политического поведения и особенностей дерадикализации студентов в педагогическом процессе и др. [13, 15, 16, 18, 19]. Следует отметить вклад Ю. Н. Зеленова, А. А. Бабушкина, М. М. Дудиной и Ф. Т. Хаматнурова, которые вместе с нами принимали участие в уточнении конкретных методических подходов к опытно-поисковой работе с преподавателями и студентами, что позволило конкретизировать отдельные частные аспекты исследования. Например, разнообразные проявления гражданских установок студентов организаций СПО в учебном процессе, влияние ведущих исторических идей на гражданские установки обучающихся, демонстративные особенности криминального экстремизма среди подростков и др. [14, 17, 18].

Так, анализ оценок, представленных в научной литературе, показывает, что в идейно-политическом аспекте значительная часть зарубежных и отечественных

исследователей отмечает устойчивую тенденцию повышения радикализации российской молодежи [178]. Данный подход служит одним из распространенных и перманентно культивируемых эмпирических обоснований концепций не только регрессивного развития Российской Федерации во всех областях жизнедеятельности – в социально-экономической сфере, политике, духовной культуре и науке, но и предреволюционного состояния страны и общества [194, 207, 210].

Как следствие, на научном и политическом уровне отмечается актуальность проведения психолого-педагогических и социологических исследований социальной ситуации и ее динамики в организациях СПО для актуального выявления факторов радикализации обучающихся [153, 156].

С целью получения объективизированных данных в рамках исследования сформулированных нами теоретической и прикладной проблем был применен методологический подход и сопоставление с результатами опытно-поисковой работы, выполненной Ю. Н. Зеленовым в 2012 г. среди 359 студентов организаций СПО г. Екатеринбурга [19, 68]. В 2021 г., т.е. с интервалом в девять лет, проведено аналогичное исследование среди 362 студентов I–III курсов образовательных организаций СПО г. Екатеринбурга, реализующих программы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена. Аналогично первому исследованию, выборочная совокупность респондентов представлена участниками возрастного диапазона 16–19 лет и была репрезентативной для обучающихся указанных курсов по данным специальностям образовательных организаций по полу, возрасту, а также уровню образования и успеваемости. Исследования проводились методом формализованного опроса, инструментарием которого являлась адаптированная специализированная анкета, состоящая из 56 вопросов [19, 68].

Рассмотрим на сущностном уровне результаты проведенного сравнительного исследования, построенного содержательно на соответствующих тематике исследования вопросах функционирования отечественной правовой системы, рассматривая в том числе вопросы обеспечения общественного правопорядка и безопасности граждан.

Полученные нами результаты опроса показали, что в случае представления заданий в нестандартной и неоднозначной для восприятия формулировке, т.е. при создании проблемной учебной ситуации, 26,2% опрошенных студентов организаций СПО в 2012 г. выразили согласие с абстрактной гипотетической точкой зрения, соответствующей тезису: «если законы несправедливы, то их можно не соблюдать», а спустя девять лет, в 2021 г. указанная группа респондентов уменьшилась в 3,2 раза и ее доля составила лишь 8,3% обучающихся. Именно эта относительно немногочисленная группа молодых людей в настоящее время при целенаправленном внешнем и внутреннем асоциальном пропагандистском влиянии потенциально может находиться в радикальной оппозиции к действующей правовой системе. При этом необходимо отметить, что 91,7% респондентов выражает лояльное отношение к законодательной системе, тогда как девять лет назад этот показатель был в 1,2 раза меньше и составлял 73,8% обучающихся. Всего исследование проводилось по 56 параметрам.

В целом, результаты опытно-поисковой работы демонстрируют, что показатели радикализации самосознания у студентов организаций СПО количественно неоднородно проявляются по отношению к рассматриваемым общественным явлениям – нормам права и идейно-политическим ценностям, элементам системы взглядов на этнокультурные и социальные отношения, профессиональное образование и социально-профессиональную структуру общества, общепринятые нравственные ценности и проявление нетерпимости к социальным недостаткам и упущениям.

Поиск педагогических решений актуальной и многогранной проблемы профилактики молодежного экстремизма среди студентов организаций СПО предполагает ее изучение как совокупности взаимосвязанных элементов, представляющих возможные общественные сферы проявления рассматриваемого явления, что предопределяет системный характер исследования.

На рисунке 4 показана динамика развития радикальных взглядов среди студентов в трех областях – правовая сфера (обозначено на рисунке словом «право»),

государственная власть (обозначение – слово «власть»), оценка вектора развития страны (обозначение – «развитие»). Аналогичное отношение к законам на уровне самооценки в 2012 г. выразили 26,2 % опрошенных студентов организаций СПО, в 2021 г. этот показатель в 3,2 раза меньше, и он составляет 8,3 %. Вероятность неприятия решений государственной власти в 2012 г. допускали 21,2 % обучающихся в организациях СПО, то в настоящее время всего 11,3 %, т.е. наблюдается снижение данного показателя в 1,9 раза. И наконец, считали, что «в последние 10 лет наша страна в целом развивается неправильным путем» 9 лет назад – 28,7% обучающихся юношей, в настоящее время – 19,2 %, т.е. почти в 1,5 раза меньше.

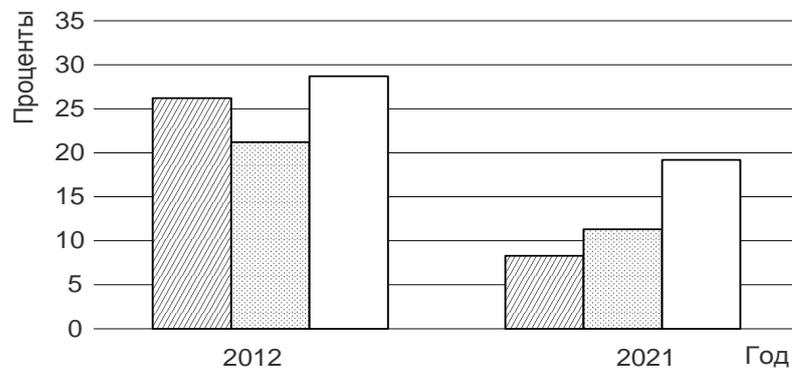

Рисунок 4 – Тенденции развития радикальных взглядов среди студентов организаций СПО
 □ – право; □ – власть; □ – развитие

Таким образом, сравнительное исследование 2021 г. выявило, что по сравнению с 2012 г., происходит постепенная дерадикализация самосознания студентов организаций СПО. Как следствие, следует отметить, что концепции регрессивного развития Российской Федерации во всех сферах общественной жизнедеятельности не имеют под собой эмпирической базы, носят умозрительный характер и являются антинаучными.

Качественные исследования в форме неформального интервью среди педагогических работников продемонстрировали, что по мнению 28,4 % опрошенных, методологической основой опытно-поисковой деятельности в области педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО должен

быть деятельностный подход к учению, т.е. учебные предметы выступают для студента не только как система определенных знаний, но и как деятельность, в процессе которой он может достигать субъективных целей. Молодые люди должны быть, с одной стороны, готовы противодействовать любым проявлениям радикализма и экстремизма, с другой стороны, они должны не только знать, в каких ситуациях на них может влиять экстремистская пропаганда, но и должны предвидеть цели и последствия этих воздействий – радикализацию личности студента и, естественно, конечные цели и последствия экстремистской деятельности – изменение основ общественной жизнедеятельности и т.д.

Деятельностный подход в педагогике – это такая организация учебно-воспитательного процесса, при которой обучающийся действует в качестве субъекта познания, труда и общения, у которого последовательно формируются учебные умения по осмыслению цели, разработке последовательности предстоящей деятельности, ее исполнению и регулированию, проведению самоконтроля, анализа и оценки достижений собственной деятельности (В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин) [56, 99].

Одним из существенных показателей становления личности обучающегося в учебно-воспитательном процессе является *готовность к деятельности* (В. А. Крутецкий, К. А. Платонов, С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе). В психолого-педагогической литературе, при рассмотрении готовности к различным формам самостоятельной деятельности, выделяют следующие два основных подхода к его содержанию.

В первом подходе – *функциональном направлении* – готовность рассматривается как специфическое состояние, целостное самопроявление личности во взаимосвязи с ее установками (С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе). Установка личности – это выработанная ею позиция, заключающаяся в конкретном отношении к актуальным целям и задачам, и выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на ее осуществление (С. Л. Рубинштейн) [141]. С другой стороны, установка как субъективная готов-

ность к деятельности – это перенос в субъективное состояние объективной ситуации (Д. Н. Узнадзе) [155].

Второй подход – это *личностный подход* – готовность здесь представляет собой единство свойств личности, обуславливающих ее способность к определенной деятельности. К ним относят, как правило, не только активное, но и положительное отношение к самому процессу (В. А. Крутецкий) [92]. В структуре личности К. К. Платонова начало становления готовности определено системой взаимозависимых знаний, умений и навыков, т.е. подструктурой опыта [136].

Указанные подходы были реализованы в процессе организации констатирующего этапа опытно-поисковой работы среди студентов организаций СПО. Рассмотрим результаты исследования:

- лишь 7,4 % опрошенных студентов уверены, что они знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать радикалом»;

- еще меньше – 6,3 % респондентов полагают, что знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать экстремистом»;

- 6,8 % представителей учащейся молодежи ответили, что знают и могут «спрогнозировать, как можно преодолеть сложные социально-психологические ситуации, ведущие молодого человека к какой-либо форме радикализма и экстремизма»;

- 7,2 % обучающихся утверждают, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации спортивного радикализма и экстремизма молодежи в спорте и обществе»; среди обучающихся эти данные идентичны 7,2 % и 8,2 % – увеличение в 1,1 раза;

- 7,3 % опрошенных считают, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния спортивного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»;

- 6,2 % обучающихся выразили готовность «противодействовать любым проявлениям спортивного радикализма и экстремизма»;
- 6,6 % респондентов указали, что знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации национального радикализма молодежи в обществе»;
- также 6,6 % молодых людей отметили, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации национального экстремизма молодежи в обществе»;
- 6,7 % исследуемых студентов уверены, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»;
- 6,9 % репрезентантов утверждали, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»;
- 6,4 % опрошенных студентов выразили готовность «противодействовать любым проявлениям национального радикализма и экстремизма»;
- 6,9 % респондентов полагают, что знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации социального радикализма молодежи в обществе»;
- 6,7 % представителей ответили, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации социального экстремизма молодежи в обществе»;
- 6,5 % обучающихся утверждали, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»;
- 7 % представителей юношества уверены, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»;
- 6,4 % обучающихся выразили готовность «противодействовать любым проявлениям социального радикализма и экстремизма»;

- 7,7 % респондентов указали, что знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации религиозного радикализма молодежи в обществе»;
- 7,5 % молодых людей считают, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации религиозного экстремизма молодежи в обществе»;
- 7,3 % студентов отметили, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»;
- 7,1 % репрезентантов утверждают, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»;
- 7 % опрошенных студентов выразили готовность «противодействовать любым проявлениям религиозного радикализма и экстремизма»;
- 7,1 % респондентов полагают, что знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации левого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»;
- 6,8 % представителей обучающихся ответили, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации левого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»;
- 6,7 % обучающихся утверждают, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»;
- 6,6 % опрошенных представителей студентов уверены, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»;
- 6,5 % обучающихся выразили готовность «противодействовать любым проявлениям левого идейно-политического радикализма и экстремизма»;
- 7,4 % респондентов указали, что знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации правого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»;

- 7,2 % молодых людей считают, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации правого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»;
- 7 % исследуемых студентов отметили, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»;
- 7,2 % респондентов утверждали, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»;
- 7 % опрошенных студентов выразили готовность «противодействовать любым проявлениям правого идейно-политического радикализма и экстремизма».

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что по 25 рассмотренным вопросам, предполагающим, что студенты не только знают, но и могут спрогнозировать негативные последствия влияния или реализации различных форм радикализма или экстремизма, усредненные количественные показатели равны только 7 %, а по 6 вопросам, отражающим субъективную готовность учащейся молодежи противодействовать любым проявлениям различных форм радикализма и экстремизма, средние количественные показатели еще меньше и равны лишь 6,6 %.

Как следствие, в образовательных организациях СПО актуализируются проблемы формирования у студентов не только знаний, но и умений спрогнозировать негативные последствия влияния или реализации различных форм радикализма или экстремизма, становления субъективной готовности учащейся молодежи противодействовать любым проявлениям различных форм радикализма и экстремизма.

2.2. Модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды

Моделирование является общенаучным методом исследования и широко применяется во всех предметных областях. В педагогике его особую популярность можно объяснить универсальностью и многофункциональностью, поскольку позволяет получить наглядно-образное представление об изучаемом объекте, его свойствах и значимых отношениях (дескриптивная функция моделирования), выполнить прогноз возможных изменений и установить условия их определяющие (прогностическая функция), но и задать критерии, регламент, т.е. собственно – построить ожидаемый «образ» (от лат. *modulus* – образец, пример, аналог) изучаемого объекта (нормативная функция) [5].

Для нашего исследования наиболее значимыми функциями моделирования являются дескриптивная и нормативная. При выполнении комплексного анализа экстремистских проявлений в молодежной среде и сложившейся системы профилактики в отечественных научных источниках часто используется метод моделирования именно как метод, позволяющий структурировать известную информацию и объяснить свойства изучаемого явления или процесса, через изучение выполненной абстрактной модели получить новую информацию о нем и ответить на вопрос «как должно быть?».

С другой стороны, анализ педагогической теории и практики, в которой исследуются разнообразные типы педагогических условий, в том числе – организационно-педагогические (В. А. Беликов, С. Н. Павлов и др.), психолого-педагогические (А. В. Круглия, А. О. Малыхина и др.) и дидактические (М. В. Рутковская и др.), показывает, что педагогические условия, в общем, отображают совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды: целенаправленно конструируемые меры воздействия и взаимодействия субъектов образования. Отсюда, они включают в себя содержа-

ние, формы, методы, приемы и средства учебно-воспитательного процесса [177]. Как следствие, рассмотренные модели входят в педагогические условия как атрибут.

Данные подходы следует дополнить концепцией педагогического процесса как способа организации воспитательных отношений, заключающегося в целенаправленном отборе и использовании внешних факторов развития участников (преподаватель – обучающиеся) данных отношений. Как известно, у любого преподавателя педагогический процесс всегда имеет структуру, состоящую из шести последовательно взаимосвязанных элементов: цель→принципы→содержание→методы→средства→формы [12, 140].

Следует отметить, что качественные исследования в форме неформального интервью среди 349 педагогических работников организаций СПО выявили, что методологической основой разработки модели педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО должны быть следующие подходы: системный подход – его отметили 26,7 % респондентов; личностно-ориентированный – на него указали 23,4 % педагогических работников; проблемно-развивающий подход – здесь показатель равен 22,8 %; интегративный подход – выделили 22,3 % и компетентностный подход – 21,2 % преподавателей.

В научных исследованиях *системный подход* традиционно трактуется как направление универсальной методологии научной познавательной деятельности, которая анализирует любой объект как систему – совокупность находящихся в определенных отношениях и взаимодействиях элементов (И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин) [21]. Для нашего педагогического исследования теоретическую и прикладную значимость имеет интерпретация системы как множества сущностей вместе с отношениями между данными сущностями и их атрибутами; как следствие, система выступает как способ организации действий, который охватывает любой род деятельности, выявляя закономерности и взаимосвязи с целью их более эффективного использования (А. Д. Холл, Р. Е. Фейджин) [177].

Выделим базовые принципы системного подхода:

- *целостность* как диалектический анализ системы, допускающий одновременно ее отдельное изучение в виде единого объекта и одновременно в качестве одной из подсистем других уровней;
- *иерархичность строения* как существование множества (не менее, двух) элементов, исходя из взаимной соподчиненности элементов различного уровней;
- *структуризация* как анализ в организационной структуре не только изолированных отдельных элементов, но и их взаимные связи в рамках конкретной организационной структуры;
- *множественность* как представление не только изолированных элементов, но и всей системы через разнообразие математических, кибернетических и экономических моделей.

Системный подход, благодаря последовательной реализации принципов целостности, иерархичности строения элементов, их структуризации и множественности, позволяет эффективно и продуктивно не только организовать, но и управлять целостным педагогическим процессом [8, 21, 177].

Личностно-ориентированный подход представляет собой отечественное этикогуманистическое педагогическое явление, устанавливающее признание уникальности личности студента, сотрудничества, диалога, последовательной индивидуализации учебно-воспитательного процесса (Е. В. Бондаревская, Н. О. Вербицкая, Л. Н. Духанина, В. В. Сериков, И. С. Якиманская) [24, 61, 184, 185]. С позиций нашего исследования мы выделяем наиболее значимую для формирования индивидуального иммунитета к экстремистской пропаганде, научную интерпретацию В. В. Серикова, который, развивая взгляды С. Л. Рубинштейна, считал, что личностно-ориентированный подход в обучении – это превращение учебно-воспитательного процесса в сферу самоутверждения личности обучающегося, позволяющую актуализировать и проявлять сущность личности учащегося через ее способность формировать определенную самостоятельную позицию. Педагогическим средством для данного процесса является разработка и организация преподавателем «личностно утверждающей» ситуации [144, с. 12].

Основными педагогическими принципами, создающими условия для создания личностно утверждающей ситуации, являются:

- 1) «педагогика сотрудничества» – этико-гуманистический принцип диалога педагога и обучающегося;
- 2) принцип свободы личности учащегося в самостоятельном выборе приоритетов в формировании личностного опыта в образовательном процессе;
- 3) приоритет принципа индивидуальной ответственности за результаты образовательного процесса как альтернативный вариант коллективному обучению;
- 4) организация направленного на развитие и саморазвитие своеобразных личностных качеств обучающегося педагогического процесса (с индивидуальными целями, значимым содержанием, освоенными технологиями) [145, с.19-20].

Личностно-ориентированный подход позволяет актуализировать в учебном процессе осмысленный обучающимся индивидуальный опыт поведения в жизненной ситуации как его личностный потенциал. Декларируется критерий состоявшейся личности обучающегося – ее независимость от созданной педагогом личностно-ориентированной ситуации, что позволяет учащемуся проявлять качества субъекта и стремиться к ее преобразованию [145, с. 89].

Проблемно-развивающее обучение – это тип обучения, в котором согласовываются регулярная поисковая учебная работа обучающихся с изучением включенных в содержание образования в СПО имеющихся актуальных выводов науки, а совокупность методов обучения составлена с учетом выделенных целей и принципа проблемности; скоординированная деятельность преподавателя и студентов ориентирована на качественное изменение индивидуальности студента и успешную социализацию его личности (И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, М. И. Махмутов, В. Оконь) [100; 105; 106, с. 255; 132].

Базовым фактором данного типа обучения является *принцип проблемности*, отображающий законосообразные изменения педагогом структуры содержания изучаемого студентами учебного материала и комбинирование методов обучения

с опорой на познавательные логические противоречия процедуры обучения и обосновывающий способы применения этих закономерных изменений в соответствии с принятыми целями обучения, развития интеллектуальных способностей студентов и их воспитания [106].

Два взаимосвязанных понятия – «проблемная ситуация» и «учебная проблема» – являются ключевыми для проблемно-развивающего обучения [106, 107].

Проблемная ситуация – это созданный преподавателем специфический тип мыслительного взаимодействия субъекта (студента) и объекта (учебное задание), характеризующееся субъективным требованием открыть и усвоить ранее неизвестные обучающемуся знания (способы действия) [105, 106].

Учебная проблема – это субъективный феномен, возникший благодаря преподавателю в сознании студента в идеальной форме, элементами которого являются для него «известное» и «неизвестное», т.е. это учебно-познавательная проблема, особенностью которой является противоречие между имеющимися у данного студента знаниями, умениями, отношениями и объективно представленным требованием [105].

Проблемно-развивающий подход ведет к качественным изменениям в системе мотивации студента, развитию его эмоциональной и интеллектуальной сфер, индивидуальных способностей.

Концепции и теоретические идеи интегративного подхода к различным элементам педагогического процесса (О. Б. Акимова, Б. Н. Гузанов, Е. А. Казаева, А. Г. Кислов, А. Н. Леонтьев, Н. К. Чапаев), ведущих к синергетическому социокультурному воспитательному эффекту и позволяющих сформировать у учащегося способность к осознанию индивидуальной иерархии мотивов, личностного смысла в повседневной учебной деятельности и, как следствие, воспринять свободу выбора действий сообразно своим мотивам. Это позволяет самостоятельно вносить изменения в индивидуальную иерархию обозначенных мотивов, что является основой аргументированного противостояния личности учащегося внешнему социальному давлению и даже собственным внутренним импульсивным

желаниям, происходит разностороннее гражданское становление «сознательной личности» учащегося [4, 54, 83, 86, 99, 179].

Компетентностный подход (Б. Н. Гузанов, Э. Ф. Зеер, П. Ф. Кубрушко, Дж. Равен, Р. Стернберг), который, на основе идей Дж. Равена и Р. Стернберга, предполагает продолжительную осознанную практику, показателями которой являются повышенная степень мотивации к процессу учения, непрерывная инверсионная оценка уровня безошибочности своих действий, значительность и точность проработки исходного материала, активность и оригинальность личности учащегося. В совокупности, указанное способствует преодолению неадекватных убеждений, ценностей и установок [54, 67, 93, 110, 139, 146].

Исследования среди педагогических работников организаций СПО выявили терминологическую неупорядоченность в знании ими базовых понятий, определяющих процесс педагогической профилактики молодежного экстремизма среди студентов.

Обобщая особенности рассмотренных выше подходов, считаем необходимым терминологически развести и педагогически интерпретировать понятия радикализм и экстремизм применительно к обучающейся молодежи организаций СПО.

Экстремизм студента организации СПО – это социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы и догматическую абсолютизацию практической возможности неправомерного насильственного ее изменения.

Радикализм студента организации СПО – это социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы при формальной практической лояльности к ней; в то же время в условиях объективного или субъек-

тивного кризиса, он может допускать возможность неправового изменения системы, что может являться исходным этапом детерминированного становления экстремистских воззрений.

Основываясь на концептуальном подходе Ю. Н. Зеленова, можно отметить, что *сущностной особенностью педагогической профилактики молодежных экстремистских проявлений в организациях среднего профессионального образования представляется систематическое педагогическое воздействие на развитие направленности личности студента, предупреждающее или устраняющее воздействие факторов социального риска, которые определяют становление ее ориентации на экстремистскую деятельность, а также, при необходимости, социальная реабилитация обучающихся, попавших под такое влияние.*

Целью процесса педагогической профилактики является формирование *иммунитета личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде*, под которым понимается научно обоснованная индивидуальная неподверженность студента прямо и косвенно насаждаемым субъективным ненаучным эклектичным идеям и аргументам, догматически отвергающим закономерно сложившиеся в обществе духовные, культурные, правовые, политические, социально-экономические традиции, ценности и принципы социального устройства на основе реализации содержания, форм и методов педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО при реализации педагогами принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму в едином последовательном взаимозависимом учебно-воспитательном процессе на учебных занятиях.

43,7 % опрошенных педагогических работников считают, что радикализация студентов организаций СПО связана с объективным или субъективным возникновением потенциально рискованных социальных ситуаций в условиях неконтролируемого распространения экстремистских идей среди молодежи, которые повышают требования к отбору содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики экстремизма. На основе качественных исследова-

ний в форме неформализованного интервью среди педагогов СПО был разработан принцип вариативности профилактики и взаимосвязанный с ним принцип нулевой терпимости к экстремизму в следующих редакциях:

Принцип вариативности профилактики экстремизма – требование к отбору содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики экстремизма в организациях СПО, основанное на возможности рассмотрения студентами потенциально рискованных социально-психологических ситуаций с учетом амбивалентных подходов: во-первых, с субъективного ненаучного эклектичного подхода; во-вторых, с объективного научного системного подхода.

Принцип нулевой терпимости к экстремизму – требование к отбору содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики экстремизма в организациях СПО, обоснованное объективным научным системным подходом возможности формирования однозначно нетерпимой реакции студентов на проявления субъективного ненаучного бескомпромиссного идейного неприятия элементов закономерно сложившейся общественно-политической системы и стремления неправового насильственного ее изменения.

Обоснованность и эффективность профилактики молодежного экстремизма зависит от целенаправленной реализации педагогами в едином последовательном взаимозависимом педагогическом процессе на учебных занятиях принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму. Принцип вариативности профилактики экстремизма детерминирует классификацию обучающимися множества внешне разнородных аргументов различных социальных позиций лишь на две противоположные группы – научные и ненаучные, а принцип нулевой терпимости к экстремизму, требуя сопоставления в процессе занятия обеих групп аргументов, полностью нейтрализует ненаучные субъективные аргументы, оставляя в качестве интегративного учебно-воспитательного результата – инвариант научных аргументов и объективного системного подхода. В единстве данные принципы носят для процесса профилактики концептуальный характер,

детерминируя систематизированное формирование у студентов иммунитета к пропагандистскому влиянию экстремизма (рисунок 5).

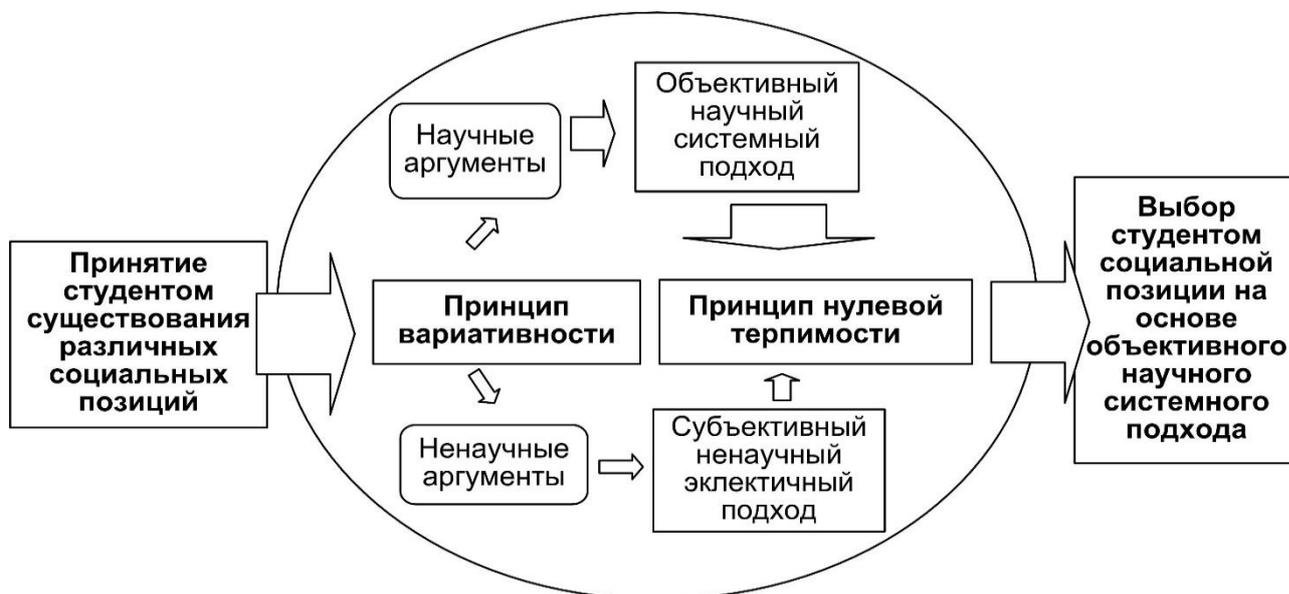

Рисунок 5 – Взаимозависимая реализация принципов вариативности профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму на учебно-воспитательных занятиях в организациях СПО

Исследования показали, что педагоги выделяют и некоторые традиционные принципы, которыми они дополнили разработанные нами в процессе опытно-поисковой работы. При этом в новых исторических реалиях преподаватели сместили акценты в соответствии с учебно-воспитательными проблемами педагогической профилактики [14].

34,8 % опрошенных преподавателей организаций СПО обозначили *принцип демократизации* как атрибут педагогической профилактики экстремизма в студенческой среде.

Данный многозначный принцип требует конструктивного взаимодействия преподавателя и студента не только в сложном образовательном процессе, и в сопровождающих его отношениях внеаудиторной деятельности в организациях СПО, индивидуально-ориентированной организаторской активности кураторов при открытом для общественного влияния и контроля педагогическом процессе. Принцип предполагает оптимизированное нормативно-правовое обеспечение

взаимодействия деятельности педагогов и студентов, способствующее их защите от проблематичных влияний социальной среды. Принцип демократизации объективно не только вводит и развивает студенческое самоуправление, но и расширяет возможности педагогического коллектива, без которого невозможно сформировать эффективную систему самообучения, самовоспитания и, как следствие, самообразования студентов.

Принцип гуманизации учебно-воспитательного процесса, как составную часть профилактики экстремистских проявлений студентов, в организациях СПО выделили 32,9 % респондентов. Наряду с последовательной реализацией ориентации педагогического процесса на системное развитие и саморазвитие личности как студента, так и педагога, данный принцип, по мнению работников СПО, предполагает новую интерпретацию приоритетных общечеловеческих ценностей – они должны в настоящее время приобрести действительно универсальный характер и отражать гармонизированные потребности, интересы и взгляды всех участников динамичного образовательного процесса с учетом их индивидуальных способностей и развивающихся возможностей при адекватном отношении к признанным с различных позиций гражданским правам студентов и преподавателей.

Принцип гуманизации является одним из условий развития мотивационного сопровождения процесса самообучения и самовоспитания.

32,3 % опрошенных работников организаций СПО указали на значимость *принципа единства и непротиворечивости действий*, реализуемого в целях конструирования интегративного педагогического процесса как совокупности элементов, преодоления в ней естественных и искусственных противоречий, организации устойчивых связей и взаимоотношений между различными сферами социальной активности студентов, становления и развития взаимной ответственности за результативность учебно-воспитательного процесса всех его участников.

В ходе опытно-поисковой работы из множества педагогических методов преподаватели выделили практические действия, позволяющие повысить эффективность процесса воспроизведения, передачи, освоения и применения контента

учебно-воспитательного процесса, т.е. *методов оптимального образования студентов*.

Так, метод «убеждение» указали 36,2 % педагогических работников организаций СПО; «самостоятельная работа» – 29,8 %; «сбор новых фактов» – 29,2 %; «актуализация» – 28,7 %; «проблематизация» – 26,2 %.

Рассмотрим конспективно обозначенные педагогами методы.

Убеждение, по мнению опрошенных педагогов, является одним из ведущих методов организаторского и педагогического воздействия на сознание, чувства и волевую сферу обучающихся, направленным на формирование определенных качеств личности и применяемым с целью разъяснения и доказательства правильности либо неправильности каких-либо действий.

Самостоятельная работа – метод целеустремленного активного усвоения студентами знаний и умений без прямого включения в этот процесс педагогических работников.

Сбор новых фактов – метод получения студентом новых фактов, их систематизация, обработка и трансформация в систему знаний.

Учебная актуализация – метод, позволяющий трансформировать учебный материал в актуальный, лично значимый для обучающихся за счет извлечения его из долговременной или кратковременной памяти для практического использования. Метод способствует переводу ранее освоенного учебного материала из потенциального состояния, в статус актуального, адекватного современным требованиям.

Учебная проблематизация – метод обучения правилам постановки учебных проблем с целью их решения. Важно учитывать при этом, что возможна как конструктивная проблематизация, ведущая к решению, так и удаляющая от решения – деструктивная.

Понятие «педагогические средства» включает целый ряд разнообразных объектов материальной и нематериальной культуры, используемых для решения педагогических задач – природные объекты, физические объекты, созданные че-

ловеком: изобразительные, графические, символные, звуковые, например, «учебное оборудование», «наглядные средства», «мультимедиа» и др.

Педагогические работники выделили ряд средств, которые, по их мнению, повышают эффективность педагогической профилактики проявлений экстремизма в организациях СПО: 62,7 % преподавателей указали учебники; учебные пособия – 59,3 % респондентов; учебное оборудование – 37,6 % опрошенных; персональные компьютеры – 36,8 %; электронные ресурсы – 34,8 %; интернет – 34,3 %; учебные средства мультимедиа – 32,9 % опрошенных представителей педагогических коллективов СПО.

Ключевое место в образовательном процессе занимает педагогическая форма – постоянная цельная организация педагогического процесса в согласованности его составных компонентов. Преподаватели системы СПО выделили применяемые при организации педагогической профилактики молодежного экстремизма в СПО следующие формы организации педагогического процесса: 29,8 % педагогических работников указали «проблемную лекцию»; 24,2 % представителей преподавателей – «учебный диспут»; отметили «учебную эвристическую дискуссию» 22,6 % респондентов; «консультацию» – 19,2 %; «зачет» – 18,9 % опрошенных преподавателей.

Проблемная лекция – в отличие от традиционного занятия педагог в ходе монологического изложения предлагает дилеммы – полемические доводы с альтернативными идеями, приводит проблемные ситуации, обращает интерес студентов на сущность предлагаемых ситуаций и необходимость их разрешения, вовлекает молодых людей в активную самостоятельную учебно-познавательную деятельность творческого характера.

Учебный диспут (от лат. *dispute* – рассуждаю, спорю) – способ исследования учебной проблемы, направленный на решение неочевидной учебно-научной и (или) социальной задачи, организуемый в учебно-воспитательном процессе СПО в виде аудиторного образовательного интеллектуального состязания (спора) между сторонниками противоположных взглядов с привлечением внешних специали-

стов-экспертов. Главной целью учебного диспута является обсуждение различных позиций, отражающих видение исследуемой проблемы и предполагаемые варианты решения учебно-научной задачи.

Учебная эвристическая дискуссия – форма проведения образовательного занятия в организации СПО, предполагающая коллективное рассмотрение и публичное обсуждение проблемного вопроса, развивающая рефлексивное мышление, умение аргументированного изложения своей позиции, ориентированная на формирование внимательного и вдумчивого отношения к мнению оппонентов.

Консультация – это учебное занятие, реализуемое чаще всего в виде беседы преподавателя со студентами для расширения и углубления их знаний в изучении определенной предметной области.

Зачет – форма проверки знаний обучающихся, предполагающая оценку педагогическим работником качества выполнения студентом учебного задания.

Обобщая результаты проведенной опытно-поисковой работы и учитывая выполненный выше анализ описанных теоретических положений и практического отечественного и зарубежного опыта, представим разработанную нами модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды.

Конструктивно данная модель состоит из трех основных компонентов: целевого, организационно-содержательного и результативного. Каждый компонент, в свою очередь, включает в себя три этапа как последовательных стадий единого процесса профилактики экстремизма со своими специфическими проявлениями педагогических условий, результатом которых является достижение соответствующего уровня (показателя) развития иммунитета к экстремистским идеям: методологического, методического и практического.

Данные наименования и сущностные характеристики этапов были выведены исходя из концептуального подхода А. М. Новикова, выделяющего, в том числе для педагогов и обучающихся, три уровня познавательной деятельности, которые можно определить как методологический, методический и практический. Ос-

новой каждого уровня является наука, как деятельность по выработке и систематизации объективных знаний о действительности [127, с. 18–179]. Как следствие, мы выделяем методологический этап, связанный с общесистемным подходом, содержательно отражающим наиболее общие и существенные закономерные связи не только между различными системами – государственно-общественными образованиями, но и между элементами внутри отдельного государственно-общественного образования [181, с.114-123]. Методический этап связан с применением методов системного подхода к определенным предметным ограничениям изучаемого объекта [127; 181, с. 129-143, 148-173], т.е. здесь отражаются более разнообразные по форме закономерности проявления связей в системе отношений на уровне регионально-национального образования. Прикладной этап, отражающий закономерности онтогенеза личности студента СПО и его социального окружения, связан с применением конкретных методов системного подхода к изучаемым объектам, существующим на практике отдельно и обладающим разнообразной по формам проявления индивидуальной качественной и количественной определенностью [127, с. 171–239; 181, с. 190–236].

В модели профилактики молодежного экстремизма данные структурные элементы определены следующим образом:

1) методологический этап – это дидактические условия, способствующие формированию у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на функционирование и развитие Российской Федерации и международного сообщества; 2) методический этап – совокупность определенных организационно-педагогических и дидактических условий, позволяющих формировать у студентов убеждения о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма и радикализма на регионально-национальную жизнедеятельность субъектов Российской Федерации; 3) прикладной этап – совокупность организационно-педагогических и психолого-педагогических условий, содействующих формированию у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстре-

мизма на индивидуальную жизнь личности студента, окружающих его товарищей и педагогических работников.

Целевой компонент	Социальный заказ		
	Российское общество и международное сообщество	Регион, город	Организация СПО и сфера частной жизни студентов
Цель: формирование у студентов предрасположенности к усвоению системного научного знания и иммунитета к эклектичному пропагандистскому влиянию экстремизма			
Организационно-содержательный компонент	Методологический этап профилактики	Методический этап профилактики	Прикладной этап профилактики
	Содержание: на занятиях преподаватели, последовательно реализуя принципы вариативности педагогической профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму, создают дидактические условия для формирования у студентов убеждений в прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на функционирование и развитие России и международного сообщества	Содержание: на занятиях преподаватели при последовательной реализации принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму создают организационно-педагогические и дидактические условия для формирования у студентов убеждений в прогнозируемом негативном влиянии экстремизма и радикализма на регионально-национальную жизнедеятельность субъектов Российской Федерации	Содержание: на занятиях преподаватели при последовательной реализации принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму создают организационно-педагогические и психолого-педагогические условия для формирования у студентов убеждений в прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на индивидуальную жизнь студента и окружающих его товарищей и педагогических работников
	Методологическая основа: системный, личностно-ориентированный, проблемно-развивающий подходы		
	Основные принципы: вариативность профилактики экстремизма, нулевая терпимость к экстремизму		
	Содержание: учебный материал, диалектически объединяющий позитивный научный опыт и негативный антинаучный экстремистский опыт решения разнообразных общественных и личных проблем		
	Основные средства: курсы лекций, справочники, специализированное оборудование, персональные компьютеры, электронные библиотеки, образовательные ресурсы интернета		
	Методы: самостоятельная работа, сбор новых фактов, учебная актуализация, учебная проблематизация, убеждение		
	Формы работы: проблемная лекция, практикум, учебный диспут, учебная эвристическая дискуссия, консультация, зачет		
Результативный компонент	Уровни иммунитета личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде		
	Методологический уровень	Методический уровень	Прикладной уровень
	Критерии уровня: однозначное осознание студентами исторической бесперспективности экстремистских идей при их практической реализации на общегосударственном и международном уровне	Критерии уровня: однозначное осознание студентами идейно-политической и социально-экономической бесперспективности реализации экстремистских идей на уровне региона	Критерии уровня: однозначное осознание студентами бесперспективности экстремистских идей при их практической реализации на уровне индивидуальной жизнедеятельности обучающихся и функционирования организации СПО
	Интегративный результат		
Саморазвитие у студентов предрасположенности к усвоению системного научного знания и иммунитета к антинаучному эклектичному пропагандистскому влиянию экстремизма			

Рисунок 6 – Модель педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды

Интегративным результатом реализации данных этапов является саморазвитие студентов (развитие у них предрасположенности к усвоению системного на-

учного знания и поэтапное формирование иммунитета к эклектичному пропагандистскому влиянию экстремизма) (рисунок 6).

2.3. Результаты опытно-поисковой работы по педагогической профилактике молодежного экстремизма в организациях СПО

В соответствии с задачами исследовательской работы была проведена опытно-поисковая работа по внедрению в учебно-воспитательный процесс организаций СПО разработанной модели педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды.

В п.2.2. представлено графическое изображение модели, включающей три основных этапа – методологический, методический и прикладной, как последовательных стадий единого процесса *педагогической профилактики проявлений экстремизма среди студентов организаций СПО. Результатом каждого этапа являлось последовательное достижение соответствующего уровня (показателя) развития иммунитета к экстремистским идеям* (рисунок 6). Рассмотрим последовательно результаты внедрения каждого из этапов.

Методологический этап педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды. Данный этап рассматривал систему научных методов как средство изучения последствий реализаций субъективных ненаучных эклектичных экстремистских идей на функционирование и развитие современного общества, сформированного на базисе сложных взаимосвязей и взаимозависимостей разнообразных идеологических, политических, социокультурных и экономических детерминант. На занятиях педагоги, последовательно реализуя *принципы вариативности педагогической профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму*, создают дидактические условия для формирования у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на функционирование и развитие Российской Федерации и международного сообщества.

Содержательно цель учебно-воспитательной работы на данном этапе профилактики – однозначное осознание студентами исторической бесперспективности экстремистских идей при их практической реализации на общегосударственном и международном уровне. Достижение цели является признаком успешности реализации методологического этапа, т.е. его критерием.

Преподаватели, например, при проведении стандартных плановых занятий по учебной дисциплине «обществознание» в рамках учебной темы 1.9. раздела «Многообразие мира общения. Угрозы XXI века» изучали учебный вопрос «Терроризм как важнейшая угроза современной цивилизации».

Преподаватели использовали такие *формы проведения занятий*, как проблемные лекции, практикумы, эвристические дискуссии и учебные диспуты. Эти формы позволили моделировать ситуации прямого столкновения студентов с экстремистскими идеями. На занятиях преподаватели использовали *методы самостоятельной работы, учебного поиска, убеждения, учебной актуализации и проблематизации*. Большое значение при подготовке содержания занятий должно придаваться формированию у студентов однозначного убеждения о негативном влиянии экстремизма на все сферы общественной жизни.

Студенты с научных позиций системно рассматривали содержание понятий «экстремизм», «радикализм» и «терроризм», анализировали формы проявления, например, различных направлений политического радикализма и экстремизма, детерминированного не только внутренними противоречиями данного общества и государственного образования, но и искусственно культивируемого отдельными зарубежными государствами и международными организациями. Например, на рубеже XX–XXI вв. африканское государство Ливия была относительно развитой страной с точки зрения организации органов государственного управления, уровня медицинской помощи, образования, социального обеспечения населения и уровня жизни и др. Волюнтаристическая критика государственной системы, управления систем здравоохранения, образования, социального обеспечения и обеспечения прав человека привела к интервенции стран НАТО в 2011 г. След-

ствием этого явилось разрушение ливийской государственности. В настоящее время на данной территории сосуществуют нескольких деградировавших в своем развитии мелких политически несамостоятельных квазигосударств с родоплеменными отношениями и деградировавшей системой управления, не обеспечивающей социально заметного уровня здравоохранения, образования, прав человека и т.д.

Студенты приводили аналогичные примеры из истории развития других стран Африки, Азии и Латинской Америки.

В целях повышения степени осознанности восприятия учебного содержания, закрепления знаний, а также для формирования индивидуального опыта применения полученного комплекса информации и практических умений, студентам были предложены для выполнения трехуровневые диагностические задания, т. е. задания, позволяющие объективно диагностировать достигнутый уровень усвоения знаний и умений, применявшихся в профилактической работе преподавателей.

Особую сложность в современном мире вызывает изучение таких вопросов учебного предмета обществознания, как: человек в группе; общение как основная деятельность человека; проблемы межличностного общения в молодежной среде; сущность межличностных конфликтов; истоки конфликтов в среде молодежи; особенности современного мира, процессы глобализации; современные войны, их опасность для человечества. В целом ряде стран культивируется система догматических антинаучных взглядов, отражающих неадекватное отношение к жителям России, ведущих к сознательной дискредитации и дискриминации носителей российской культуры и т.д. [203].

При изучении темы 2.3 «Этнические общности» особенно уделяется внимание научному анализу национальных интересов и их противоречивости, межнациональным конфликтам, их причинам и типологии.

Изучение и анализ этих вопросов с системных научных позиций привел к тому, что, по сравнению с констатирующим этапом опытно-поисковой работы,

замеры анкет, специализированных на содержание занятий методологического этапа профилактики, продемонстрировали, что возросло с 7,1 % до 64,8 %, т.е. в 9,1 раза, количество студентов в экспериментальных группах, считающих, что «экстремистские идеи при их реализации в обществе приводят к его деградации»; в контрольных группах данные показатели равны 7,4 % и 8,3 %, рост в 1,1 раза, т.е. в 8,3 меньше, чем в первом случае.

Почти 10 раз, а именно с 6,3 % до 62,9 %, увеличилось количество опрошенных студентов ЭГ, утверждающих, что «экстремистские идеи, при их реализации в государстве, приводят к его полному разрушению и хаосу»; среди обучающихся КГ эти показатели продемонстрировали рост в 1,2 раза и составили, соответственно, 6,7 % и 8,1 %.

Изменилось с 6,9 % до 63,7 %, таким образом, в 9,2 раза, число респондентов ЭГ, полагающих, что «экстремистские идеи, при их реализации на международном уровне, приводят к громадным разрушительным войнам между государствами»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 7,2 % и 8,1 % – нарастание в 1,1 раза.

Выросло с 6,8 % до 64,2 %, а именно в 9,4 раза, число представителей ЭГ, ответивших, что «экстремистские идеи, при их реализации в государстве, приводят к ожесточенной разрушительной гражданской войне»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 6,9 % и 8,2 % – возрастание в 1,2 раза.

Исследования, ориентированные на «сквозные» замеры всех этапов профилактической работы, выявили несколько другие результаты. Одновременно, хотя и не так существенно, изменилось с 6,9 % до 28,9 %, т.е. возросло в 4,2 раза, общее число респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации национального радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 6,4 % и 9,7 % – нарастание в 1,5 раза.

Возросло в 4,2 раза, т.е. с 6,8 % до 28,6 %, число молодых людей ЭГ, считающих, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия

реализации национального экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 6,3 % и 9,4 % – возрастание в 1,5 раза.

Также в 4,2 раза, т.е. с 6,6 % до 27,8 % увеличилась группа исследуемых студентов ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равны 6,7 % и 9,2 % – повышение в 1,4 раза.

Расширилась с 6,7 % до 27,8 %, т.е. в 4,1 раза, совокупность репрезентантов ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 7,1 % и 8,9 % – увеличение в 1,3 раза.

Выросла в 4,2 раза, т.е. с 6,6 % до 27,6 %, доля опрошенных студентов ЭГ, заявивших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям национального радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 6,2 % до 8,4 % – рост в 1,4 раза.

После сопоставления системного научного анализа с эклектичным ненаучным обзором ошибочных воззрений по теме 2.5 «Социальная роль и статус, социальный конфликт» произошли изменения в восприятии студентами социального радикализма и экстремизма.

Умножилось в 4,3 раза, а именно с 6,8 % до 29,4 %, число респондентов ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации социального радикализма молодежи в обществе»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 6,9 % и 8,6 % – нарастание в 1,2 раза.

Изменилась с 6,7 % до 28,3 %, а именно выросла в 4,2 раза, совокупность представителей ЭГ, уверенных в том, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации социального экстремизма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 6,6 % и 8,4 % – возрастание в 1,3 раза.

Поднялась с 6,4 % до 27,8 %, в результате, в 4,3 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждающих, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 6,6 % и 8,3 % – увеличение в 1,3 раза.

Расширилась с 6,9 % до 28,1 %, в целом в 4,1 раза, группа опрошенных представителей ЭГ уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 7,1 % и 8,2 % – наращение в 1,2 раза.

Увеличилась с 6,2 % до 26,9 %, в итоге в 4,3 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям социального радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 6,6 % и 8,1 % – увеличение в 1,2 раза.

Одна из сложнейших тем обществознания – это тема 3.4 «Религия как элемент духовной культуры». Противопоставление системных научных и эклектичных ненаучных аналитических выкладок изменил уровень прогностических умений в данной области среди студентов.

Повысилось с 7,6 % до 29,7 %, т.е. 3,9 раза, общее число респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации религиозного радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 7,8 % и 9,2 % – нарастание в 1,2 раза.

Возросло с 7,4 % до 29,1 %, т.е. в 3,9 раза, количество исследуемых студентов ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации религиозного экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 7,6 % и 8,9 % – возрастание в 1,2 раза.

Умножилось в 4 раза, а именно с 7,2 % до 28,7 %, число участников ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на развитие всех сфер общест-

венной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 7,4 % и 8,3 % – повышение в 1,1 раза.

Изменилось с 7,1 % до 28,8 %, т.е. возросло в 4,1 раза, количество репрезентантов ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 7,1 % и 8,7 % – увеличение в 1,2 раза.

В 4,1 раза, с 6,9 % до 28,1 %, увеличилось количество опрошенных студентов ЭГ, выразивших готовность «противодействовать любым проявлениям религиозного радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 7,1 % до 7,9 % – рост в 1,1 раза.

Тема 2.7 «Социализация индивида. Социальные процессы современной России» тесно связана с проблемами социальной адаптации, демократизации и социальной ответственности, которые, при доминировании волонтаристических подходов трансформируются в левый идейно-политический радикализм и экстремизм. Научный анализ является основой для студентов формирования иммунитета в левой пропаганде.

Отсюда, повысилось с 6,8 % до 29,3 %, таким образом, в 4,3 раза, число респондентов ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации левого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 7,4 % до 8,7 % – нарастание в 1,2 раза.

Выросла с 6,2 % до 28,9 %, а именно в 4,7 раза, совокупность представителей ЭГ, ответили, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации левого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 7,3 % и 8,4 % – возрастание в 1,2 раза.

Поднялась с 6,4 % до 27,8 %, в результате в 4,3 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофи-

ческие последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 6,9 % и 8,2 % – увеличение в 1,2 раза.

Увеличилась с 6,3 % до 28,6 %, в целом в 4,5 раза, группа опрошенных представителей ЭГ, уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 6,9 % и 8,6 % – наращение в 1,2 раза.

Повысилась с 6,1 % до 27,4 %, в итоге в 4,5 раза, доля обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям левого идейно-политического радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 6,9 % и 7,4 % – увеличение в 1,1 раза.

Аналогичная ситуация с профилактикой правого идейно-политического радикализма и экстремизма молодежи.

Расширилась с 7,3 % до 26,8 %, т.е. в 3,7 раза, группа респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации правого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 7,4 % и 8,9 % – нарастание в 1,2 раза.

Возросло с 7,1 % до 26,2 %, также в 3,7 раза, количество молодых людей ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации правого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 7,3 % и 8,4 % – возрастание в 1,2 раза.

Добавилось с 6,9 % до 26,1 %, т.е. в 3,8 раза, число исследуемых студентов ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 7,1 % и 8,3 % – повышение в 1,2 раза.

Выросла с 7,1 % до 27,2 %, т.е. в 3,8 раза, доля репрезентантов ЭГ, которые утверждали, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия

влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 7,2 % и 8,7 % – увеличение в 1,2 раза.

В последние годы происходит интенсивная дискриминация и дискредитация отечественных спортсменов и спортивных организаций. Изучение с научных позиций данной проблемы привело к тому, что возросла с 7,1 % до 26,9 %, в результате, в 3,8 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждающих, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации спортивного радикализма и экстремизма молодежи в спорте и обществе»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 7,2 % и 8,2 % – увеличение в 1,1 раза.

Увеличилась с 7,2 % до 26,8 %, в целом в 3,7 раза, совокупность опрошенных представителей ЭГ уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния спортивного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 7,4 % и 7,9 % – наращение в 1,1 раза.

Поднялась с 6,1 % до 26,3 %, в итоге в 4,3 раза, численность обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям спортивного радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 6,3 % и 7,8 % – увеличение в 1,2 раза.

На занятиях активно обсуждались проблемы социально-психологических детерминант, влияющих на радикализацию отдельных студентов.

Исследование показало, что увеличилось с 7,3 % до 27,6 %, т.е. в 3,8 раза, количество опрошенных студентов экспериментальных групп (ЭГ), которые считают, что знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать радикалом»; среди обучающихся контрольных групп (КГ) эти показатели, соответственно, равны 7,4 % и 8,9 % – рост в 1,2 раза.

Выросла с 6,2 % до 27,3 %, увеличившись в 4,4 раза, доля респондентов ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать экстремистом»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 6,3 % и 8,8 % – нарастание в 1,4 раза.

Умножилось в 4 раза, а именно с 6,7 % до 27,1 % доля представителей ЭГ, ответивших, что они знают и могут «спрогнозировать, как можно преодолеть сложные социально-психологические ситуации, ведущие молодого человека к какой-либо форме радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 6,9 % и 8,3 % – возрастание в 1,2 раза.

Методический этап педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды. На занятиях педагогами, последовательно реализующими *принципы вариативности педагогической профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму*, создаются организационно-педагогические и дидактические условия для формирования у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма и радикализма на регионально-национальную жизнедеятельность субъектов Российской Федерации.

Цель учебно-воспитательной работы этого этапа профилактики – однозначное осознание студентами идейно-политической и социально-экономической бесперспективности реализации экстремистских идей на уровне региона.

Преподаватели на данном этапе также использовали активные *формы и методы проведения занятий*.

Студенты с научных позиций системно анализировали этнополитический конфликт в одном из регионов Великобритании – Северной Ирландии в 1960-е гг. – 10 апреля 1998 г., который имел исторические, религиозные, социально-экономические, идейно-политические, социокультурные и другие корни. Причем дискуссионным для студентов стали обсуждения негативные последствия поли-

тического и социально-экономического характера для Северной Ирландии, последовавших после выхода Великобритании из Европейского союза в 2020 г.

При рассмотрении особенностей социодинамики экстремистских проявлений в различных регионах Российской Федерации, их существенное влияние на социально-экономическое, политическое, социокультурное развитие интерес студентов организаций СПО привлекли проблемные выступления и экспертные оценки сотрудников Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД по Свердловской области.

Как следствие, замеры с использованием анкет, специализированных на содержании занятий методического этапа профилактики, продемонстрировали, что здесь по сравнению с начальным, констатирующим этапом опытно-поисковой работы, повысилось с 7,3 % до 67,2 %, а именно в 9,2 раза повысилось количество обучающихся ЭГ, которые утверждали, что «экстремистские идеи, при их реализации в нашем регионе, приведут к его полной социальной деградации и хаосу»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 7,1 % и 8,7 % – увеличение в 1,2 раза.

Выросла с 6,8 % до 63,4 %, в целом в 9,3 раза, совокупность опрошенных представителей ЭГ, уверенных, что «экстремистские идеи, при их реализации в нашем регионе, приведут к его полному социально-экономическому разрушению»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 7,2 % и 8,4 % – наращение в 1,2 раза.

Повысилась с 7,1 % до 67,4 %, в итоге в 9,5 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что «экстремистские идеи, при их реализации в нашем регионе, приведут к разрушительной гражданской войне»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 6,9 % и 9,1 % – увеличение в 1,3 раза.

Увеличилось с 6,9 % до 64,9 %, т.е. в 9,4 раза, общее число респондентов ЭГ, указавших, что «экстремистские идеи, при их реализации в нашем регионе, приведут в нем к катастрофическому росту криминала»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 6,7 % и 9,3 % – нарастание в 1,4 раза.

В то же время, исследования, ориентированные на проведение «сквозных» замеров результатов всех этапов профилактической работы, выявили, при сравнении результатов первого и второго этапов, следующие результаты. Повысилось в 1,9 раза, с 27,6 % до 53,8 %, количество опрошенных студентов ЭГ, заявивших, что они знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать радикалом»; среди обучающихся КГ эти показатели изменились очень незначительно и равны 8,9 % и 9,3 %.

Аналогично в 1,9 раза, с 27,2 % до 52,9 %, поднялась численность респондентов ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать экстремистом»; среди представителей КГ эти результаты практически не изменились и соответствуют 8,8 % и 9,1 %.

Выросло с 27,1 % до 51,7 %, а именно в 1,9 раза, число представителей ЭГ, ответивших, что они знают и могут «спрогнозировать, как можно преодолеть сложные социально-психологические ситуации, ведущие молодого человека к какой-либо форме радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 8,3 % и 8,9 % – возрастание в 1,1 раза.

Изменилось с 26,9 % до 52,4 %, увеличившись в 1,9 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации спортивного радикализма и экстремизма молодежи в спорте и обществе»; среди обучающихся КГ эти данные практически не изменились и соответствуют 8,2 % и 8,4 %.

Расширилась с 26,8 % до 53,2 %, т.е. в 2 раза, совокупность опрошенных представителей ЭГ уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния спортивного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 7,9 % и 8,8 % – наращение в 1,1 раза.

Повысилась с 26,3 % до 51,4 %, соответственно, в 2 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявля-

ниям спортивного радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 7,8 % и 8,7 % – увеличение в 1,1 раза.

Выросла с 28,9 % до 57,2 %, т.е. в 2 раза, доля представителей ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации национального радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 9,7 % и 11,9 % – нарастание в 1,2 раза.

Удвоилось, изменившись с 28,6 % до 56,8 %, общее число исследуемых студентов ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации национального экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 9,4 % и 11,6 % – возрастание в 1,2 раза.

Умножилось в 2 раза, т.е. с 27,8 % до 56,4 %, число исследуемых студентов ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 9,2 % и 11,2 % – повышение в 1,2 раза.

Расширилась с 27,8 % до 56,9 %, т.е. в 2 раза, группа репрезентантов ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 8,9 % и 11,4 % – увеличение в 1,3 раза.

Возросло, с 27,6 % до 56,1 %, т.е. изменилось в 2 раза количество участников исследования ЭГ, заявивших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям национального радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 8,4 % и 11,2 % – рост в 1,3 раза.

Поднялось с 29,4 % до 55,1 %, соответственно, в 1,9 раза, число обучающихся ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации социального радикализма молодежи в обществе» среди представителей КГ эти результаты соответствуют 8,6 % и 9,7 % – нарастание в 1,1 раза.

Выросла с 28,3 % до 55,1 %, а именно в 1,9 раза, доля представителей ЭГ, ответивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации социального экстремизма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 8,4 % и 9,3 % – возрастание в 1,1 раза.

Поднялась с 27,8 % до 56,4 %, в результате, в 2 раза, численность обучающихся ЭГ, которые утверждали, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди обучающихся КГ эти данные практически не изменились и соответствуют 8,3 % и 8,7 %.

Удвоилось, а именно с 28,1 % до 56,9 %, число опрошенных представителей ЭГ уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 8,2 % и 9,1 % – наращение в 1,1 раза.

Повысилась с 26,9 % до 54,9 %, в итоге в 2 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям социального радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 8,1 % и 8,7 % – увеличение в 1,1 раза.

Расширилась с 29,7 % до 56,8 %, т.е. в 1,9 раза, группа респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации религиозного радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 9,2 % и 12,6 % – нарастание в 1,4 раза.

Добавилось с 29,1 % до 56,2 %, т.е. в 1,9 раза, число исследуемых студентов ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации религиозного экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 8,9 % и 12,3 %, что соответствует росту показателя в 1,4 раза.

Возросло с 28,7 % до 54,9 %, т.е. в 1,9 раза, количество молодых людей ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на развитие всех сфер обще-

ственной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 8,3 % и 11,9 % – повышение в 1,4 раза.

Изменилось с 28,8 % до 56,1 %, т.е. выросло в 1,9 раза, количество репрезентантов ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 8,7 % и 12,3 % – увеличение в 1,4 раза.

Увеличилось 1,9 раза, с 28,1 % до 54,2 %, количество опрошенных студентов ЭГ, выразивших готовность «противодействовать любым проявлениям религиозного радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 7,9 % и 11,7 % – рост в 1,5 раза.

Выросла с 29,3 % до 58,4 %, т.е. удвоилась, доля участников исследования ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации левого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 8,7 % и 12,3 % – нарастание в 1,4 раза.

Также удвоилось, изменившись с 28,9 % до 57,8 %, число респондентов ЭГ, ответивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации левого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 8,4 % и 12,3 % – возрастание в 1,5 раза.

Поднялась с 27,8 % до 57,4 %, в результате, в 2,1 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 8,2 % и 11,7 % – увеличение в 1,4 раза.

Удвоилось, а именно с 28,6 % до 58,1 %, количество опрошенных представителей ЭГ уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи

на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 8,6 % и 12,2 % – наращение в 1,4 раза.

Повысилась с 27,4 % до 56,9 %, в итоге в 2,1 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям левого идейно-политического радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 7,4 % и 11,6 % – увеличение в 1,6 раза.

Расширилась с 26,8 % до 57,2 %, т.е. в 2,1 раза, группа респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации правого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 8,9 % и 12,9 % – нарастание в 1,4 раза.

Возросло с 26,2 % до 56,7 %, т.е. в 2,2 раза, число молодых людей ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации правого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 8,4 % и 12,7 % – возрастание в 1,5 раза.

Увеличилось с 26,1 % до 56,4 %, т.е. в 2,2 раза, количество исследуемых студентов ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 8,3 % и 11,6 % – повышение в 1,4 раза.

Выросла с 27,2 % до 57,1 %, т.е. в 2,1 раза, совокупность представителей ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 8,7 % и 12,4 % – увеличение в 1,4 раза.

Поднялась в 2,2 раза, с 26,1 % до 56,2 %, численность опрошенных студентов ЭГ, заявивших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям правого идейно-политического радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 8,2 % и 11,2 % – рост в 1,4 раза.

Прикладной этап педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды. На занятиях, преподаватели, руководствуясь *принципами вариативности педагогической профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму*, создают организационно-педагогические и психолого-педагогические условия для формирования у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на индивидуальную жизнь личности студента и окружающих его товарищей и педагогических работников. Содержательной целью данного этапа профилактической работы – однозначное осознание студентами бесперспективности экстремистских идей при их практической реализации на уровне индивидуальной жизнедеятельности обучающихся и функционирования организации СПО, как следствие, педагогическое воздействие на направленность личности студента, предупреждающее возникновение и влияние факторов социального риска, детерминирующих ее ориентацию на экстремистскую деятельность, а также формирование иммунитета к пропагандистскому влиянию экстремизма на сферы частной жизнедеятельности личности студента (учебно-профессиональную, семейно-бытовую, идейно-политическую, сферу духовной культуры) и жизни образовательной организации.

Исследования показали, что последовательность и интенсивность профилактической работы зависит от квалификации, профессионального опыта и личностных качеств преподавателей, включенных в этот процесс. С позиций организационно-педагогических условий от этого зависит характер и содержание интеграции усилий не только с другими педагогами, но и с привлекаемыми психологами, сотрудниками МВД и родителями; с другой стороны, с позиций психолого-педагогических условий, студенты в процессе реализации активных методов обучения, например, во время учебных дискуссий, объективно оказываются в ситуации взаимообучения и взаимовоспитания друг друга. В совокупности указанные факторы педагогических условий приводят к синергетическому эффекту и повышают результативность профилактической работы. Например, педагоги

и студенты с позиций системного подхода обсуждали вместе с приглашенными сотрудниками МВД реальную ситуацию 2021 г., когда один из районных судов Москвы приговорил аспиранта-математика МГУ к 6 годам лишения свободы в колонии общего режима за нападение на районный офис одной из парламентских партий. Также он состоял членом организации анархического толка. Причем при обыске в общежитии у него были изъяты боеприпасы и компоненты для изготовления взрывного устройства. Представитель прокуратуры мотивировала приговор тем, что данный молодой человек является членом экстремистской организации, которая последовательно ориентирована на незаконную смену власти по сценариям цветных революций. Следует отметить, что некоторые математические общества США, Великобритании, Франции, Италии и Бразилии, а также отдельные отечественные и зарубежные ученые потребовали освобождения данного аспиранта в связи с его математической специализацией. Студенты организаций СПО с позиций юридических наук анализировали попытки прямого и косвенного воздействия экстремистской антинаучной пропаганды не только на данного студента, но и на российскую общественность. С политологических позиций студенты на учебном занятии анализировали антинаучный утопический характер воззрений данного аспиранта на систему государственного управления, а также последствия указанных событий на его индивидуальную судьбу и т.д.

Адекватное усвоение системных научных знаний объективно приводит к закономерным изменениям.

Замеры с использованием анкет, специализированных на учебном содержании занятий прикладного этапа профилактики, выявили, что по сравнению с констатирующим этапом опытно-поисковой работы, возросло с 5,8 % до 85,1 %, т.е. в 14,7 раза, количество молодых людей ЭГ, определивших, что «экстремистские идеи человека, при их реализации, приведут к его полной деградации»; в КГ эти уровни равны 6,1 % и 8,9 % – возрастание в 1,5 раза.

Добавилось с 6,1 % до 87,2 %, т.е. в 14,3 раза, количество исследуемых студентов ЭГ, отметивших, что «экстремистские идеи человека, при их реализации,

испортят не только жизнь окружающих, но и его сделают несчастным»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 6,7 % и 8,6 % – повышение в 1,3 раза.

Возросло с 6,2 % до 81,9 %, т.е. в 13,2 раза, число репрезентантов ЭГ, утверждавших, что «экстремистские идеи человека при их реализации превратят его в жестокого преступника»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 6,4 % и 8,7 % – увеличение в 1,4 раза.

Увеличилась с 6,8 % до 87,4 %, т.е. в 12,8 раза, совокупность опрошенных студентов ЭГ, заявивших, что «экстремистские идеи человека сделают его жизнь бессмысленной и бесперспективной»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 6,3 % до 8,9 % – рост в 1,4 раза.

При этом «сквозные» для всех этапов исследования, выявили, что при сравнении результатов второго и третьего этапов, в 1,6 раза увеличилось (с 53,8 % до 87,3 %) количество опрошенных студентов ЭГ, заявивших, что они знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать радикалом»; среди обучающихся КГ эти показатели соответственно равны 9,3 % и 15,7 % – рост в 1,7 раза.

Повысилось с 52,9 % до 86,6 %, таким образом, умножилось в 1,6 раза, число участников ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать, при каких социально-психологических ситуациях молодой человек может стать экстремистом»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 9,1 % и 14,4 % – нарастание в 1,6 раза.

Выросла с 51,7 % до 86,3 %, а именно в 1,7 раза, доля представителей ЭГ, ответивших, что они знают и могут «спрогнозировать, как можно преодолеть сложные социально-психологические ситуации, ведущие молодого человека к какой-либо форме радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 8,9 % и 14,2 % – возрастание в 1,6 раза.

Добавилось с 52,4 % до 85,8 %, в результате, в 1,6 раза, количество обучающихся ЭГ, утверждали, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофи-

ческие последствия реализации спортивного радикализма и экстремизма молодежи в спорте и обществе»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 8,4 % и 14,1 % – увеличение в 1,7 раза.

Расширилась с 53,2 % до 87,1 %, в целом в 1,6 раза, группа опрошенных представителей ЭГ, уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния спортивного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 8,8 % и 14,7 % – наращение в 1,7 раза.

Возросла с 51,4 % до 86,9 %, в итоге в 1,7 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям спортивного радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 8,7 % и 14,1 % – увеличение в 1,6 раза.

Изменилась с 57,2 % до 89,5 %, т.е. увеличилась в 1,6 раза, общая численность ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации национального радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 11,9 % и 14,7 % – нарастание в 1,2 раза.

Добавилось в 1,6 раза, соответственно, с 56,8 % до 88,9 %, количество исследуемых студентов ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации национального экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 11,6 % и 13,6 % – возрастание в 1,2 раза.

Умножилось с 56,4 % до 87,1 %, т.е. в 1,5 раза, число молодых людей ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 11,2 % и 13,3 % – повышение в 1,2 раза.

Выросла с 56,9 % до 88,3 %, т.е. в 1,6 раза, группа участников ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния национального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие

человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 11,4 % и 14,1 % – увеличение в 1,2 раза.

Расширилась с 56,1 % до 86,7 %, т.е. в 1,5 раза, совокупность респондентов ЭГ, заявивших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям национального радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 11,2 % и 12,9 % – рост в 1,2 раза.

Увеличилось с 55,1 % до 88,4 %, а именно в 1,6 раза, количество опрошенных студентов ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации социального радикализма молодежи в обществе»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 9,7 % и 15,2 % – нарастание в 1,6 раза.

Возросла с 55,1 % до 88,1 %, а именно в 1,6 раза, доля представителей ЭГ, ответивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации социального экстремизма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 9,3 % и 14,9 % – возрастание в 1,6 раза.

Поднялась с 56,4 % до 87,6 %, в результате, в 1,6 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 8,7 % и 14,2 % – увеличение в 1,6 раза.

Приросла с 56,9 % до 88,3 %, в целом в 1,6 раза, совокупность опрошенных представителей ЭГ, уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния социального экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 9,1 % и 15,1 % – наращение в 1,7 раза.

Повысилась с 54,9 % до 86,4 %, в итоге в 1,6 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям социального радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 8,7 % и 14,2 % – увеличение в 1,6 раза.

Умножилось в 1,5 раза, соответственно с 56,8 % до 87,3 %, общее число респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации религиозного радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 12,6 % и 14,2 % – нарастание в 1,1 раза.

Возросло с 56,2 % до 87,1 %, т.е. в 1,5 раза, число участников ЭГ, полагающих, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации религиозного экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 12,3 % и 14,1 % – возрастание в 1,1 раза.

Расширилась с 54,9 % до 86,2 %, т.е. в 1,6 раза, совокупность репрезентантов ЭГ, уверенных в том, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 11,9 % и 13,2 % – повышение в 1,1 раза.

Добавилось с 56,1 % до 87,9 %, т.е. в 1,6 раза, количество представителей ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния религиозного экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 12,3 % и 14,1 % – увеличение в 1,1 раза.

Изменилось с 54,2 % до 86,1 %, т.е. увеличилось в 1,6 раза, число респондентов ЭГ, утверждающих, что они готовы «противодействовать любым проявлениям религиозного радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели соответственно равны 11,7 % и 12,7 % – рост в 1,1 раза.

Возросло в 1,5 раза, с 58,4 % до 87,9 %, количество участников ЭГ, заявивших, что знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации левого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»; среди представителей КГ эти результаты соответствуют 12,3 % и 15,4 % – нарастание в 1,3 раза.

Выросла с 57,8 % до 86,3 %, а именно в 1,5 раза, доля представителей ЭГ, полагающих, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации левого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти уровни аналогичны 12,3 % и 14,9 % – возрастание в 1,2 раза.

Поднялась с 57,4 % до 86,6 %, в результате в 1,5 раза, численность обучающихся ЭГ, утверждавших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди обучающихся КГ эти данные идентичны 11,7 % и 14,2 % – увеличение в 1,2 раза.

Умножилось в 1,5 раза, соответственно, с 58,1 % до 87,1 %, число опрошенных представителей ЭГ, уверенных, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния левого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди респондентов КГ эти данные сообразны 12,2 % и 15,2 % – наращение в 1,2 раза.

Повысилась с 56,9 % до 86,3 %, в итоге в 1,5 раза, сумма обучающихся ЭГ, настаивавших, что они готовы «противодействовать любым проявлениям левого идейно-политического радикализма и экстремизма»; среди студентов КГ указанные показатели составляют 11,6 % и 16,3 % – увеличение в 1,4 раза.

Расширилась с 57,2 % до 87,7 %, т.е. в 1,5 раза, группа респондентов ЭГ, указавших, что они знают и могут «спрогнозировать негативные последствия реализации правого идейно-политического радикализма молодежи в обществе»; среди студентов КГ эти результаты сопоставимы 12,9 % и 16,1 % – нарастание в 1,2 раза.

Возросло с 56,7 % до 86,4 %, т.е. в 1,5 раза, число молодых людей ЭГ, определивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия реализации правого идейно-политического экстремизма молодежи в обществе»; в КГ эти уровни равны 12,7 % и 15,7 % – возрастание в 1,2 раза.

Увеличилось с 56,4 % до 86,8 %, т.е. в 1,5 раза, количество репрезентантов ЭГ, уверенных в том, что знают и могут «спрогнозировать катастрофические по-

следствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на развитие всех сфер общественной жизни»; среди представителей КГ эти величины равнозначны 11,6 % и 15,9 % – повышение в 1,4 раза.

Выросла в 1,5 раза, с 57,1 % до 86,9 %, доля представителей ЭГ, отметивших, что они знают и могут «спрогнозировать катастрофические последствия влияния правого идейно-политического экстремизма молодежи на индивидуальное развитие человека»; среди представителей КГ эти параметры соответствуют 12,4 % и 16,2 % – увеличение в 1,3 раза.

Также в 1,5 раза, с 56,2 % до 86,1 %, расширилась группа опрошенных студентов ЭГ, выразивших готовность «противодействовать любым проявлениям правого идейно-политического радикализма и экстремизма»; среди обучающихся КГ эти показатели, соответственно, равны 11,2 % и 15,9 % – рост в 1,4 раза.

Таким образом, по 25 вопросам предполагающим, что студенты не только знают, но и могут спрогнозировать негативные последствия влияния или реализации различных форм радикализма или экстремизма усредненные количественные показатели по констатирующему этапу и трем этапам формирования в ЭГ, соответственно, равны 6,9 %, 28 %, 55,9 % и 87,3 %; различия между этими показателями можно выразить в пропорции 1 : 4,1 : 8,1 : 12,7. В КГ, соответственно, данные усредненные показатели равны 7,1 %, 8,6 %, 11 %, 14,7 %; пропорция здесь составляет 1 : 1,2 : 1,5 : 2,1 (рисунок 7).

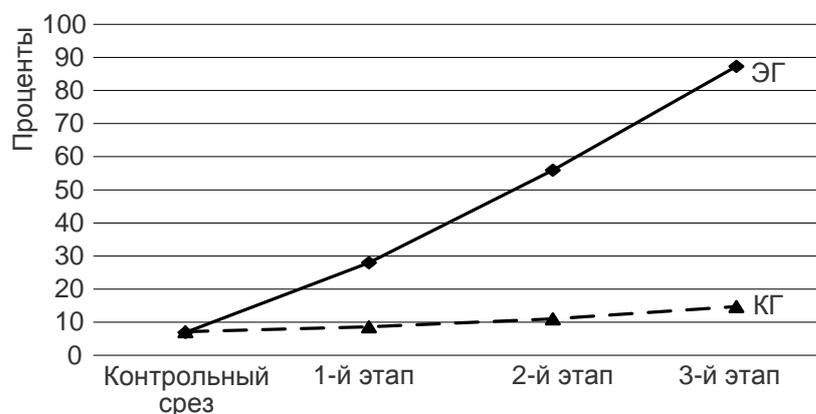

Рисунок 7 – Результаты самооценки студентами своих знаний и умений спрогнозировать негативные последствия влияния или реализации различных форм радикализма или экстремизма

В свою очередь, по 6 вопросам, отражающим субъективную готовность учащейся молодежи, готовы противодействовать любым проявлениям различных форм радикализма и экстремизма, средние количественные показатели по всем этапам опытно-поисковой работы в ЭГ равны 6,5 %, 27,1 %, 55 %, 86,4 %; различия в данном случае выражаются пропорцией 1 : 4,2 : 8,5 : 13,3. В КГ, соответственно, эти показатели равны 6,7 %, 8 %, 10,5 % и 14,4 %; пропорция здесь 1 : 1,2 : 1,6 : 2,1 (рисунок 8).

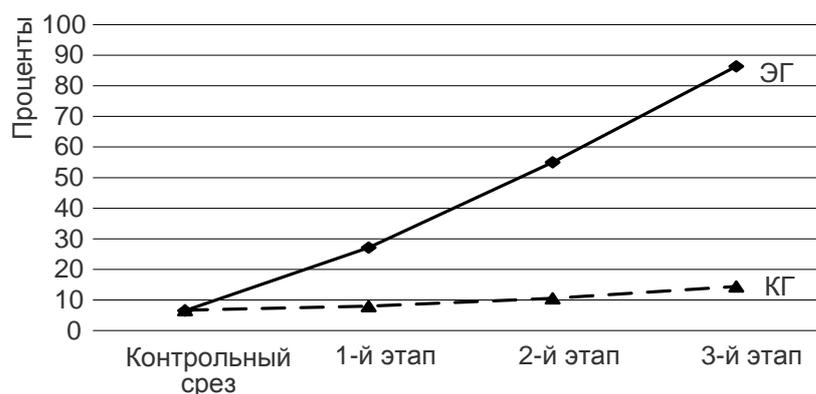

Рисунок 8 – Результаты самооценки студентами субъективной готовности противодействовать любым проявлениям различных форм радикализма и экстремизма

На рисунке 9 представленные поэтапные замеры интегративных показателей групповой устойчивости к экстремистской пропаганде включают в себя самооценку студентов по таким показателям, как знание, что такое экстремизм вообще и молодежный экстремизм, в частности, знание социально-психологических ситуаций, когда молодой человек может стать идейным экстремистом, знание эклектичной антинаучности идеологии экстремизма, негативное влияние молодежного экстремизма на жизнь российского общества, региона и частную жизнь обучающихся и близких им людей, а также на функционирование образовательной организации.

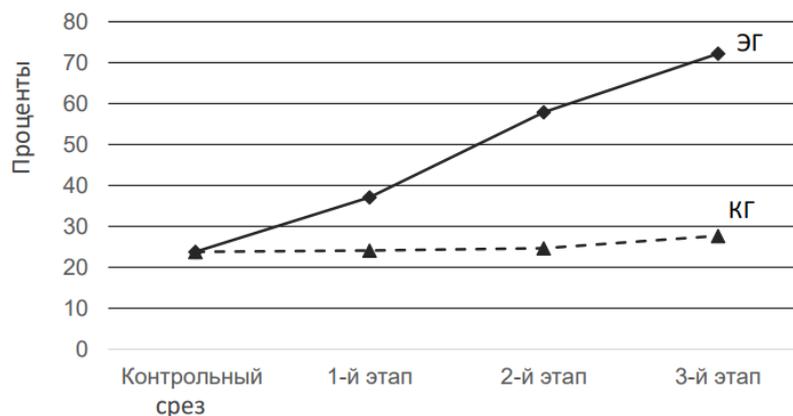

Рисунок 9 – Результаты интегративного показателя групповой устойчивости к экстремистской пропаганде

Исследования, показывают, что если во время констатирующего этапа в экспериментальных группах усредненный интегративный показатель был равен 24,8 %, то после третьего этапа профилактики данный показатель был равен 73,2 %, среди студентов контрольных групп также наблюдались изменения, соответственно, с 24,1 % до 28,6 %. Разницу в результатах студентов ЭГ и КГ можно выразить в виде пропорции 2,6: 1 в пользу ЭГ.

Таким образом, обобщая результаты опытно-поисковой работы, следует подчеркнуть, что только последовательное усвоение студентами методологического, методического и прикладного уровней иммунитета позволяет в среднем поднять интегративный показатель групповой устойчивости к экстремистской пропаганде с 24,8 % до 73,2 %. Следовательно, рассмотрение проблем распространения экстремистской антинаучной пропаганды среди обучающихся лишь на каком-то одном уровне – прикладном или методическом позволяет повысить уровень группой устойчивости к данному явлению до примерно лишь 36 % или 58 %.

Отметим, что при реализации всех этапов внедрения модели педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО использовались методы, широко применяемые в учебно-воспитательном процессе средних общеобразовательных школ – убеждения, самостоятельной работы и сбора новых фактов. В то же время, указанные методы активно дополнялись методами учебной

актуализации и проблематизации, распространенными в образовательном процессе вузов [56, 57, 108]. Как следствие, можно констатировать, что данная модель профилактики экстремизма среди обучающихся может быть применена не только в системе СПО, но и в системах среднего общего и высшего образования.

Выводы по второй главе

1. Опытно-поисковая работа выявила, что показатели радикализации самосознания у студентов организаций СПО количественно неоднородно проявляются по отношению к рассматриваемым общественным явлениям – нормам права и идейно-политическим ценностям, элементам системы взглядов на этнокультурные и социальные отношения, профессиональное образование и социально-профессиональную структуру общества, общепринятые нравственные ценности и проявления нетерпимости к социальным недостаткам и упущениям.

2. Поиск педагогических решений разнообразных проблем профилактики проявлений молодежного экстремизма среди студентов организаций СПО предполагает их изучение как целостного комплекса взаимосвязанных элементов, представляющих возможные общественные сферы их проявления, что предопределяет системный характер исследования.

3. Сопоставление результатов исследования, выполненного в 2021 г., с аналогичными данными исследования 2012 г., выявило тенденцию к постепенной дерадикализации самосознания студентов организаций СПО. В соотносимых количественных показателях это выражается в существенном уменьшении выраженности радикализации в зависимости от общественной сферы ее проявления. Следует отметить, что концепции регрессивного развития Российской Федерации во всех сферах общественной жизнедеятельности и ее кризисного состояния не имеют под собой эмпирической базы, носят умозрительный характер и являются антинаучными.

4. В образовательных организациях СПО актуализируются проблемы формирования у студентов не только знаний, но и умений спрогнозировать негатив-

ные последствия влияния или реализации различных форм радикализма или экстремизма, становления субъективной готовности учащейся молодежи противодействовать любым проявлениям различных форм радикализма и экстремизма.

Преподаватели, например, при проведении стандартных плановых занятий по учебной дисциплине «обществознание» в рамках учебной темы 1.9. раздела «Многообразие мира общения. Угрозы XXI века» изучали учебный вопрос «Терроризм как важнейшая угроза современной цивилизации».

Преподаватели руководствовались принципами вариативности педагогической профилактики экстремизма и нулевой терпимости к экстремизму.

5. Преподаватели использовали такие формы проведения занятий, как проблемные лекции, практикумы, эвристические дискуссии и учебные диспуты. Эти формы позволили моделировать ситуации прямого столкновения студентов с экстремистскими идеями. На занятиях преподаватели использовали *методы* самостоятельной работы, учебного поиска, убеждения, учебной актуализации и проблематизации. Большое значение при подготовке содержания занятий должно придаваться формированию у студентов однозначного убеждения о негативном влиянии экстремизма на все сферы общественной жизни.

6. Анализ педагогической теории и практики, в которой исследуются разнообразные типы педагогических условий, в том числе – организационно-педагогические, психолого-педагогические и дидактические, показывает, что педагогические условия, в общем, отображают совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды: целенаправленно конструируемые меры воздействия и взаимодействия субъектов образования. Отсюда, они включают в себя содержание, формы, методы, приемы и средства учебно-воспитательного процесса. Как следствие, модели профилактики экстремизма входят в педагогические условия как атрибут.

7. Студенты с научных позиций системно рассматривали содержание понятий «экстремизм», «радикализм» и «терроризм», анализировали формы проявления, например, различных направлений политического радикализма и экстремизма.

ма, детерминированного не только внутренними противоречиями данного общества и государственного образования, но и искусственно культивируемого отдельными зарубежными государствами и международными организациями.

В целях повышения степени осознанности восприятия учебного содержания, закрепления знаний, а также для формирования индивидуального опыта применения полученного комплекса информации и практических умений, студентам были предложены для выполнения трехуровневые диагностические задания, т. е. задания, позволяющие объективно диагностировать достигнутый уровень усвоения знаний и умений, применявшихся в профилактической работе преподавателей.

8. Особую сложность в современном мире вызывает изучение таких вопросов учебного предмета обществознания, как: человек в группе; общение как основная деятельность человека; проблемы межличностного общения в молодежной среде; сущность межличностных конфликтов; истоки конфликтов в среде молодежи; особенности современного мира, процессы глобализации; современные войны, их опасность для человечества. В учебных дискуссиях студенты обсуждают, как в целом ряде стран культивируется система догматических антинаучных взглядов, отражающих неадекватное отношение к жителям отдельных государств, ведущих к сознательной дискредитации и дискриминации носителей представителей других культуры и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты изложенного исследования, можно сделать следующие выводы:

Педагогическая профилактика молодежного экстремизма в организациях СПО – это систематическое педагогическое воздействие на идейно-теоретическое развитие направленности личности студента, предупреждающее или устраняющее воздействие факторов социально-психологического риска, которые определяют становление ее идейной ориентации на экстремистскую деятельность, а также социально-психологическая реабилитация обучающихся, попавших под такое влияние.

Феноменологический анализ существующих в педагогической теории подходов к изучению молодежного экстремизма в организациях СПО позволил уточнить и дифференцировать содержание понятий «радикализм студента организации СПО» и «экстремизм студента организации СПО» как двух последовательных этапов в становлении экстремистских воззрений у обучающихся.

Радикализм студента организации СПО – это социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы при формальной практической лояльности к ней; в то же время в условиях объективного или субъективного кризиса, он может допускать возможность неправового изменения системы, что может являться исходным этапом детерминированного становления экстремистских воззрений.

Экстремизм студента организации СПО – это социальная позиция обучающегося данной организации, проявляющаяся в идейной ориентации на субъективный ненаучный эклектичный подход бескомпромиссного неприятия закономерно сложившейся общественно-политической системы и догматическую абсо-

лютизацию практической возможности неправомерного насильственного ее изменения.

Целью педагогической профилактики молодежного экстремизма является формирование *иммунитета личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде*, под которым понимается научно обоснованная индивидуальная неподверженность обучающегося насаждаемым субъективным ненаучным эклектичным идеям и аргументам, догматически отвергающим закономерно сложившиеся в обществе духовные, культурные, правовые, политические, социально-экономические традиции, ценности и принципы социального устройства на основе реализации содержания, форм и методов педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО *при внедрении педагогами принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму*.

Обоснованность и эффективность профилактики молодежного экстремизма зависит от целенаправленной реализации педагогами *в едином последовательном взаимозависимом педагогическом процессе на учебных занятиях принципов вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму*. Принцип *вариативности профилактики экстремизма* детерминирует классификацию обучающимися множества внешне разнородных аргументов различных социальных позиций лишь на две противоположные группы – научные и ненаучные, а принцип *нулевой терпимости к экстремизму*, требуя сопоставления в процессе занятия обеих групп аргументов, полностью нейтрализует ненаучные субъективные аргументы, оставляя в качестве интегративного учебно-воспитательного результата – инвариант научных аргументов и объективного системного подхода. В единстве данные принципы носят для процесса профилактики концептуальный характер, детерминируя систематизированное формирование у студентов иммунитета к пропагандистскому влиянию экстремизма.

Принцип вариативности профилактики экстремизма – определяет требование к отбору педагогом содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО, осно-

ванное на возможности рассмотрения студентами потенциально рискованных социально-психологических ситуаций с учетом амбивалентного подхода, включающего в себя, во-первых, субъективный ненаучный эклектический подход; во-вторых, объективный научный системный подход.

Принцип нулевой терпимости к экстремизму также определяет требование к отбору педагогом содержания, форм, методов, приемов и средств педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО. Но здесь оно обусловлено объективным научным системным подходом к возможности формирования однозначно нетерпимой реакции студентов на проявления субъективного ненаучного бескомпромиссного идейного неприятия элементов закономерно сложившейся общественно-политической системы и стремления неправового насильственного ее изменения.

В соответствии с задачами исследовательской работы была проведена опытно-поисковая работа по внедрению в учебно-воспитательный процесс организаций СПО разработанной модели педагогической профилактики молодежного экстремизма в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды и проверка эффективности реализации трех этапов данной модели как последовательных стадий единого процесса педагогической профилактики. Результатом каждого этапа являлось достижение соответствующего уровня (показателя) развития иммунитета к экстремистским идеям разного уровня обобщения.

Методологический этап педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО. Данный этап рассматривает систему научных методов как средство изучения последствий реализаций субъективных ненаучных эклектических экстремистских идей на функционирование и развитие современного общества, сформированного на базисе сложных взаимосвязей и взаимозависимостей разнообразных идеологических, политических, социокультурных и экономических детерминант. На занятиях создаются дидактические условия для формирования у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на функционирование и развитие Российской Федерации

и международного сообщества. Цель учебно-воспитательной работы на данном этапе профилактики – однозначное осознание студентами исторической бесперспективности экстремистских идей при их практической реализации на общегосударственном и международном уровне. Достижение цели является признаком успешности реализации методологического этапа, т.е. его критерием.

Методический этап педагогической профилактики молодежного экстремизма. На занятиях создаются организационно-педагогические и дидактические условия для формирования у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на региональную жизнедеятельность субъектов Российской Федерации. Цель учебно-воспитательной работы этого этапа профилактики – однозначное осознание студентами идейно-политической и социально-экономической бесперспективности реализации экстремистских идей на уровне региона. Достижение цели также является критерием успешности реализации данного этапа.

Прикладной этап педагогической профилактики молодежного экстремизма. На занятиях создаются организационно-педагогические и психолого-педагогические условия для формирования у студентов убеждений о прогнозируемом негативном влиянии экстремизма на индивидуальную жизнь личности студента и окружающих его товарищей и педагогических работников. Учебно-воспитательная цель данного этапа профилактической работы – однозначное осознание студентами бесперспективности экстремистских идей при их практической реализации на уровне индивидуальной жизнедеятельности обучающихся и функционирования организации СПО. Достижение цели – критерий успешности реализации этапа.

Интегративным результатом реализации данных этапов является саморазвитие студентов (развитие у них предрасположенности к усвоению системного научного знания и поэтапное формирование иммунитета к эклектичному пропагандистскому влиянию экстремизма).

Исследования показали, что последовательность и интенсивность профилактической работы зависит от квалификации, профессионального опыта и личностных качеств преподавателей, включенных в этот процесс. С позиций организационно-педагогических условий от этого зависит характер и содержание интеграции усилий не только с другими педагогами, но и с привлекаемыми психологами, сотрудниками МВД и родителями; с другой стороны, с позиций психолого-педагогических условий студенты в процессе реализации активных методов обучения, например, во время учебных дискуссий, объективно оказываются в ситуации взаимообучения и взаимовоспитания. В совокупности указанные факторы педагогических условий приводят к синергетическому эффекту и повышают результативность профилактической работы.

Система взаимосвязанных критериев и показателей поэтапного формирования иммунитета личности студента организации СПО к экстремистской пропаганде – это научно обоснованные признаки индивидуальной неподверженности студента насаждаемым субъективным ненаучным эклектичным идеям и аргументам, догматически отвергающим закономерно сложившиеся в обществе духовные, культурные, правовые, политические, социально-экономические традиции, ценности и принципы социального устройства на основе реализации содержания, форм и методов педагогической профилактики молодежного экстремизма в организациях СПО согласно принципам вариативности профилактики и нулевой терпимости к экстремизму.

В ходе опытно-поисковой работы была подтверждена выдвинутая гипотеза исследования, доказана эффективность апробированной модели педагогической профилактики молодежного экстремизма среди студентов в условиях неограниченной доступности экстремистской пропаганды. Полученные результаты позволяют расширить теоретические представления о процессе педагогической профилактики молодежного экстремизма. Данные исследования могут служить основной для дальнейшей научной работы в изучении форм и методов оптимизации процесса педагогической профилактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авцинова, Г. И.* Политический радикализм в России (социокультурный аспект проблемы): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 23.00.03 / Авцинова Галина Ивановна. Москва, 1995. 44 с. Текст: непосредственный.
2. *Агапов, П. В.* Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем: политико-правовой, криминологический, и уголовно-правовой анализ / П. В. Агапов, А. Г. Хлебушкин. Москва: АНО «Юридические программы», 2005. 136 с. Текст: непосредственный.
3. *Агафонов, А. Б.* Современная государственная антитеррористическая деятельность США (политические аспекты проблемы): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Агафонов Антон Борисович. Нижний Новгород, 2000. 32 с. Текст: непосредственный.
4. *Акимова, О. Б.* Интегративный подход к созданию акмеологически ориентированной системы общепедагогической подготовки педагога профессионального образования / О. Б. Акимова, Н. К. Чапаев. Текст: электронный // Научный диалог. 2012. № 10. С. 8–18. Режим доступа: http://old.nauka-dialog.ru/assets/userfiles/1377/Chapaev_Akimova.pdf (дата обращения: 20.06.2022).
5. *Альсова, О. К.* Моделирование систем: учебное пособие / О. К. Альсова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. 72 с. Текст: непосредственный.
6. *Аминов, Д. И.* Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян. Москва: Триада ЛТД, 2005. 196 с. Текст: непосредственный.
7. *Амирокова, Р. А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Амирокова Радима Ауладиновна. Черкесск, 2006. 26 с. Текст: непосредственный.
8. *Андрюхина, Л. М.* Педагогические работники среднего профессионального образования: образовательный потенциал и потребность в профессиональном развитии (по материалам всероссийского социологического

исследования) / Л. М. Андрюхина [и др.] Текст: непосредственный // Педагогическое образование в России. 2017, № 1. С. 23–35.

9. *Антонян, Ю. М.* Экстремизм и его причины: монография / Ю. М. Антонян, А. В. Ростокинский, Я. И. Гишинский и др.; под ред. Ю. М. Антоняна. Москва: Логос, 2013. 312 с. Текст: непосредственный.

10. *Антонян, Ю. М.* Архетип «чужой» и его роль в механизме экстремистского поведения / Ю. А. Антонян. Текст: непосредственный // Современные проблемы молодёжного экстремизма в Российской Федерации: состояние и тенденции: материалы круглого стола, 25 октября 2007 г. Москва: Логос, 2008. С. 3–9.

11. *Антонян, Ю. М.* Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. Москва: Щит-М, 1998. 306 с. Текст: непосредственный.

12. *Безрукова В. С.* Педагогика. Проективная педагогика. Екатеринбург: Деловая книга, 1996. 344 с. Текст: непосредственный.

13. *Биктуганова, М. Ю.* Активное политическое поведение и особенности дерадикализации студентов в педагогическом процессе / М. Ю. Биктуганова. Текст: непосредственный // World science: problems and innovations: сборник статей LXII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2022. С. 112–114.

14. *Биктуганова, М. Ю.* Влияние ведущих исторических идей на гражданские установки студентов среднего профессионального образования / М. Ю. Биктуганова, Ю. Н. Зеленов, Ф. Т. Хаматнуров, М. М. Дудина. Текст: непосредственный // Право и образование. 2022, № 3. С. 75–85.

15. *Биктуганова, М. Ю.* Корреляция гражданских установок и проявлений радикализации правового сознания студентов среднего профессионального образования / М. Ю. Биктуганова. Текст: непосредственный // Молодые учёные России: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2022. С. 120–122.

16. *Биктуганова, М. Ю.* Проблема методологических вариаций исследования механизма радикализации политического поведения студентов / М. Ю. Биктуганова. Текст: непосредственный // Современные технологии: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2022. С. 90–92.

17. *Биктуганова, М. Ю.* Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений экстремистской направленности и террористического характера / М. Ю. Биктуганова, А. А. Бабушкин. Текст: непосредственный // Право и образование. 2021, № 8. С. 78–87.

18. *Биктуганова, М. Ю.* Проблемы профилактики молодежного радикализма в организациях среднего профессионального образования / М. Ю. Биктуганова. Текст: непосредственный // Педагогическое образование в России. 2021, № 3. С. 66–74.

19. *Биктуганова, М. Ю.* Тенденции развития молодежного радикализма в организациях среднего профессионального образования / М. Ю. Биктуганова. Текст: непосредственный // Педагогическое образование в России. 2022, № 1. С. 43–49.

20. *Бирюков, В. В.* Еще раз об экстремизме / В. В. Бирюков. Текст: непосредственный // Адвокат. 2006. № 12. С. 66–71.

21. *Блауберг, И. В.* Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Москва: Наука, 1973. 270 с. Текст: непосредственный.

22. *Большой толковый социологический словарь (Collins).* Т. 1 (А–О) / пер. с англ. Москва: Вече, АСТ, 2001. 544 с. Текст: непосредственный.

23. *Большой толковый социологический словарь (Collins).* Т. 2 (П–Я) / пер. с англ. Москва: Вече, АСТ, 2001. 528 с. Текст: непосредственный.

24. *Бондарев, А. С.* Правовая пропаганда и обучение – формы правового воспитания: понятие и средства воздействия / А. С. Бондарев. Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2008. Вып. 1 (1). С. 4–16.
25. *Борисовский, А. В.* Дискурс экстремизма, радикализма и терроризма / А. В. Борисовский, А. В. Римский. Текст: непосредственный // Наука. Искусство. Культура. 2018. Вып. 4 (20). С.98–115.
26. *Борьба с организованной преступностью и терроризмом. Криминологические и уголовно-правовые проблемы.* Москва: Академия управления МВД России, 1998. 421 с. Текст: непосредственный.
27. *Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы): монография / А. Ю. Пиджаков.* Санкт-Петербург: Нестор, 2003. 292 с. Текст: непосредственный.
28. *Бриллиантов, А.* К вопросу о направлении унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложников / А. Бриллиантов, В. Бурковская. Текст: непосредственный // Уголовное право. 2003. № 1. С. 34–47.
29. *Булыко, А. Н.* Большой словарь иноязычных слов. 35 тысяч слов / А. Н. Булыко. Москва: ЮНВЕС, 2004. 685 с. Текст: непосредственный.
30. *Бурковская, В. А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурковская Виктория Алексеевна. Москва, 2006. 56 с. Текст: непосредственный.
31. *Бутрин, С. М.* Политические технологии противодействия терроризму в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Бутрин Сергей Михайлович. Москва, 2006. 22 с. Текст: непосредственный.
32. *Василенко, И. А.* Борьба с терроризмом как новая геополитическая парадигма: модель «управляемого хаоса» / И. А. Василенко. Текст: непосредственный // Трибуна русской мысли. 2003. № 1. С. 73–80.

33. *Вахрамеев, А. В.* Международный терроризм и национальная безопасность России / А. В. Вахрамеев. Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 33–49.
34. *Веденева, В. Т.* Мигранты на российском рынке труда / В. Т. Веденева. Текст: непосредственный // Россия и современный мир. 2009. № 3. С. 45–61.
35. *Вербицкая Н. О.* Гуманизация образования / Н. О. Вербицкая. Текст: непосредственный // Педагогический вестник. Москва. 2002. № 10 (289). С. 2.
36. *Верховский, А. М.* Политический экстремизм в России / А. М. Верховский, А. А. Папп, В. В. Прибыловский. Москва: АСД, 1996. 356 с. Текст: непосредственный.
37. *Вершинин, В. И.* Использование Интернета в террористических целях / В. И. Вершинин. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2009. № 2. С. 3–8.
38. *Вершинин, В. И.* Проблемы правового определения терроризма / В. И. Вершинин. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2008. № 6. С. 12–14.
39. *Вершинин, В. И.* Психологические аспекты процесса отхода от терроризма / В. И. Вершинин. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2007. № 11. С. 6–10.
40. *Вершинин, В. И.* Роль демократии в борьбе с терроризмом / В. И. Вершинин. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2004. № 12. С. 20–24.
41. *Виноградов, М. Э.* Время взрывать / М. Э. Виноградов, В. Г. Торопов. Текст: непосредственный // Профиль. 2010. № 12. С. 11–13.
42. *Вишняков, Я. Д.* Основы противодействия терроризму: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Я. Д. Вишняков, Г. А. Бондаренко, С. Г. Васин, Е. В. Грацианский. Москва: Академия, 2006. 240 с. Текст: непосредственный.

43. *Власов, В. И.* Экстремизм, терроризм, сепаратизм: политико-правовое осмысление в условиях глобализации: лекция / В. И. Власов. Москва: Изд-во РАГС, 2009. 46 с. Текст: непосредственный.

44. *Воронов, И. В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Воронов Игорь Владимирович. Москва, 2003. 154 с. Текст: непосредственный.

45. *Гаврилин, Ю. В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия / Ю. В. Гаврилин, Л. В. Смирнов. Москва, 2003. 379 с. Текст: непосредственный.

46. *Гаджиев, К. С.* Геополитика Кавказа / К. С. Гаджиев. Москва: Международные Отношения, 2003. 463 с. Текст: непосредственный.

47. *Гилинский, Я. И.* Девиантология / Я. И. Гилинский. 2-е изд. испр. доп. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2007. 528 с. Текст: непосредственный.

48. *Гирько С. И.* Обоснована ли пролонгация Концепции общественной безопасности в Российской Федерации? / С. И. Гирько. Текст: электронный // Диалог. Научно-практический журнал. 2019. № 2 (14). С. 6–15. Режим доступа: <http://npzhdialog.ru/gallery/61522019.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).

49. *Горбунов, Ю. С.* Терроризм и его правовое регулирование противодействия ему: монография / Ю. С. Горбунов. Москва: Молодая гвардия, 2008. 460 с. Текст: непосредственный.

50. *Горшков, А. Ф.* Международный терроризм: реальная угроза морским нефтяным коммуникациям / А. Ф. Горшков. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2004. № 11. С. 20–26.

51. *Грачев, С. И.* Терроризм и его активная интеграция с организованной преступностью в условиях глобализма / С. И. Грачев. Текст: непосредственный // Российский следователь. 2007. № 18. С. 11–14.

52. *Гриб, Н. Н.* Терроризм как инструмент перекройки мира в эпоху глобализации / Н. Н. Гриб. Текст: непосредственный // Российский следователь. 2003. № 1. С. 19–32.

53. *Грызлов, Б. В.* Экстремизм как угроза суверенной демократии / Б. В. Грызлов. Текст: непосредственный // Российская газета. 2006. 15 декабря.

54. *Гузанов, Б. Н.* Формирование компетентности выпускников выпускников пожарно-технического вуза в сфере эколого-экономической безопасности на основе интегративно-модульной технологии обучения / Б. Н. Гузанов [др.]. Екатеринбург: Изд-во Уральского института ГПСМЧС России, 2016. 164 с. Текст: непосредственный.

55. *Гущин, В. А.* Социально опасные молодежные формирования: пособие / В. А. Гущин, В. А. Канаян. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ГУ «Городской Центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних», 2002. 187 с. Текст: непосредственный.

56. *Давыдов В. В.* Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. Москва: ОПЦ «ИНТОР», 1996. 541 с. Текст: непосредственный.

57. *Давыдов Г.П., Карев Д.С.* Изучение вопросов государства и права в курсе обществоведения / Г. П. Давыдов, Д. С. Карев. Москва: Просвещение, 1972. 174 с. Текст: непосредственный.

58. *Движение АУЕ признано экстремистским – оно представляет угрозу жизни и здоровью граждан, обществу и государству* // Mir24.tv. 17.08.2020. Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16422262/dvizhenie-ae-priznano-ekstremistskim-ono-predstavlyayet-ugrozu-zhizni-i-zdorovyu-grazhdan-obshchestvu-i-gosudarstvu> (05.06.2022). Текст: электронный.

59. *Дзлиев, М. И.* Современный терроризм: социально-политический облик противника / М. И. Дзлиев, Э. С. Иззатдуст, М. П. Киреев; под общ. ред. В. В. Гордиенко. Москва: Academia, 2007. 672 с. Текст: непосредственный.

60. *Дикаев, С. У.* Теоретические проблемы установления смысловых границ в уголовно-правовом определении терроризма / С. У. Дикаев. Текст: непосредственный // Уголовное право. 2004. №1. С. 20–22.

61. *Духанина, Л. Н.* Культура и культурность с точки зрения педагога / Л. Н. Духанина. Текст: непосредственный // Образование в современной школе. 2014. № 3 (166). С. 4–7.

62. *Евтюшкин, А. Ю.* Молодежный политический экстремизм в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Евтюшкин Алексей Юрьевич. Москва, 2009. 26 с. Текст: непосредственный.

63. *Единая* государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения. Официальный сайт. Режим доступа: <https://rosrid.ru/global-search> (07.08.2022). Текст: электронный.

64. *Жаринов, К. В.* Терроризм и террористы: исторический справочник / под общей ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 606 с. Текст: непосредственный.

65. *Залысин, И. Ю.* Политическое насилие: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: спец / Залысин Игорь Юрьевич Москва, 1995. 44 с. Текст: непосредственный.

66. *Захарова, А. К.* Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Захарова Амина Казбековна. Краснодар, 2007. 22 с. Текст: непосредственный.

67. *Зеер, Э. Ф.* Ключевые квалификации и компетенции в личностно ориентированном профессиональном образовании / Э. Ф. Зеер. Текст: непосредственный // Образование и наука: Изд. Урал. науч-образоват. центра РАО. Екатеринбург: Издательство Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. № 3 (5). С. 90–102.

68. *Зеленов, Ю. Н.* Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования

/ Ю. Н. Зеленов. Москва: Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 342 с. Текст: непосредственный.

69. *Зеленов, Ю. Н.* Педагогическая профилактика экстремистских проявлений среди учащейся молодежи: учебное пособие / Ю. Н. Зеленов. Москва: Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 71 с. Текст: непосредственный.

70. *Зеленов, Ю. Н.* Молодежный экстремизм: феноменология, история, проблемы профилактики: учебное пособие / Ю. Н. Зеленов. Москва: Изд-во ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 151 с. Текст: непосредственный.

71. *Зеленый, В. В.* Терроризм как особый тип войны XXI века / В. В. Зеленый. Текст: непосредственный // Проблемы безопасности: бюллетень научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2009. № 5. С. 60–65.

72. *Зинченко Ю. П.* Психологическая безопасность личности / Ю. П. Зинченко, А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, О.Ю. Зотова. Москва: Юрайт, 2020. 221 с. Текст: непосредственный.

73. *Иванов, А. В.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений / А. В. Иванов. Текст: непосредственный // Государство и право. 2003. № 5. С. 42–52.

74. *Иванов, В. Н.* Современный терроризм / В. Н. Иванов. Москва: Наука, 2004. 52 с. Текст: непосредственный.

75. *Иванов, Г.* «Правда на нашей стороне». Николай Патрушев – о сроках спецоперации / Г. Иванов // Аргументы и Факты. AIF.ru 24.05.2022. Режим доступа:

https://aif.ru/politics/world/pravda_na_nashey_storone_nikolay_patrushev_o_srokah_specoперации?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (24.05.2022). Текст: электронный.

76. *Иванов, И. Е.* Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов / И. Е. Иванов. Санкт-Петербург: Камея, 2005. 125 с. Текст: непосредственный.

77. *Игнатенко, А. А.* Интертеррор в России: улики / А. А. Игнатенко. Москва: Европа, 2005. 112 с. Текст: непосредственный.
78. *Игнатенко, А. А.* Ислам и политика: Сборник статей / А. А. Игнатенко. Москва: Институт религии и политики, 2004. 256 с. Текст: непосредственный.
79. *Илларионов, С. И.* Террор и антитеррор в современном мироустройстве / С. И. Илларионов. Москва: Профэко, 2003. 592 с. Текст: непосредственный.
80. *Ильинский, И. М.* Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория / И. М. Ильинский. Москва: Голос, 2001. 696 с. Текст: непосредственный.
81. *Ипполитов, К. Х.* Причины и факторы развития терроризма в России / К. Х. Ипполитов. Текст: непосредственный // Внутренний валовой продукт. 2004. № 7. С. 60–65.
82. *Исаева, М. А.* Предпосылки и источники молодежного экстремизма / М. А. Исаева. Текст: непосредственный // Власть. 2007. № 12. С. 38–43.
83. *Казаева, Е. А.* Методологические положения интегративного подхода в аспекте проблемы гражданского воспитания молодежи / Е. А. Казаева. Текст: непосредственный // Высшее образование сегодня. 2009. № 3. С. 61–64.
84. *Канинская, Г. Н.* Истоки французского радикализма / Г. Н. Канинская // Новая и новейшая история. 2001. № 6. Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/01_06/RADICAL.HTM (23.04.2022). Текст: электронный.
85. *Канинская, Г. Н.* Радикалы и радикализм в послевоенной Франции, 1945–1995: Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов в годы IV и V Республик: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.03 / Канинская Галина Николаевна Москва, 1999. 396 с.: //Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/radikaly-i-radikalizm-v-poslevoennoi-frantsii-1945-1995-respublikanskaya-partiya-radikalov-i> (24.04.2022). Текст: электронный.

86. *Кислов, А. Г.* К вопросу роста значения общеобразовательных учебных дисциплин в профессиональных образовательных программах / А. Г. Кислов. Текст: непосредственный // В сборнике: Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. Материалы 22-й Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2017. С. 79–82.

87. *Козочкин, И. Д.* Усиление борьбы с терроризмом: подходы Великобритании / И. Д. Козочкин. Текст: непосредственный // Право и политика. 2002. № 1. С. 61–72.

88. *Коннов, М.* Школа жизни по понятиям. Что такое АУЕ // Mir24.tv. 21.06.2017. Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16249695/shkola-zhizni-po-ponyatiyam-cto-takoe-ae> (04.06.2022). Текст: электронный.

89. *Коршунова, О. Н.* Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия / О. Н. Коршунова. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. 323 с. Текст: непосредственный.

90. *Красильников, А. Г.* Организованный терроризм и трансграничные проблемы / А. Г. Красильников. Текст: непосредственный // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней / под ред. А. И. Долговой. Москва, 2006. С. 29–33.

91. *Краснов, М. П.* Политический экстремизм угроза государственности / М. П. Краснов. Текст: непосредственный // Российская юстиция. 1999. № 4. С. 4–7.

92. *Крутецкий, В. А.* Основы педагогической психологии / В. А. Крутецкий. Москва: Просвещение, 1972. 255 с. Текст: непосредственный.

93. *Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти на пространстве ОБСЕ, 2018-2020 гг.* Москва: Московский Экономический Институт, Европейский центр развития демократии, 2021. 188 с. Текст: непосредственный.

94. *Кубрушко, П. Ф.* Содержание профессионально-педагогического образования / П. Ф. Кубрушко. Изд. 2-е, дораб. Москва: Гардарики, 2006. 207 с.

95. *Кунц, Е. В.* Роль женщин в террористических актах и иных преступлениях на почве межнациональной вражды / Е. В. Кунц. Текст: непосредственный // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / под ред. А. И. Долговой. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 180–183.
96. *Куракин, М.* Дерадикализатор сломался. Власти Франции признались в провале программы социализации джихадистов. 4 апреля 2017 г. / М. Куракин // Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2017/04/04/deradicalisationfranceoblom/> Текст: электронный.
97. *Курбанова, А. М.* Фундаменталистская и экстремистская пропаганда в постсоветском Дагестане / А. М. Курбанова. Текст: непосредственный // Власть. 2010. № 11. С. 96–97.
98. *Кыверялг, А. А.* Методы исследования в профессиональной педагогике / А. А. Кыверялг. Таллин: Валгус, 1980. 336 с. Текст: непосредственный.
99. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. / А. Н. Леонтьев. Москва: Политиздат, 1977. 304 с. Текст: непосредственный.
100. *Лернер, И. Я.* Проблемное обучение / И. Я. Лернер. Москва: Знание, 1974. 64 с. Текст: непосредственный.
101. *Лоусон Т., 584.* Социология. А-Я: Словарь-справочник / Т. Лоусон, Д. Гэррод. Пер. с англ. К. С. Ткаченко. Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 608 с. Текст: непосредственный.
102. *Макаревич, Э. Ф.* Игры интеллигентов, или социальный контроль масс / Э. Ф. Макаревич, О. И. Карпухин. Москва: Эксмо, 2003. 480 с. Текст: непосредственный.
103. *Малышенко, Е. А.* Квалификация некоторых преступлений террористической направленности / Е. А. Малышенко, А. Г. Емельянцеv. Текст: непосредственный // Закон и практика. 2004. № 4. С. 34–35.

104. *Материалы* Международной научно-практической конференции «Женщины против террора» / под ред. А. Г. Масловой. Москва: ИНИОН РАН, 2005. 295 с. Текст: непосредственный.

105. *Матюшкин, А. М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А. М. Матюшкин. Москва: Педагогика, 1972. 206 с. Текст: непосредственный.

106. *Махмутов, М. И.* Проблемное обучение: основные вопросы теории / М. И. Махмутов. Москва: Педагогика, 1975. 368 с. Текст: непосредственный.

107. *Махмутов, М. И.* Современный урок / М. И. Махмутов. 2-е изд. Москва: Педагогика, 1985. 184 с. Текст: непосредственный.

108. *Методика* преподавания истории в средней школе. Москва: Просвещение, 1986. 277 с. Текст: непосредственный.

109. *Методические* рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России). // Режим доступа: seversknet.ru/Методические%20 (14.05.2022). Текст: электронный.

110. *Михайленко, А. Н.* Противодействие терроризму: международный опыт / А. Н. Михайленко, В. И. Келехсаев. Москва: Фонд им. М. Ю. Лермонтова, 2008. 284 с. Текст: непосредственный.

111. *Молчанов, Н. А.* Определяющие аспекты борьбы с терроризмом как элемента политики обеспечения национальной безопасности государства в современных условиях (на примере США) / Н. А. Молчанов. Текст: непосредственный // Вестник академии военных наук. 2004. № 4. С. 77–84.

112. *Морозов, И. Л.* Политический экстремизм леворадикальные течения / И. Л. Морозов. Волжский: Изд-во ВФ МЭИ, 2002. 70 с. Текст: непосредственный.

113. *Москвичев, А. И.* Контрповстанческая деятельность и война с терроризмом / А. И. Москвичев. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2009. № 5. С. 3–28.

114. *Москвичев, А. И.* Отношения США с некоторыми странами в контексте глобальной войны с терроризмом / А. И. Москвичев. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2008. № 3. С. 20–24.

115. *Мохаддам, Ф. М.* Терроризм с точки зрения: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. В. А. Соснина / Ф. М. Мохаддам. Москва: Форум, 2011. 288 с. Текст: непосредственный.

116. *Мохов, Е. А.* ФСБ: борьба с организованной преступностью / Е. А. Мохов. Москва: Вузовская книга, 2006. 316 с. Текст: непосредственный.

117. *Мухаметзарипов, И. А.* Европейские программы дерадикализации сторонников экстремистских и террористических организаций: учебное пособие. / И. А. Мухаметзарипов. Казань: Изд-во АН РТ, 2018. 94 с. Текст: непосредственный.

118. *Мухаметзарипов, И. А.* Особенности пропаганды ИГИЛ в среде «европейских» мусульман и зарубежный опыт противодействия [Электронный ресурс] / И. А. Мухаметзарипов // Казанский педагогический журнал. 2016. №3(116). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-propagandy-igil-v-srede-evropeyskih-musulman-i-zarubezhnyy-opyt-protivodeystviya>. Текст: электронный.

119. *Назарова, Е. С.* Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Назарова Елена Сергеевна. Ставрополь, 2001. 28 с. Текст: непосредственный.

120. *Найденко, В. Н.* Конфискация имущества как правовой инструмент противодействия этнонациональному экстремизму / В. Н. Найденко. Текст: непосредственный // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 116–122

121. Нападения исламистов в Европе Thinking [Электронный ресурс] // РБК. 03.11.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/03/11/2020/5fa165cf9a79470b38ecbc82?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (19.05.2022). Текст: электронный.

122. *Нарочницкая, Н. А.* Война с терроризмом или вызов миру? / Н. А. Нарочницкая. Текст: непосредственный // Аналитические записки. Москва: АЗ, 2001. С. 21–30.
123. *Национальная* и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы: Сб. науч. статей // Южнороссийское обозрение. Вып. 14 / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 163 с. Текст: непосредственный.
124. *Некрасов, Д. Е.* Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Некрасов Дмитрий Евгеньевич Рязань, 2007. 26 с. Текст: непосредственный.
125. *Никифоров, Л. С.* Молодежный экстремизм: учебное пособие / Л. С. Никифоров. Томск: Изд-во ФИМИС-Р, 2012. 318 с. Текст: непосредственный.
126. *Никулин, А. Г.* Основные экстремистские организации, действующие на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области: типология, идеология и особенности противодействия / А. Г. Никулин, В. В. Припечкин, В. В. Степченко и др. Санкт-Петербург: [б.и.], 2008. 135 с. Текст: непосредственный.
127. *Новиков, А. М.* Методология образования. Издание второе / А. М. Новиков. Москва: Эгвес, 2006. 488 с. Текст: непосредственный.
128. *Ныриков, С. А.* Мировой опыт борьбы с терроризмом. Аналитический обзор / С. А. Ныриков, В. П. Голубев, М. В. Назаркин, С. В. Гучетль. Москва, 2003. 52 с. Текст: непосредственный.
129. *О критериях* оценки эффективности борьбы с терроризмом. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2004. № 10. С. 3–9.
130. *О причинах* неэффективности политики решительной борьбы с терроризмом. Текст: непосредственный // Борьба с преступностью за рубежом. 2000. № 11. С.17–32.
131. *Оганян, Р.* Театр террора / Р. Оганян. Москва: Грифон, 2006. 336 с. Текст: непосредственный.

132. *Оконь, В.* Основы проблемного обучения. Пер. с польск / В. Оконь. Москва: Просвещение, 1968. 208 с. Текст: непосредственный.

133. *Песков* оценил введение «Разговоров о важном» в школах // РИА Новости. 06.09.2022. Режим доступа: https://ria.ru/20220906/razgovory-1814752199.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (07.09.2022). Текст: электронный.

134. *Пивоваров, Ю. С.* Международный терроризм и право: Реферативный сборник / Ю. С. Пивоваров, Е. В. Алферова, Г. А. Антонос. Москва: ИНИОН РАН, 2004. 147 с. Текст: непосредственный.

135. *Пиджаков, А. Ю.* Политический экстремизм в России угроза современному патриотизму / А. Ю. Пиджаков. Текст: непосредственный // Современный патриотизм: борьба идей и проблемы формирования: материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2002. С. 83–85.

136. *Платонов, К. К.* Структура и развитие личности / К. К. Платонов. Москва: Наука, 1986. 254 с. Текст: непосредственный.

137. *Политическая психология* / под общ. ред. А. А. Деркач, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. Москва: Акад. проект, 2001. 859 с. Текст: непосредственный.

138. *Путин* назвал трагедию в Керчи результатом глобализации через интернет // Реальное время. 18.10.2018. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/news/117200-putin-nazval-tragediyu-v-kerchi-rezultatom-globalizacii-cherez-internet> (26.04.2022). Текст: электронный.

139. *Равен, Дж.* Компетентность в современном обществе / Пер. с англ / Дж. Равен. Москва: Когито-Центр, 2002. 396 с. Текст: непосредственный.

140. *Романцев Г. М.* Теоретические основы организации педагогического процесса в современном профессиональном училище / Г. М. Романцев, Ф. Т. Хаматнуров. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1997. 136 с. Текст: непосредственный.

141. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. Москва: Питер, 2012. 705 с. Текст: непосредственный.

142. Сайгитов, У. Т. Виды терроризма в Дагестане (криминологический анализ) / У. Т. Сайгитов. Текст: непосредственный // Российский следователь. 2003. № 9. С. 21–25.

143. Селиванов, А. И. Современный терроризм как инструмент глобального управления / А. И. Селиванов. Текст: непосредственный // Власть. 2004. № 10. С. 20–24.

144. Сериков, В. В. Личностно-ориентированный подход в образовании: концепции и технологии: Монография / В. В. Сериков. Волгоград: Перемена, 1994. 152 с. Текст: непосредственный.

145. Сериков, В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования пед. систем. Москва: Логос, 1999. 272 с. Текст: непосредственный.

146. Стернберг, Р. Практический интеллект = Practical Intelligence in Everyday Life / Р. Стернберг. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 272 с. Текст: непосредственный.

147. Султанов, А. Р. Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму / А. Р. Султанов. Текст: непосредственный // Российская юстиция. № 9. 2010. С. 3–10.

148. Таланова, Т. В. Программы профилактики девиантного поведения молодежи в США и Великобритании как средство противодействия экстремизму в образовательной среде / Т. В. Таланова, Н. С. Морова, Л. В. Кузнецова // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6–2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-molodezhi-v-ssha-i-velikobritanii-kak-sredstvo-protivodeystviya-ekstremizmu-v> (27.03.2022). Текст: электронный.

149. Терешина, Е. А. Опыт зарубежных государств в области противодействия молодежному экстремизму [Электронный ресурс] / Е. А. Терешина // Polit-Book. 2014. № 3. С.80–92. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-zarubezhnyh-gosudarstv-v-oblasti-protivodeystviya-molodezhnomu-ekstremizmu>. Текст: электронный.

150. *Терроризм в современном мире* / под ред. В. Л. Шульца; Центр исслед. проблем безопасности РАН. Москва: Наука, 2011. 603 с. Текст: непосредственный.

151. *Тойнби, А. Дж.* Постигание истории: пер. с англ. / сост. А. Л. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; закл. ст. Е. Б. Рашковского / А. Дж. Тойнби. Москва: Прогресс, 1991. 736 с. Текст: непосредственный.

152. *Томалинцев, В. Н.* Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие / В. Н. Томалинцев, А. А. Козлов. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 218 с. Текст: непосредственный.

153. *Тузииков, А. Р.* Социокультурные особенности молодежного экстремизма: монография / А. Р. Тузииков, Р. И. Зинурова, Э. Б. Гаязова, С. А. Алексеев. Казань: КНИТУ, 2015. 188 с. Текст: непосредственный.

154. *Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996, ред. от 29.12.2010 с изм. и доп., вступающими в силу с 27.01.2011)* // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/-popular/ukrf/> (26.05.2022). Текст: электронный.

155. *Узнадзе, Д. Н.* Психология установки / Д. Н. Узнадзе. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 416 с. Текст: непосредственный.

156. *Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.* // Президент России. 29.05.2020. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (02.05.2022) Текст: электронный.

157. *Уэйн, Э.* Законодательное обеспечение в борьбе с финансированием терроризма / Э. Уэйн. Текст: непосредственный // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А. И. Коробеев. Владивосток: Изд. ДВГУ, 2005. С. 227–232.

158. *Федеральный закон «О борьбе с терроризмом». Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».* Москва: Ось–89, 2005. 32 с. Текст: непосредственный.

159. *Комментарий к статье 282 УК РФ.* Текст: электронный // Режим доступа: http://www.labex.ru/page/kom_uk_282.html / (22.04.2022).

160. *Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями).* Текст: электронный // Режим доступа: <http://base.garant.ru/12127578/> (24.04.2022).

161. *Федеральный закон Российской Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях».* Текст: электронный // Официальный сайт «Российской газеты» // Режим доступа: (<http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>) (17.05.2022).

162. *Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».* Текст: электронный // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular> (21.04.2022).

163. *Федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».* Текст: электронный // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/obob/> (23.04.2022).

164. *Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (ред. от 30.11.2010).* Текст: электронный // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» // Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (26.04.2022).

165. *Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».* Текст: электронный // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/docLAW164931/> (21.04.2022).

166. *Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».* Текст: непосредственный // Российская газета. 2011. 8 февраля. № 5401.

167. *Федеральный Конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».* Текст: непосредственный // Российская газета. 2001. 2 июня. № 2717.

168. *Федосеенко, В.* Нацболов опять ждут в суде / В. Федосеенко. Текст: непосредственный // Российская газета. 2005. 17 июня.

169. *Федосеенко, В.* Приемник для нацболов / В. Федосеенко. Текст: непосредственный // Российская газета. 2005. 8 июня.

170. *Федосеенко, В.* Экстремисты с автоматами Калашникова / В. Федосеенко. Текст: непосредственный // Российская газета. 2005. 5 ноября.

171. *Федосов, Ю. А.* Мировой терроризм: российско-испанский опыт / Ю. А. Федосов. Текст: непосредственный // Власть. 2008. № 6. С. 77–80.

172. *Фридинский, С. Н.* Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма / С. Н. Фридинский. Текст: непосредственный // Уголовное право. 2008. № 3. С. 120–124.

173. *Фридинский, С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... кандид. юрид. наук: 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. Ростов-на-Дону, 2003. 27 с. Текст: непосредственный.

174. *Фридинский, С. Н.* Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский. Текст: непосредственный // Юридический мир. 2008. № 6. С. 23–25.

175. *Хлебушкин, А. Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / А. Г. Хлебушкин. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. 160 с. Текст: непосредственный.

176. *Холл, А. Д.* Определение понятия системы / А. Д. Холл, Р. Е. Фейджин. Текст: непосредственный // Исследования по общей теории сис-

тем. Сборник переводов с польского и английского. Москва: Прогресс, 1969. С. 252–286

177. *Хушбахтов, А. Х.* Терминология «педагогические условия» / А. Х. Хушбахтов. // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 1020-1022. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/103/23955/> (дата обращения: 12.06.2022). Текст: электронный

178. *Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения* // Левада-центр. 30.06.2020/ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (04.05.2022). Текст: электронный

179. *Чапаев, Н. К.* Педагогическая интеграция: методология, теория, технология: 2-е изд., испр. и доп./ Н. К. Чапаев. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та; Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. проф.-пед. колледжа. 2005. 325 с. Текст: непосредственный.

180. *Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом* // Режим доступа: <http://medialaw.asia/document/-2056> (09.05.2022). Текст: электронный

181. *Шептулин, А. П.* Диалектика единичного, особенного и общего /А. П. Шептулин. Москва: Высшая школа, 1973. 272 с. Текст: непосредственный.

182. *Экстремизм* // Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. 285 с. Текст: непосредственный.

183. *Явчуновская, Р. А.* Лицо современного терроризма / Р. А. Явчуновская. Текст: непосредственный // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 490–496.

184. *Якиманская, И. С.* Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И. С. Якиманская. Москва: Сентябрь, 1996. 96 с. Текст: непосредственный

185. *Якиманская, И. С.* Основы личностно ориентированного образования / И. С. Якиманская. Москва: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2011. 220 с. Текст: непосредственный
186. *Яшин, А. В.* О допустимости компромисса в борьбе с терроризмом / А. В. Яшин. Текст: непосредственный // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия / Сборник научных трудов под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: СВО, 2005. С. 269–273.
187. *Aiello, E.* Preventing violent radicalization of youth through dialogic evidence-based policies / Aiello, E., Puigvert, L., Schubert, T. Text: print // 2018. *International Sociology*. 33(4), P. 435–453.
188. *Bell, J. B.* Psychology of Leaders of Terrorist Groups / J. B. Bell. Text: print // *International Journal of Group Tensions* 1982. № 12. P. 84–104.
189. *Billig, O.* The Lawyer Terrorist and His Comrades / O. Billig. Text: print // *Political Psychology*. 1985. № 6. P. 29–46.
190. *Clutterbuck, R.* Terrorism in unstable world / R. Clutterbuck. New-York, 1994. 235 p. Text: print.
191. *Coleman, P. T.* Addressing Extremism / P. T. Coleman, A. Bartoli // The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR) Teachers College, Columbia University The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR) George Mason University. 13 p. Режим доступа: https://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf (22.05.2022). Text: electronic.
192. *Daly, L. N.* Terrorism: What Can the Psychiatrist Do? / L. N. Daly. Text: print // *Journal of Forensic Sciences*. 1981. № 26. P. 116–122.
193. *Deradicalizing* Islamist extremists / A. Rabasa, S. L. Pettyjohn, J. J. Ghez, Christopher Boucek. RAND, 2010. 214 p. Text: print.

194. *Ellyatt, H.* Putin Generation: Russia's loyal youth? [Электронный ресурс] / H. Ellyatt // CNBC. 13.09.2019. Режим доступа: <https://www.cnn.com/putin-generation-russias-loyal-youth> / (09.05.2022). Text: electronic.
195. *Enseignant décapité à Conflans: il avait montré des caricatures de Mahomet à ses élèves* // Le Parisien. 16.10.2020. URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/enseignant-decapite-a-conflans-sainte-honorine-emmanuel-macron-se-rend-sur-place-16-10-2020-8403584.php> (04.06.2022). Text: electronic.
196. *Extremism and Terrorism in the World.* Text: print // Foreign Policy. Washington. 1995. № 99. P. 165–180.
197. *Ferracuti, Fr.* A Sociopsychiatric Interpretation of Terrorism / Fr. Ferracuti. Text: print // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1982. № 463. September. P. 129–141.
198. *George, J., Wilcox, L. M.* Nazis, Communists, Klansmen, and others on the fringe: Political extremism in America / J. George, L. M. Wilcox. Prometheus Books. Buffalo, New York. 1992. 523 p. Text: print.
199. *Guttman, D.* Killers and Consumers: The Terrorist and His Audience / D. Guttman. Text: print // Social Research. 1979. № 46. P. 517–526.
200. *Hamilton, L. C.* Dynamics of Terrorism. / L. C. Hamilton, J. D. Hamilton. Text: print // International Studies Quarterly. 1983. № 27. P. 39–54.
201. *Kaplan, Ab.* The Psychodynamics of Terrorism. / Ab. Kaplan. Text: print // Terrorism. 1978. № 1. P. 237–257.
202. *Knutson, J. N.* The Terrorists' Dilemmas: Some Implicit Rules of the Game / J. N. Knutson. Text: print // Terrorism. 1980. № 4. P. 195–222.
203. *Light, M.* Here is fascinating new research on crime in Russia / M. Light, G. Slade // The Washington Post. 19.05.2015. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/05/19/new-issue-of-theoretical-criminology-features-research-on-post-soviet-region/?noredirect=on&utm_term=.083a2e499bd7 (04.06.2022) (04.06.2022). Text: electronic.

204. *Merari, A.* Problems Related to the Symptomatic Treatment of Terrorism / A. Merari. Text: print // Terrorism. 1980. № 3. P. 279–283.
205. *Mullen, R. K.* Mass Destruction and Terrorism / R. K. Mullen. Text: print // Journal of International Affairs. 1978. № 1 (32). P. 62–89.
206. *Niemi, P.-M.* How and why education counters ideological extremism in Finland / P.-M. Niemi, S. Benjamin, A. Kuusisto, L. Gearon. Text: print // Religions. 2018. 9(12), P. 420.
207. *Olivier, R.* Les lycéens contre Poutine [Электронный ресурс] / R. Olivier // Mediapart. 15.09.2019. Режим доступа: <https://blogs.mediapart.fr/raoul-olivier/blog/150919/les-lyceens-contre-poutine> (26.04.2022). Text: electronic.
208. *Oots, K. L.*, Terrorist and Victim: Psychiatric and Physiological Approaches from a Social Science Perspective / K. L. Oots, T. C. Wiegale. Text: print // Terrorism: An International Journal. 1985. № 1 (8). P. 1–32.
209. *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind.* Bandura. Text: print // Albert in Walter Reich, ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. P. 161–191.
210. *Simes, D. L.* What Russia's Youth Are Thinking / D. L. Simes // The National Interest. 19.08.2019. <https://nationalinterest.org/feature/what-russias-youth-are-thinking-29072> (21.04.2022). Text: electronic.
211. *Sobkowicz, P.* Extremism without extremists: Deffuant model with emotions / P. Sobkowicz. Text: print // Frontiers in Physics. 2015. 3(MAR), p. 17.
212. *Tankenova, L. K.* Terrorism and extremism: Approaches to the study / L. K. Tankenova. Text: print // Asian Social Science. 2015. 11(6), P. 150–156.
213. *Thomas, P.* Youth, terrorism and education: Britain's Prevent programme / P. Thomas. Text: print // International Journal of Lifelong Education/ 2016. 35(2), pp. 171–187.
214. *Uhlmann, M.* ICSR Insight – France Tests «Tough Love» De-radicalisation Approach. 15 June 2016. <http://icsr.info/2016/06/france-tests-tough-love-de-radicalisation-approach/>. Text: electronic.

215. *Weinberg, L.*, Italian Women Terrorists / L. Weinberg, L. E. William. Text: print // *Terrorism: An International Journal*. 1987. № 3 (9). P. 241–262.
216. *Zinchenko, Y. P.* Extremism from the perspective of a system approach / Y. P. Zinchenko. Text: print // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2014. 7(1), P. 23–33
217. *Zisser, E.* Hizballah in Lebanon At the Crossroads / E. Zisser. Text: print // *Terrorism and Political Violence*. 1996. №. 2 (8). Summer. P. 90–110.

Диагностические задания по педагогической профилактике проявлений молодежного экстремизма

Диагностические задания предназначены студентам организаций среднего профессионального образования с целью формирования и развития у них иммунитета к пропаганде молодежного экстремизма в условиях неконтролируемого распространения экстремистских идей среди учащейся молодежи. Задания включают три вопроса, каждый из которых соответствует определенному уровню усвоения знаний и умений студентами:

1) осознанному запоминанию и воспроизведению учебных профилактических знаний;

2) субъективному анализу и воспроизведению антинаучных эклектичных взглядов и аргументов догматического обоснования различных форм проявления радикализма и экстремизма в условиях неконтролируемого распространения экстремистских идей среди молодежи;

3) объективному анализу, систематизации и воспроизведению научных взглядов и аргументов теоретической и практической несостоятельности различных форм проявления экстремизма и радикализма в условиях неконтролируемого распространения экстремистских идей среди молодежи.

Задание 1

1. Что такое «правый идейно-политический радикализм»?

2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования правого идейно-политического радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?

3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность правого идейно-политического радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 2

1. Что такое «правый идейно-политический экстремизм»?

2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования правого идейно-политического экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?

3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность правого идейно-политического экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 3

1. Что такое «левый идейно-политический радикализм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования левого идейно-политического радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность левого идейно-политического радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 4

1. Что такое «левый идейно-политический экстремизм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования левого идейно-политического экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность левого идейно-политического экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 5

1. Что такое «религиозный радикализм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования религиозного радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность религиозного радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 6

1. Что такое «религиозный экстремизм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования религиозного экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность религиозного экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 7

1. Что такое «спортивный радикализм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования спортивного радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?

3. Какие научные взгляды и аргументы доказывает теоретическую и практическую несостоятельность спортивного радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 8

1. Что такое «спортивный экстремизм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования спортивного экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность спортивного экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 9

1. Что такое «национальный радикализм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования национального радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывает теоретическую и практическую несостоятельность национального радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 10

1. Что такое «национальный экстремизм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования национального экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность национального экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 11

1. Что такое «криминальный радикализм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования криминального радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывает теоретическую и практическую несостоятельность криминального радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 12

1. Что такое «криминальный экстремизм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования криминального экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность криминального экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 13

1. Что такое «социальный радикализм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования социального радикализма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывает теоретическую и практическую несостоятельность социального радикализма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

Задание 14

1. Что такое «социальный экстремизм»?
2. Какие антинаучные взгляды и аргументы обоснования социального экстремизма вы знаете? Почему эти взгляды и аргументы субъективны, эклектичны и догматичны?
3. Какие научные взгляды и аргументы доказывают теоретическую и практическую несостоятельность социального экстремизма? Почему эти научные взгляды и аргументы носят объективный и системный характер?

**Проверка валидности диагностических заданий
по педагогической профилактике проявлений
молодежного экстремизма**

Таблица 2 - Ряды успеваемости студентов (по ранговой корреляции Спирмена)

гр. МС-14-02

Студенты	Порядковый номер по заданиям	Порядковый номер по журналу	$D = X^1 - Y^2$	D^2
А	7	7	0	0
Б	17	14	3	9
В	13	13	0	0
Г	15	15	0	0
Д	1	1	0	0
Е	12	12	0	0
Ж	10	11	1	1
З	11	10	1	1
И	5	6	1	1
К	9	9	0	0
Л	4	5	1	1
М	8	4	4	16
Н	6	8	2	4
О	14	17	3	9
П	16	16	0	0
Р	2	2	0	0
С	3	3	0	0

$n = 17$

Проверка валидности осуществляется по формуле

$$q = 1 - \frac{6 * \sum D^2}{n(n^2 - 1)} = 1 - \frac{6*42}{17(289 - 1)} = 1 - \frac{252}{4896} = 1 - 0,051 = 0,949 ,$$

где q – коэффициент порядковой корреляции;

D^2 – квадрат разности мест обучающихся по выполнению заданий;
 n – объем выборки (количество обучающихся).

При

$q = 0,949$ – высокая валидность тестового задания.

**Достоверность разности процентных чисел
по общему сдвигу в уровнях усвоения знаний
в контрольных и экспериментальных группах
при педагогической профилактике проявлений
молодежного экстремизма**

Таблица 3 – Уровни усвоения профилактических знаний

Уровни усвоения	Контрольные усвоения профилактических знаний группы*		Экспериментальные группы**	
	Количество человек	%	Количество человек	%
I уровень	381	36,4	95	9,2
II уровень	406	38,8	181	17,6
III уровень	260	24,8	753	73,2

*Контрольные группы – 1047 человек

**Экспериментальные группы – 1029 человек

Разность процентных чисел вычисляется по следующей формуле [145, с. 282]:

$$D = p_1 - p_2,$$

где p_1 – результат в экспериментальных группах, %;

p_2 – результат в контрольных группах, %.

Средняя ошибка разности процентных чисел вычисляется по формуле:

$$MD\% = \sqrt{\frac{p_1 \cdot q_1}{n_1} + \frac{p_2 \cdot q_2}{n_2}},$$

где $MD\%$ – средняя ошибка разности процентных чисел;

p_1, p_2 – результаты в экспериментальной и контрольной группах, %;

q_1, q_2 – соответственно $100\% - p_1$ и $100\% - p_2$;

n_1, n_2 – количество исследуемых явлений.

При D в 2-3 раза большей, чем $MD\%$, различие между двумя процентными числами является *доверительным*, при более чем трехкратной разнице – различие *безусловно доверительное* [145, с. 282].

I уровень усвоения профилактических знаний:

$$MD\% = \sqrt{\frac{9,2 \cdot 90,8}{753} + \frac{36,4 \cdot 63,6}{260}} = 3,16;$$

$$D = 36,4 - 9,2 = 27,2;$$

$$\frac{D}{MD\%} = \frac{27,2}{3,16} = 8,6.$$

Различие абсолютно достоверное [145, с. 282].

II уровень усвоения профилактических знаний:

$$MD\% = \sqrt{\frac{17,6 \cdot 82,4}{753} + \frac{38,8 \cdot 61,2}{260}} = 3,33;$$

$$D = 38,8 - 17,6 = 21,2;$$

$$\frac{D}{MD\%} = \frac{21,2}{3,33} = 6,38.$$

Различие абсолютно достоверное [145, с. 282].

III уровень усвоения профилактических знаний:

$$MD\% = \sqrt{\frac{73,2 \cdot 26,8}{753} + \frac{24,8 \cdot 75,2}{260}} = 3,13;$$

$$D = 73,2 - 24,8 = 48,4;$$

$$\frac{D}{MD\%} = \frac{48,4}{3,13} = 15,48.$$

Различие абсолютно достоверное [145, с. 282].